

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Вольтер

Орлеанская девственница

Для своей поэмы Вольтер использовал один из драматических эпизодов Столетней войны между Францией и Англией – освобождение Орлеана от осаждавших его английских войск. Замысел поэмы возник, очевидно, в 20-е годы XVIII в. Работал над ней Вольтер медленно, с большими перерывами. Первые песни были написаны к началу 30 – концу 40 гг.

Первое анонимное франкфуртское издание «Орлеанской девственницы» датируется 1755 г. В текст этого издания было вставлено много фривольных строк и эпизодов, искажены отдельные мысли, что очень возмутило Вольтера. Второе анонимное издание, предпринятое в Париже в 1756 г., также пестрело инородными вставками. По совету друзей поэт отказался поставить свое имя на книге. Поэма была издана в 1762 г. у братьев Крамеров в Женеве, в таком виде она переиздавалась несколько раз. Для этого издания поэт заметно смягчил сатиру на священнослужителей. Тем не менее сразу же после выхода «Орлеанская девственница» была занесена в «Индекс запрещенных книг».

В.И. Пащенко

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТЦА АПУЛЕЯ РИЗОРИЯ БЕНЕДИКТИНЦА

Будем признательны доброй душе, благодаря которой у нас появилась «Девственница». Как известно ученым и как явствует из некоторых черт самого труда, эта героическая и назидательная поэма написана около 1730 года. Из письма 1740 года, напечатанного в собрании мелких произведений одного великого государя, под именем «Философа из Сан-Суси»[1 – речь идет о прусском короле Фридрихе II (1712 – 1786), построившем в 1745 г. дворец Сан-Суси около Потсдама. В 1750 г. вышел трехтомник его произведений на французском языке, в который вошли оды, послания, поэмы и письма. В одном из писем Фридрих II упрекает Вольтера за то, что тот дал переписывать «Орлеанскую девственницу» не ему, а герцогине Вюртембергской.], видно, что некая немецкая принцесса, которой дали на время рукопись только для прочтения, была так восхищена осмотрительностью, с какой автор развил столь скользкую тему, что потратила целый день и целую ночь, заставляя списывать и списывая сама наиболее назидательные места упомянутой рукописи. Этот самый список наконец попал к нам. Обрывки нашей «Девственницы» уже неоднократно появлялись в печати, ценители здоровой литературы всякий раз бывали возмущены, видя, как ужасно она искажена. Одни издатели выпустили ее в пятнадцати песнях, другие в шестнадцати, восемнадцати, двадцати четырех, то разделяя одну песнь на две, то заполняя пропуски такими стихами, от которых отсекся бы возница Вертамона[2 – Возница Вертамона – Этьен (ум. в 1724), автор и певец популярных народных песенок.], прямо из кабачка отправлявшийся на поиски приключений[3 – В последних изданиях этой поэмы, сделанных невеждами, читатель с возмущением видит множество стихов, вроде: И пальцем проверяет тут Шандос: Иоганна все по-прежнему ль девица? «Черт побери тесьму!» – хрипя, бранится. Но вот тесьму и вправду черт унес. Шандос встряхнуть свою тряпицу тщится,..... На свой манер у каждого повадка. О Людовике Святом там говорится: Уж лучше бы бедняга развлекался в постели со своею Марготон... Он ракового супа не едал, и т. д. Кальвин там современник Карла VII; все искажено, все испорчено бесчисленными нелепостями; автор этой мерзости, годной единственно для всякого сброда, расстрига-капуцин, принявший имя Мобера.].

Итак, вот «Иоанна» во всей своей чистоте. Мы боимся высказать слишком смелое предположение, назвав имя автора, к которому приписывают эту эпическую поэму. Достаточно, чтобы читатели могли извлечь назидание из морали, скрытой в аллегориях поэмы. К чему знать, кто автор? Немало есть трудов, которые ученые и мудрые читают с наслаждением, не зная, кто их написал, как, например, «Pervigilium Veneris»[4 – «Ночное бдение в честь Венеры» (лат.)] – сатира, приписываемая Петронию[5 – Петроний Гай (неизв. – 66 н. э.) – римский писатель, автор романа «Сатирикон», в котором высмеивается окружение императора Нерона.], и множество других.

Особенно нас утешает, что в нашей «Девственнице» найдется гораздо меньше дерзостей и вольностей, чем у всех великих итальянцев, писавших в этом роде.

Verum enim vero[6 – в самом деле (лат.)], начать с Пульчи, – нам было бы очень досадно, если бы наш скромный автор дошел до тех маленьких вольностей, которые допускает тот флорентинец в своем «Morgante». Этот Луиджи Пульчи, бывший почтенным каноником, написал свою поэму в середине XV века для синьоры Лукреции Торнабуони, матери Лоренцо Медичи Великолепного[7 – Лоренцо Медичи Великолепный (1448 – 1492) – правитель флоренции с 1469 г., поэт, покровитель наук и искусства.]; и передают, что «Morgante» пели за столом у этой дамы. Это была вторая эпическая поэма Италии. Ученые много спорили о том, серьезное это сочинение или шуточное.

Те, кто счел ее серьезной, основывались на вступлении к каждой песне, начинающемся стихами из Писания. Вот, например, вступление к первой песне:

In principio era il Verbo appresso a Dio:
Ed era Iddio il Verbo, e'l Verbo Iui.
questo era il principio al parer mio, ets

В начале было Слово – Слово Бога,
Бог Словом был, и Слово было Богом,
Все началось от этого порога, и т. д. (ит.).

Если первая песня начинается Евангелием, то последняя кончается «Salve regina»[8 – «Здравствуй царица» (лат.)], и это оправдывает мнение тех, которые полагали, что автор писал вполне серьезно: ведь в то время театральные пьесы, ставившиеся в Италии, извлекались из «Страстей» или из «Житий святых».

Те же, кто рассматривал «Morgante» как шуточное произведение, обратили внимание лишь на некоторые слишком большие вольности, там допущенные.

Моргайте спрашивает Маргутте, христианин он или магометанин:

E se egli crede in Cristo o in Maometto.

Rispose allor Margutte: A dirtel tosto,
Io non credo piu al nero che al azzuro;
Ma nel cappone, o lesso o vuogli arrosto;

.....
Ma sopra tutto nei buon vino ho fede;
E credo che sia salvo chi gli crede.
Or queste son tre virtu cardinale,
La gola, e'l culo, e'l dado, come io t'ho ditto

Кто свят ему – Христос или Магомет?

Маргутте отвечал: «Ни в чох, ни в сон
Не верю я, – но верую в цыпленка,
Когда на славу подрумянен он.

.....
А пуще верю я в стакан вина,
Душа той верой будет спасена.
Три главных добродетели мне святы:
Зад, глотка и игра. Вот мой ответ (ит.).

Заметьте, пожалуйста, что Крешимбени[9 – Крешимбени (1663 – 1728) – итальянский писатель, основатель академии «Аркадия»], нисколько не затрудняющийся поместить Пульчи в ряду настоящих эпических поэтов, говорит, в его извинение, что это самый скромный и самый умеренный из писателей своего времени: «il phi modesto e moderato scrittore». В действительности он был предшественником Боярда[10 – Боярдо Маттео Мария ди Скандиано (1441 – 1494) – итальянский поэт эпохи Возрождения, автор героико-фантастической поэмы «Влюбленный Роланд».] и Ариоста. Благодаря ему прославились в Италии Роланды, Рено, Оливье и Дюдоны[11 – Роланды, Рено, Оливье и Дюдоны – герои поэм Боярдо и Ариосто.], и он почти равен Ариосту чистотой языка.

Недавно вышло очень хорошее издание его con licenza de'superiori[12 – с разрешения властей (ит.)]. И, конечно, это не я его выпустил; если бы наша Девственница говорила так же бесстыдно, как этот Маргутте, сын турецкого священника и греческой монахини, я бы поостерегся ее печатать.

В «Иоанне» не найти и таких дерзостей, как у Ариоста; здесь не встретить святого Иоанна, обитающего на Луне и говорящего:

Gli scrittori amo, e fo il debito mio,
Che al vostro mondo fui scrittore anch'io.

.....
E ben convenne ad mio lodato
Cristo Rendermi guiderdon di si gran sorte, etc

Мне сочинителей любить пристало:
Я в мире вашем сочинил немало.

.....
По праву наградил меня Христос
За то, что так его я превознес... (ит.).

Это заносчиво; и здесь святой Иоанн позволяет себе то, чего ни один святой в «Девственнице» себе никогда не позволил бы. Выходит, что Иисус обязан своей божественностью только первой главе Иоанна и что этот евангелист ему польстил! Подобное утверждение отдает социнианством[13 – Социнианство – протестантское учение, основанное итальянцем Лелио Социном (или Соццини, 1525 – 1562), отрицавшее святую троицу и божественность Христа, проповедовавшее веротерпимость.]. Наш сдержанный автор не мог бы впасть в такую крайность.

Также весьма для нас утешительно, что сей скромный автор не подражал ни одному из наших старинных романов, историю которых написали ученый епископ Авранский Гюэ и компилятор аббат Ланеле. Доставьте себе удовольствие прочесть в «Ланселоте с озера»[14 – «Ланселот с озера» – роман XIII в. из цикла Артуровских романов или романов Круглого стола о рыцаре Ланселоте, который отправился на поиски чаши святого Грааля.] главу под заглавием: «О том, как Ланселот спал с королевой и как она вернулась к сирю де Лагану», и вы увидите, как целомудрен наш автор в сравнении со старыми нашими писателями.

Но quid dicam[15 – что сказать (лат.)] о чудесной истории Гаргантюа, посвященной кардиналу де Турнону? Известно, что глава «О подтирках» – одна из наиболее скромных в этом произведении.

О произведениях современных мы не говорим; скажем только, что все старые повести, сочиненные в Италии и переложенные в стихи Лафонтеном, также менее нравственны, чем наша «Девственница». В общем, мы желаем всем нашим строгим цензорам тонкие чувства прекрасного Монроза; нашим скромницам, если только они существуют, простодушие Агнесы и нежность Доротей; нашим воинам – десницу мощной Иоанны; всем иезуитам – нрав доброго духовника Бонифация; всем управителям в хорошо поставленных домах – распорядительность и умение Бонно.

К тому же мы считаем эту книжечку отличным средством против ипохондрии, угнетающей в настоящее время некоторых дам и некоторых аббатов; и если мы окажем обществу хотя бы только эту услугу, мы сочтем, что потратили время не даром.

СОДЕРЖАНИЕ

Нежная любовь Карла VII и Агнесы Сорель. Осада Орлеана англичанами. Явление святого Дениса и пр.

Я не рожден святыню славословить,
Мой слабый глас не взыдет до небес,
Но должен я вас ныне приготовить
К услышанью Иоанниных чудес.
Она спасла французские лилеи.
В боях ее девической рукой
Поражены заморские злодеи.
Могучею блистая красотой,
Она была под юбкою герой.
Я признаюсь, – вечернею порой
Милее мне смиренная девица,
Послушная, как агнец полевой;
Иоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод
Являлася всех витязей славнее
И что всего чудеснее, труднее,
Цвет девственный хранила круглый год.

О ты, певец сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и бестолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,
Почтить меня скрипицею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.

Державный Карл [16 – Карл VII (1403 – 1461) – французский король с 1422 г. К моменту его прихода к власти, почти вся Франция была оккупирована Англией. Согласно подписанному французской королевой Изабеллой Баварской (1371 – 1435) договору (1420) французский престол переходил к англичанам. Карл VII не признал этот договор и начал длительную войну с англичанами, но терпел поражения. Лишь после появления в 1429 г. Жанны д'Арк английские войска были разбиты под Орлеаном, был взят Реймс, где официально короновался Карл VII. После перехода на его сторону герцога Бургундского к 1435 г. вся Франция, кроме г. Кале, была освобождена от английских войск.], в расцвете юных дней,

В старинном Туре на балах пасхальных
(Он был любитель развлечений балных)
Пленился, к счастью для своих земель,
Красавицей Агнесою Сорель [17 – Агнеса Сорель (1422 – 1450) – фаворитка Карла VII, имевшая от него несколько дочерей.].

Такого чуда не встречали взоры.
Вообразите нежный облик флоры [18 – Флора – в римской мифологии богиня весеннего цветения и юности.],

Стан и осанку молодых дриад,
Живую прелесть Анадиомены [19 – Анадиомена – букв, вынырывающая; имеется в виду богиня любви и красоты Афродита, которая, по одному древнегреческому мифу родилась из морской пены.]

И Купидона шаловливый взгляд,
Персты Арахны [20 – Арахна, или Арахнея – в древнегреческом мифе – искусная ткачиха, вступившая в состязание с богиней Афиной и победившая ее.

Разгневанной богиней была превращена в паука.], сладкий глас сирены, –

В ней было все; пред ней бы в прах легли
Герои, мудрецы и короли.

Ее узреть, влюбиться, млеть от страсти,
Желаний сладких испытать напасти,
Глаз не сводить с Агнесы, трепетать
И голос, к ней приблизившись, терять,
Ей руки жать ласкающей рукою,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Дать чувствам течь пылающей рекою,
Томиться, в свой черед к себе маня,
Понравиться ей – было делом дня.
Любовь царей стремительней огня.
В любви искусна, думала Агнеса,
Что страсть их скроет тайная завеса
Но эту ткань прозрачную всегда
Нескромный взор пронижет без труда.

Чтоб ни один о них не знал повеса,
Король избрал советника Бонно,
Чью верность испытал уже давно:
Он был носителем большого чина,
Который двор, где все освящено,
Зовет учтиво другом властелина,
А грубые уста простолюдина –
Обычно сводней, что весьма срамно.
У этого Бонно в глуши укромной
Был на Луаре замок – хоть куда.
Агнеса тайно подплыла туда,
И сам король приехал ночью темной.
Их ужин ждал приятный, хоть и скромный;
Бонно достал вино из погребов.
Как вы ничтожны, пиршества богов!
Любовники, смущенные заране,
Во власти опьяняющих желаний,
В ответ на взгляд бросали жгучий взгляд,
Предвестие полуночных услад.
Беседа, скромная, но без стеснения,
Усиливала пламя нетерпенья.
Король Агнесу взором пожирал,
Нежнейший вздор украдкой шептал
И ногу ей ногою прижимал.

Окончен пир. Венеции и Лукки
Несутся хроматические звуки;
С тройным напевом сладкий голос свой
Сливают скрипка, флейта и гобой.
Слова поют о сказочном герое,
Который, в ослепительной мечте
Прийтись по сердцу деве-красоте,
Забыл о славе и о поле боя.
Оркестр был скрыт в укромном уголке,
От молодой четы невдалеке.
Агнеса, девичьим стыдом томима,
Все слышала, никем чужим не зрима.

Уже луна вступила в свой зенит;
Настала полночь: час любви звенит.
В алькове царственно-позолоченном,
На темном и не слишком освещенном,
Меж двух простынь, каких теперь не ткнут,
Красы Агнесы обрели приют.
Открыта дверь перед альковым прямо;
Алиса, многоопытная дама,
Ее не зря забыла притворить.
О юноши, способные любить,
Поймите вы и сами, без сомненья,
Как наш король сгорал от нетерпенья!
На пряди ровные кудрей
Уж пролит дивно пахнувший елей.
Он входит, с девой он ложится рядом;
О, миг, чудесным отданный усладам!
Сердца их бьются, то любовь, то стыд
Агнесин лоб и жжет и леденит.
Проходит стыд, любовь же пребывает.
Ее любовник нежный обнимает.
Его глаза, что страсть восторгом жжет,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Не оторвутся от ее красот.
В чьем сердце не проснулася бы нега?

Под шеей стройною, белее снега,
Две белых груди, круглы и полны,
Кольшутся, Амуром созданы;
Увенчивают их две розы милых.
Сосцы-цветы, что отдохнуть не в силах,
Зовете руку вы, чтоб вас ласкать,
Взор – видеть вас, и рот – вас целовать.
Моим читателям служить готовый,
Их жадным взглядам я бы показал
Нагого тела трепетный овал, –
Но дух благопристойности суровый
Кисть слишком смелую мою сдержал.
Все прелесть в ней и все благоуханье.
Восторг, Агнесы пронизавший кровь,
Дает ей новое очарованье,
Живит ее; сильнее румян любовь,
И нега красит нежное созданье.

Три месяца любовники живут,
Ценя свой обольстительный приют.
К столу приходят прямо от постели.
Там завтрак, чудо поварских изделий,
Дарует чувствам прежнюю их мощь;
Потом на лов среди полей и роц
Их андалусские уносят кони,
И лаю гончих вторит крик погони.
По возвращенье в баню их ведут.
Духи Аравии, масла, елей,
Чтоб сделать кожу мягче и свежее,
Над ними слуги пригоршнями льют.

Пришел обед; изысканное мясо
Фазана, глухаря или бекаса,
В десятках соусов принесено,
Ласкает нос, гортань и взгляд равно.
Аи веселый, искристый и пенный,
Токайского янтарь благословенный
Щекочет мозг и мыслям придает
Огонь, необходимый для острот,
Таких же ярких, как напиток пьяный,
Что зажигает и живит стаканы.
Бонно в ладоши хлопает, хваля
Удачные словечки короля.

Пищеваренье к ночи их готовит;
Рассказывают, шутят и злословят,
Под чтение Аленовых стихов[21 – Ален Шартье (1385 – 1433) – французский придворный поэт Карла VII, «отец французского красноречия».];

Дивятся на сорбонских докторов,
На попугаев, обезьян, шутов.
Подходит ночь; искусные актеры
Комедией увеселяют взоры,
И, день блаженный завершая вновь,
Над нежной парой властвует любовь.
Им, завлеченным в сети наслажденья,
Как первой ночью, новы упоенья.
Всегда довольны, ни один не хмур,
Ни ревности, ни скуки, ни бессилья,
Ссор не бывает; Время и Амур
Вблизи Агнесы позабыли крылья.
Карл повторял, обвив ее рукой,
Даря подруге жаркое лобзанье:
«Агнеса, милая, мое желанье,
Весь мир – ничто перед твоей красотой,
Царить и биться, – что за сумасбродство!
Парламент мой отрекся от меня;

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Британский вождь [22 – Британский вождь – герцог Бедфорд, Джон Ланкастер (1389 –1435), младший брат английского короля Генриха V, коронованного королем Франции; после его смерти короновал юного Генриха VI на престол и стал регентом.] грозней день ото дня;

Но пусть мое он видит превосходство:
Он царствует, но ты зато – моя».

Такая речь не слишком героична,
Но кто вдыхает благовонный мрак
В руках любовницы, тому прилично
И позабыться, и сказать не так.

Пока он жил средь неги и приятства,
Как настоятель тучного аббатства,
Британский принц, исполнен святотатства,
Всегда верхом, всегда вооружен,
С мечом, освобожденным из ножен,
С копьем склоненным, с поднятым забралом
По Франции носился в блеске алом.
Он бродит, он летает, ломит он
Могучий форт, и крепость, и донжон,
Кровь проливает, присуждает к платам,
Мать с дочерью шлет на позор к солдатам,
Монахинь поруганью предает,
У бернардинцев их мускаты пьет,
Из золота святых монету бьет
И, не стесняясь ни Христа, ни Девы,
Господни храмы превращает в хлевы:
Так в сельскую овчарню иногда
Проникнет хищный волк и без стыда
Кровавыми зубами рвет стада
В то время, как, улегшись на равнине,
Пастух покоится в руках богини,
А рядом с ним его могучий пес
В остатки от съестного тычет нос.

Но с высоты блестящей апогея,
От наших взоров скрытый синевою,
Добряк Денис, издавний наш святой,
Глядит на горе Франции, бледнея,
На торжество британского злодея,
На скованный Париж, на короля,
Что все забыл, с Агнесою дремля.
Святой Денис – патрон французских ратей,
Каким был Марс для римских городов,
Паллада – для афинских мудрецов.
Но надобно не смешивать понятий:
Один угодник стоит всех богов.

«Клянусь, – воскликнул он, – что за мытарство
Увидеть падающим государство,
Где веры водружал я знамена!
Ты, лилия, стихиям отдана;
Могу ли валуа не сострадать я?
Не потерплю, чтоб бешеные братья
Британского властителя могли
Гнать короля с его родной земли.
Я, хоть и свят, – прости мне, боже правый, –
Не выношу заморской их державы.
Мне ведомо, что страшный день придет,
И этот прекословящий народ
Святые извратит постановленья,
Отступится от римского ученья
И будет папу жечь из года в год.
Так пусть заране месть на них падет:
Мои французы мне пребудут верны,
А бриттов совратит прельщенье скверны;
Рассеет же весь род их лицемерный,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Накажем их, надменных искони,
За все то зло, что сделают они».

Так говорил угодник в рощах рая,
Проклятьями молитвы уснащая.
И в тот же час, как бы ему в ответ,
Там, в Орлеане, собрался совет.
Был осажден врагами город славный
И изнемог уже в борьбе неравной.
Вельможи, ратной доблести полны,
Советники – седые болтуны,
По-разному неся свои печали,
«Что делать?» – поминутно восклицали.

Потон, Ла Гир и смелый Дюнуа[23 – Потон, Ла Гир и смелый Дюнуа – французские полководцы, защищавшие Орлеан во время его осады англичанами. Потон де Сент-райль (умер в 1461 г.), гасконский дворянин, командир партизанского отряда. Ла Гир (ок. 1390 – 1443) – полководец, добился победы над англичанами под Орлеаном в 1429 г. Жан де Дюнуа (1403 – 1468) – победил англичан под Монтаржи, в 1436 г. взял Париж. Считался верным рыцарем Жанны д'Арк.]

Враз крикнули надменные слова:
«Соратники, вперед, вся кровь – отчизне,
Мы дорого продать сумеем жизни».

Бретань (1393 – 1458) – герцог, командующий французскими войсками, в 1435 г. заключил Аррасский мир Франции с Англией.] –

Дотла весь город должен быть сожжен;
Пускай ворвавшиеся англичане
Найдут лишь дым и пепел в Орлеане».

– полководец, фаворит французского короля Карла VII.]: «Ах, злой удел

Мне в Пуату родиться повелел!
В Милане я оставил Доротею;
Здесь, в Орлеане, я в разлуке с нею.
В боях пролью я безнадежно кровь,
И – ах! – умру, ее не встретив вновь!»
А президент Луве, министр монарший,
На вид мудрец, с осанкой патриаршей,
Сказал: «Должны мы все же до тех пор
Просить парламент вынести приговор
Над англичанами, чтоб в этом деле
Нас в упущеньях упрекать не смели».
Луве, юрист, не знал того, – увы! –
Что было достоянием молвы:
А то бы он заботился не меньше,
Чем о врагах, о милой президентше.
Вождь осаждающих, герой Тальбот,
Любя ее, любим был в свой черед.
Луве не знал; его мужское рвенье
Лишь Франции преследует отмщенье.
В совете воинов и мудрецов
Лились потоки благородных слов,
Спасать отчизну слышались призывы;
Особенно Ла Гир красноречивый
И хорошо, и долго говорил,
Но все-таки вопроса не решил.

Пока они шумели, в окнах зала
Пред ними тень чудесная предстала.
Прекрасный призрак с розовым лицом,
Поддержан светлым солнечным лучом,
С небес отверстых, как стрела, несется,
И запах святости в собрание льется.
Таинственный пришлец украшен был
Ушастой митрой, сверху расщепленной,
Позолоченной и посеребрянной;
Его долматик по ветру парил,
Его чело сияло ореолом,

Вольтер Орлеанская девственница filosoffoff.org

Его стихарь блистал шитьем тяжелым,
В его руке был посох с завитком,
Что был когда-то авгурским жезлом.
Он был еще чуть зрим в огне своем,
А Ла Тримуйль, святоша, на колени
Уже упал, твердя слова молений.
Ришмон, в котором сердце как булат,
Хулитель и кощунственник исправный,
Кричит, что это сатана державный,
Которого им посылает ад,
Что это будет шуткой презабавной –
Узнать, как с Люцифером говорят.
А президент Луве летит стрелюю,
Чтоб отыскать горшок с водой святою.
Потон, Ла Гир и Дюнуа стоят,
Вперив в пространство изумленный взгляд,
Простерлись слуги, трепетом объята.
Видение все ближе, и в палаты
Влетает тихо, на луче верхом,
И осеняет всех святым крестом.
Тут каждый крестится и упадает.
Он их с улыбкой кроткой поднимает
И молвит: «Не дрожите предо мной;
Ведь я Денис, а ремеслом – святой.
Я Галлии любимой просветитель.
Но я оставил вышнюю обитель,
Увидя Карла, внука моего,
В стране, где не осталось ничего,
Который мирно, позабыв о бое,
Две полных груди гладит на покое.
И я решил прийти на помощь сам
За короля дерущимся бойцам,
Кладя предел скорбям многотревожным.
Зло исцеляют противоположным.
И если Карл для девки захотел
Утратить честь и с нею королевство,
Я изменить хочу его удел
Рукой юницы, сохранившей девство.
Коль к небу вы подьмете главы,
Коль христиане и французы вы,
Для церкви, короля и государства
Вы призваны помочь мне без коварства,
Найти гнездо, где может обитать
Тот феникс, что я должен отыскать».

Так старичок почтенный объяснялся.
Когда он кончил, смех кругом раздался.
Ришмон, насмешник вечный и шутник,
Вскричал: «Клянусь, мой милый духовник,
Мне кажется, вы вздумали напрасно
Покинуть ваш приют весьма прекрасный,
Чтобы отыскивать в стране гуляк
Игрушечку, что цените вы так.
Спасать посредством девственности крепость
Да это вздор, полнейшая нелепость.
Притом не видно дев у нас в краю,
Зато они кишмя кишат в раю!
Свечей церковных в Риме и в Лорете
Не более, чем дев в нагорном свете.
Но вот во Франции – увы! – их больше нет,
В монастырях и то пропал их след.
От них стрелки, сеньоры, капитаны
Давно освободили наши страны;
Подкидышей побольше, чем сирот,
Наделал этот воровской народ.
Святой Денис, не нужно споров длинных;
В других местах ищите дев невинных».

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Угодник покраснел пред наглецом;
Затем, опять на луч вскочив верхом,
Как на коня, не говоря ни слова,
Пришпоривает и взлетает снова,
За безделушкою, милей цветка,
Что так нужна ему и так редка.
Оставим же его; пока он рыщет
Везде, где есть дневным лучам пути,
Читатель-друг, желаю вам найти
Алмаз любви, которого он ищет!

Конец песни первой

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Иоанна, получив снаряжение от святого Дениса, отправляется к Карлу VII в Тур; что она совершила по пути и как ей был дан патент на звание деви

Блажен возлегший с девою на ложе!
Добро ему; но волновать сердца,
По-моему, во много раз дороже.
Любимым быть – вот счастье мудреца.
К чему лишать цветок его венца?
Пусть нас Любовь подарит этой розой.
Толковники нам исказили прозой
Прекрасный текст; когда принять их толк,
То с наслажденьем несовместен долг.
Я против них готовлю сочиненье,
Где изложу искусство из искусств,
Как в самом долге черпать наслажденье,
Обуздывая треволненья чувств.
Святой Денис мое поддержит рвенье,
Ко мне склоняясь в горней вышине;
Я пел его, и он поможет мне.
Но, в ожиданье, должен рассказать я
Конец его святого предприятия.

Среди Шампанских невысоких гор,
Где сто столбов, увенчанных гербами,
«Вы в Лотарингии», – вещают сами,
Был городок, безвестный до тех пор;
Но он стяжал невянущую славу,
Затем что спас французскую державу
И галльских лилий искупил позор.
О Домреми, твои поля и воды
На годы да прославятся и годы!

Твоих холмов убогих не пестрят
Ни апельсин, ни персик, ни мускат,
И твоего вина я пить не стану;
Но Франции ты подарил Иоанну.
Здесь родилась она: кюре-петух,
Производивший всюду божьих слуг,
За мессой, за столом, в постели рьяный,
Когда-то инок, был отцом Иоанны;
Стангорничной, дебелой и румяной,
Был формою, в которой отлита
Британцам памятная красота.
В шестнадцать лет при лошадях таверны

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org

Ей отыскали заработок верный,
И в краткий срок о молодой красе
В округе Вокулера знали все.
Решительна осанка, но пристойна;
Огромные глаза пылают знойно;
Зубов блестящих ровно тридцать два;
Гордиться ими впряме ротик алый,
На строгий вкус не маленький, пожалуй,
Но выписанный кистью божества,
Волнующий и яркий, как кораллы.
Грудь смуглая, но тверже, чем скала,
Попу, бойцу и книжнику мила.
Жива, ловка, сильна; в одежде чистой,
Рукою полною и мускулистой
Мешки таскает, в чаши льет вино
Сеньору и крестьянину равно
И мимоходом оплеухи сыплет,
Когда повес нескромная рука
Ее за грудь или за бедра щиплет.
Смеется, трудится до огонька,
Коней впрягает, водит к водопою
Иль, их сжимая стройною ногою,
Летит резвее римского стрелка.

О глубина премудрости верховной!
Как ты играешь гордостью греховной
Всех величайших, малых пред тобой!
Как малый вознесен твоей рукой!
Святой Денис, служитель верный твой,
По замкам ослепительным не рыщет,
Средь вас, о герцогини, он не ищет,
Денис спешит, – чудно, но это так, –
На поиски невинности в кабак.
Он в самый раз явился, чтобы девству
Обида не была нанесена.
Уже беда грозила королевству.
Известно, сколь коварен Сатана;
И, опоздай святитель на минутку,
Он с Францией сыграл бы злую шутку.
Один монах, прозваньем Грибурдон,
Покинувший с Шандосом Альбион,
Был в это время в том же самом месте,
И он решил лишить Иоанну чести.
Разведчик, проповедник, духовник,
Он был бы первым в воровском собрание.
Повсюду он свой нос совать привык;
И был к тому ж искусен в тайном званье
[26 – то есть Грибурдон
знал каббалу – древнееврейское тайное учение, предсказывавшее будущее при помощи
Библии, которая расшифровывалась особым способом.]
Египетское ведал волшебство,
Что некогда хранилось колдунами,
Еврейскими семью мудрецами;
Но наши дни утратили его;
Век тьмы, когда не помнят ничего!

Ему поведала его кабала,
Что гибелью Иоанна угрожала
Его друзьям, под юбкою своей
Нося судьбу обоих королей.
И, будучи в союзе с василиском

[27 – Василиск – согласно средневековой легенде так называлось чудище с петушиной головой, жабым туловищем и змеиным хвостом. Святой Франциск – Франциск Ассизский (1182 – 1226), основавший орден францисканцев.]

Поклялся он ни спать, ни пить, ни есть,
Поклялся чертом и святым Франциском
Бесценный сей палладий приобрести,
Над чувствами Иоанны торжествуя;
Он восклицал, гнусавя аллилуйя:

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
«И родине и церкви послужу я;
Монах и бритт обязан жить, любя
Свою страну и, главное, себя».

У некоего грубого невежды
Явились те же самые надежды,
С правами теми же на страстный пыл
Уж потому, что конюхом он был;
Он предлагал вниманию подруги
Страсть грубую и грубые услуги;
Случайности ежеминутных встреч
Могли бы девушку к нему привлечь,
Но стыд ее торжествовал, по счастью,
Над проникающею в душу страстью.
И Грибурдон опасность увидал:
Как книги, он сердца людей читал.
Он страшного соперника находит
И разговор с ним ласковый заводит:
«Могучий витязь, вы, без лишних слов,
Изрядней всех вам вверенных ослов
И девственницы стоите, конечно;
Как вы, я тоже страстью к ней палим.
Усилия свои соединим;
Я, как и вы, любовник безупречный.
Поделим же сей лакомый кусок,
Который, если ссориться бесплодно,
Из наших рук и ускользнуть бы мог.
Когда меня вам к ней свести угодно,
Я вызову немедля духа сна;
И очи нежные смежит она,
Чтоб бдили мы над ней поочередно».

Взяв книгу черную, монах скорей
Зовет того из сумрачных чертей,
Чье имя было некогда Морфей[28 – Морфей – в греческой мифологии
– бог сновидений, сын бога сна Гипноса, изображался обычно крылатым.].
Сонливый бес гостит сейчас в Париже:
Когда поутру модный адвокат
Приводит ряд блистательных цитат, –
Он с судьями кивает лбом все ниже;
А днем внимает проповеди он
Учеников в искусстве Массильона[29 – Массильон Жан-Батист (1663
– 1742) – французский проповедник, член французской академии времен Людовика
XIV, славившийся своим красноречием.],
Приемам, взвешенным со всех сторон,
Многообразием пустого звона;
И вечером в партере крепко спит.

Он к колеснице, слыша зов, спешит,
И две совы влекут его неслышно
По воздуху в молчанье ночи пышной.
Закрыв глаза, скривив зевотой рот,
Он к ложу девы ощупью бредет
И, грудь ей посыпая маком черным,
Томит ее дыханием снотворным.
Так, уверяли нас, монах Жирар,
Младую исповедуя девицу,
Сумел вдохнуть в нее любовный жар
И похотью воспламенил юницу.

Меж тем, желанья грешного полны,
Монах и конюх, слуги Сатаны,
Стащили с девственницы одеяло;
Уж кости, по ее скользя груди,
Должны решить, чье место впереди,
Кому из них принадлежит начало.
Монах взял верх: счастливы колдуны;
Его желанья распалены,

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org

Он прыгнул на Иоанну; но неожиданно
Денис явился – и встает Иоанна.
Как слаб перед святыми грешный люд!
Соперники в смятении бегут,
И душу им трепещущую жгут
И лютый страх, и замысел злодейский.
Видали, верно, вы, как полицейский
Вступает в дом любви ночной порой:
Любовников раздетых юный рой,
Постели кинув, прыгает с балкона
От мрачных глаз блюстителя закона;
Так наши блудники бегут с тоской.
Денис стремится усмирить волнение
Иоанны, плачущей от возмущенья.
Он говорит: «Избрания сосуд,
Бог королей твоей рукой невинной
Решил отмстить честь Франции старинной
И водворить в их островной приют
Надменных англичан, народ бесчинный.
Бог превращает дуновеньем недр
Трепещущий тростник в ливанский кедр,
Сметает горы, сушит океаны
И воскрешает вымершие страны.
От шага твоего родится гром,
Повиснет ужас над твоим челом,
Ты с огнезарным ангелом победы
О дивной славе поведешь беседы.
Иди, о темной позабудь судьбе, –
Иное уготовано тебе».

При этой речи, грозной и прекрасной,
Весьма духовной и весьма неясной,
Иоанна широко раскрыла рот
И думала – что это он плетет?
Но благодать сильна: от благодати
В ее уме редет мрак понятий,
Как будто там взошло светило дня,
И в сердце – пыл священного огня.
Она теперь не прежняя служанка,
Она – уже герой, она – гражданка.
Так мещанин, досель неприхотлив,
От богача наследство получив,
Дворцом сменяет домик свой смиренный,
Свой скромный вид – развязностью надменной;
Слепит вельможу блеск его щедрот,
И светлостью простак его зовет.
Или, скорей, так швейка молодая,
Которую природа с юных лет
Готовила в бордель или в балет,
Которую кормила мать простая
Для счастья с мужиком в тиши пустынь, –
Когда ее Амур, везде порхая,
Кладет под короля, меж двух простынь,
Меняется в манерах и в походке,
На всех теперь лишь свысока глядит,
И в голосе слышны другие нотки,
И – впору королеве – ум развит.

Решив начать скорее подвиг бранный,
Денис во храм отправился с Иоанной,
И здесь явилась им среди бела дня
(как нашей Деве это было странно!),
Спустившись с неба, дивная броня.
Из арсенала крепости небесной
Архистратиг великий Михаил
Извлек ее десницею чудесной.

И тут же рядом шлем Деборы[30 – Дебора (Девора) – в библейской мифологии – пророчица, судья, возглавившая завоевание древними еврейскими

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
племенами Палестины.] был,

Гвоздь, что Сисаре[31 – Сисара – Вольтер указывает, что этот предводитель враждебных Иудее племен был убит библейской героиней Иаиль при помощи гвоздя.] голову пронзил;

Бульжник, пущенный пращей Давида
В гиганта отвратительного вида,
И челюсть та, которую Самсон,
Когда возлюбленной был продан он,
Разил врагов с неслыханною силой;
Клинок Юдифи, дивно заострен,
Ужасный дар предательницы милой,
Которым небо за себя отмстило,
Прервав ее возлюбленного сон.
Все это видя, Дева в восхищенье
Стальное надевает облаченье,
Рукою крепкою схватить спешит
Наплечник, наколенник, шлем и щит,
Бульжник, челюсть, гвоздь, клинок кровавый,
Примеривает все и бредит славой.

У героини конь обязан быть;
У злого ль конюха его просить?
И вдруг осел явился перед нею,
Трубя, красуясь, изгибая шею.
Уже подседлан он и взнуздан был,
Пленяя блеском золотых удил,
Копытом в нетерпенье землю роя,
Как лучший конь фракийского героя;
Сверкали крылья на его спине,
На них летал он часто в вышине.
Так некогда Пегас в полях небесных
Носил на крупе девять дев чудесных,
И Гпппогриф, летая на луну,
Астольфа[32 – ... И Гиппогриф... Астольфа мчал... – герой поэмы

Ариосто «Неистовый Роланд» Астольф, желая помочь своему обезумевшему другу Роланду, несется на сказочном крылатом коне – Гиппогрифе на луну, где находит разум Роланда.] мчал в священную страну.

Ты хочешь знать, кем был осел тот странный,
Подставивший крестец свой для Иоанны?
Об этом я потом упомяну,
Пока же я тебя предупреждаю,
Что тот осел довольно близок к раю.

Уже Иоанна на осле верхом,
Уже Денис подхвачен вновь лучом
И за девицей поспешает следом
Приготовить короля к победам.
То иноходью шествует осел,
То в небесах несется, как орел.
Монах, как прежде, полный сладострастья,
Оправившись от своего несчастья,
Погонщика, посредством тайных сил,
Без промедленья в мула обратил,
Верхом садится, шпорит неустанно,
Клянется всюду гнаться за Иоанной.
Погонщик мулов и отныне мул
По ним рванулся и вперед скакнул;
И дух из грубого такого теста
Едва заметил перемену места.

Иоанна и Денис стремятся в Тур,
Где держит короля в цепях Амур.
Когда настала ночь, под Орлеаном
Пришлось им проезжать британским станом.
Британцы, сильно пьющие досель,
Храпели, просыпая тяжкий хмель;
Прислуга, караул – все было пьяно.
Не слышалось ни труб, ни барабана:

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Тот, поперек паж разлегшись, спит,
А этот нагишом в шатре храпит.

И вот святитель, в справедливом гневе,
Такую речь нашептывает Деве:
«Наверное о Нисе знаешь ты,
Который под покровом темноты,
Сопутствуем любезным Эвриалом,
Уснувших рутулов разил кинжалом.
И так же Рее могучий был сражен
В ту ночь, когда отважный сын Тидея,
Союзником имея Одессея,
Преобразил, не повстречав препон,
Спокойный сон троянцев в вечный сон.
Ты можешь ту же одержать победу.
Пойдешь ли ты по доблестному следу?»
Иоанна молвит: «Прекратим беседу;
Нет, низкой доблесть стала бы моя,
Когда бы спящих убивала я».
Так говоря, Иоанна видит рядом
Шатер, залитый лунным серебром,
Рисующийся восхищенным взглядам
По меньшей мере княжеским шатром.
У входа – бочки с дорогим вином.
Она хватает кубок превеликий,
Закусывает жирным пирогом
И чокается с дивным стариком
За здравие французского владыки.

Хозяином шатра был Жан Шандос.
Великий воин спал, задравши нос.
Иоанна похищает меч у бритта
И пышные штаны из аксамита.
Так некогда Давид, к его беде,
Царя Саула встретив кое-где,
Не захотел закрыть царевы вежды,
А только вырезал кусок одежды
И показал вельможам тех сторон,
Что мог бы сделать, но не сделал он.
Шандосов паж спал тут же безмятежно,
Четырнадцатилетний, милый, нежный.
Он спал ничком. Была обнажена,
Как у Амура, вся его спина.
Невдалеке чернильница стояла,
Служившая ему, когда, бывало,
Пужинав, он песни сочинял
Красавицам, чей взор его пленял,
И вот рисует Дева, шутки ради,
Три лилии на юношеском заде,
Для Галлии обет счастливых дней
И памятник величья королей,
Глаза святого с гордостью следили
На заде бритта рост французских лилий.
Кто поутру обескуражен был?
Шандос, проспавший пиршественный пыл,
Когда увидел на паже красивом
Три лилии. Во гневе справедливом
Он о предательстве заводит речь;
Он ищет возле изголовья меч.
Напрасно ищет; нет его в помине,
Как нет штанов; он, точно лев в пустыне,
Кричит, бранится, думая со сна,
Что в лагерь забирался Сатана.

Стремительно, как солнца луч блестящий,
Осел крылатый, Деву уносящий,
Всю землю мог бы облететь вокруг!
Святой с Иоанной прибыл ко двору.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Денису вмиг подсказывает опыт,
Что здесь царят насмешки, свист и шепот.
Он, вспоминая дерзновенный тон,
В котором с ним беседовал Ришмон,
Не хочет вновь отдать на посмеянье
Епископа святое одеянье.
Для этого прибегнул он к игре:
Он скромный вид и наименование
Берет Рожера, твердого в добре,
Усердного и в битве, и во храме,
Советника с правдивыми речами,
Любимого, однако, при дворе.

«Клянусь Христом, – промолвил он владыке, –
Возможно ль, чтоб дремал король великий
В цепях Амура среди таких тущоб!
Как! Ваши руки чужды состязанью!
Ваш лоб, ваш гордый королевский лоб
Венчан лишь миртом, розами да тканью!
Вы грозных оставляете врагов
На троне ваших царственных отцов!
В сражении умрите смертью славной
Иль сатанинских изничтожьте слуг;
Достойны вы носить венец державный,
И лавры ожидают ваших рук.
Господь, чей дух во мне отвагу будит,
Господь, который помогать вам будет,
Через меня вещает о судьбе.
Решитесь верить и помочь себе:
Последуйте за этой девой смелой;
То Франции спасительница целой;
Ее рукой вернет нам царь царей
Законы наши, наших королей.
Иоанна с вашей помощью изгонит
Врага, который страшен и жесток;
Мужчиной станьте; и когда сам рок
Вас юной деве подчиниться клонит,
По крайней мере, избегайте той,
Что в сердце гасит пламень боевой,
А, веруя в чудесное спасенье,
Спешите вслед за приносящей мщенье».

У короля французов в сердце есть
Не только томный пламень, но и честь.
Суровый голос старого витии
Его исторг из сонной летаргии.
Так в некий день, среди тверди голубой,
Архангел, потрясая мир трубой,
Прах оживляя, гробы разверзая,
Пробудит мертвых к ликованью рая.
Карл пробужден, он яростью кипит,
В ответ на речь он восклицает: «К бою!»
Он увлечен теперь одной войною,
Хватает пику и хватает щит.

Но тотчас же за первой вспышкой гнева,
Которым чувства в нем опьянены,
Он хочет знать: таинственная дева –
Посланница творца иль Сатаны,
И это столь неожиданное явление –
Святое чудо или наваждение.
К надменной деве обратив вопрос,
Он величавым тоном произнес
Слова, какими всякая смутится:
«Иоанна, слушайте, а вы – девица?»
Она в ответ: «Велите, я снесу,
Чтоб доктора с очками на носу,
Аптекарь, бабка и писец случайный

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Те женские исследовали тайны;
И кто еще знаток по тем делам,
Пусть подойдет и пусть посмотрит там».

Карл в этой речи, мудрой и смиренной,
Ответ увидел боговдохновенный.
Он молвил: «Чтоб поверил я вполне,
Скорей, не думая, скажите мне,
Чем в эту ночь я с милой занимался».
Но коротко: «Ничем!» – ответ раздался.
Склонился Карл пред Божиим перстом
И крикнул: «Чудо» – осенясь крестом.
Выходят, меховым кичась убором,
Ученые, в руке их Гиппократ,
Колпак на голове; они глядят
На девушку, открытую их взорам
Совсем нагой, и господин декан,
Вотще искав какой-нибудь изъян,
Вручает миловидной внучке Евы
Пергаментный патент на званье деви[33 – ... На званье деви... –

Жанна д'Арк действительно подверглась медицинскому освидетельствованию.]

Священной гордости горя огнем,
Она склоняется пред королем
И, внемля свиты радостному кличу,
Развертывает славную добычу –
Штаны Шандоса, скрытые дотоль.
«Позволь мне, – говорит, – о мой король,
Вернуть под власть твою, твои законы,
Ту Францию, где ныне скорбь и стоны.
Клянусь, я превзойду твои мечты:
Клянусь тебе моей чудесной силой,
Моим мечом и девственностью милой,
Что будешь в Реймсе[34 – Реймс – город в департаменте Марна; с
XII в. по XIX в. в Рейм-ском соборе происходили коронации французских королей, в
нем Жанна д'Арк короновала Карла VII.] коронован ты;
Ты прилетишь грозою к англичанам,
Которые стоят под Орлеаном.
Иди, взнесись до дивной высоты;
Иди, простившись с тихою рекою,
И мне дозволь повсюду быть с тобою».

XII в. по XIX в. в Рейм-ском соборе происходили коронации французских королей, в нем Жанна д'Арк короновала Карла VII.] коронован ты;

Придворные теснятся перед ней,
С нее и с неба не сводя очей,
Ей хлопают, дивятся, ободряют,
Восторгом бурным зову отвечают.
И каждый, поднимающий копье,
Оруженосцем хочет быть ее.
Жизнь за нее отдать согласен каждый,
И в то же время каждый одержим
Мечтой о славе и палящей жаждой
Отнять тот клад, что ею так храним.
Все в путь готовы, всякий суетится:
Один спешит с любовницей проститься,
Тот, отощав, к ростовщику идет,
Тот, не платя, свой разрывает счет.
В руке Дениса орифламма[35 – Орифламма (фр.) – букв, золотое
пламя – квадратно-красный стяг французских королей с XII по XV вв.] реет.
При этом виде в сердце Карла зреет
Высокая надежда. Грозный стяг,
Перед которым убегает враг,
Иоанна и осел, парящий в небе,
Ему бессмертный обещают жребий.

Денис хотел, бросая этот кров,
Лишить любовников прощальных слов,
Чтоб слез они зазря не проливали
И времени напрасно не теряли.

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Агнеса, не подозревая зла,
Хоть был и поздний час, еще спала.
Счастливым сон, пленительный и лгущий,
Ей рисовал восторг, ее бегущий,
Ей снилось, что с любовником своим
Она любви вкушает наслаждение;
Ты обмануло, сладкое виденье:
Ее любовник уведен святым.
Так иногда в Париже врач бездушный
На жирные блюда кладет запрет,
Больному не дает доесть обед,
К его прожорливости равнодушный.

Добрjak Денис, насилу оторвав
Монарха от пленительных забав,
Бежит скорей к своей овечке милой,
К Иоанне, девственнице с львиной силой.
Теперь он снова, как и был, святой:
Тон набожный, смиренные повадки,
Жезл пастыря и перстень золотой,
Епископская митра, крест, перчатки.
«Служи, – сказал он, – храбро королю
И знай, что я тебя навек люблю.
Но с лаврами отваги горделивой
Сплетай цветы невинности стыдливой.
Твои стопы направлю в Орлеан.
Тогда Тальбот, начальник англичан,
Возрадуется сердцем злого зверя,
В свое свиданье с президентшей веря,
Твоя рука швырнет его во тьму.
Но, грех казня, не подражай ему.
Отважна будь, но с набожною думой.
Теперь прощай; о девственности думай».
Она дала торжественный обет,
И пастырь возвратился в горний свет.

Конец песни второй

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Описание дворца Глупости. Сражение под Орлеаном. Агнеса, облачившись в доспехи Иоанны, отправляется к своему возлюбленному; она попадает в плен к англичанами стыдливость ее весьма страдает

Еще не все – быть смелым и спокойным,
Встречая смерть в пороховом дыму,
И хладнокровно в грохоте нестройном
Командовать отряду своему;
Везде героев мы нашли бы тьму,
И каждый был бы воином достойным.
Кто скажет мне, что Франции сыны
Искусней и бестрепетней убийцы,
Чем дети гордой английской страны?
Иль что германцев выше иберийцы?
Все били, все бывали сражены.
Конде великий был разбит Тюренном,
Виллар бежал с позором несомненным,
И, Станислава доблестный оплот,
Солдат венчанный, шведский Дон-Кихот,

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Средь смельчаков смельчак необычайный,
Не уступил ли северный король
Сопернику, презренному дотоль,
Победный лавр во глубине Украины?

По-моему, полезнее вождям
Уменье очаровывать невежду:
Облечь себя в священную одежду
И ею ослеплять глаза врагам.
Так римляне – мир падал к их ногам –
Одолевали при посредстве чуда.
В руках у них была пророчеств гряда.
Юпитер, Марс, Поллукс, весь сонм богов
Водили их орла громить врагов.
Вакх, в Азию низринувшийся тучей,
Надменный Александр, Геракл могучий,
Чтоб над врагами властвовать верней,
За Зевсовых сходили сыновей:
И перед ними чередой смиренной
Клонились в прах властители вселенной,
На них взирая робко издали.

Дениса те примеры увлекли,
И он хотел, чтобы его Иоанне
Те ж почести воздали англичане,
Чтобы Бедфорд и влюбчивый Тальбот,
Шандос и весь его безбожный род
Поверили, что грозная девица –
Карающая божия десница.
Чтоб этот смелый план его прошел,
Бенедиктинца он себе нашел,
Но не из тех, чьи книжные громады
Всей Франции обогащают склады,
А мелкого, кому и книг не надо,
Когда латинский требник он прочел.
И брат Лурди, слуга смиренный богу,
Снаряжен был в далекую дорогу.
На вечно мрачной стороне луны
Есть рай, где дураки расселены.
Там, на откосах пропасти огромной,
Где только Хаос, только Ночь и Ад
С начала мироздания царят
И силою своей кичатся темной,
Находится пещерная страна,
Откуда благодать солнца не видна,
А виден, вместо солнца, свет ужасный,
Холодный, лживый, трепетный, неясный,
Болотные огни со всех сторон,
И чертовщиной воздух населен.
Царица Глупость властвует странею:
Ребенок старый с бородой седою,
Кося и, как Данте, разинув рот,
Гремушкой вместо скипетра трясет.
Невежество – отец ее законный,
А чада, что стоят под сенью тронной, –
Упрямство, Гордость, Лениность и затем
Наивность, доверяющая всем.
Ей каждый служит, каждый ей дивится,
И мнит она, что истинно царица,
Хотя на деле Глупость – только тень,
Пустышка, погрузившаяся в лень:
Ведь Плутня состоит ее министром,
Все делается этим другом быстрым,
А Глупость слушается целый день.
Он ко двору ее приблизил скопы
Тех, что умеют делать гороскопы,
Чистосердечно лгущих каждый час,
И простаков, и жуликов зараз.

Алхимиков там повстречаешь тоже,
Что ищут золота, а без штанов,
И розенкрейцеров, и всех глупцов,
Для богословья лезущих из кожи.

Посланником в сию страну чудес
Лурди был выбран из своих собратий.
Когда закрыла ночь чело небес
Завесою таинственных заклятий,
В рай дураков на легких крыльях сна
Его душа была вознесена.
Он удивляться не любил некстати
И, будучи уже при том дворе,
Все думал, что еще в монастыре.

Сперва он погрузился в созерцанье
Картин, украсивших святое зданье.
Какодемон[36 – какодемон (греч.) – злой дух.], воздвигший этот

храм,

Царапал для забавы по стенам
Наброски, представляющие верно
Все наши сумасбродства, планов тьму,
Задуманных и выполненных скверно,
Хоть «Вестник»[37 – «Вестник» – имеется в виду еженедельник

«Меркюр де Франс», созданный в 1672 г. писателем Донно де Визе (1638 – 1710) и печатавший придворную хронику, небольшие пьесы, стихи, анекдоты, критические статьи.] хвалит их не по уму.

В необычайнейшем из всех музеев,
Среди толпы плутов и ротозеев
Шотландец Лоу прежде всех поспел;
Король французов новый, он надел
Из золотой бумаги диадему
И написал на ней свою систему;
И не найдете вы руки щедрей
В раздаче людям мыльных пузырей:
Монах, судья и пьяница отпетый
Из алчности несут ему монеты.

Какое зрелище! Одна из пар –

С достаточным Молиной Эскобар[38 – Молина Луис (1535 – 1600) – испанский иезуит, создавший учение «молинизм» и пытавшийся примирить свободную волю человека и божественное провидение. Эскобар и Мендоза Антонио (1589 – 1669) – испанский иезуит-казуист, ученый; резко раскритикован французским ученым и философом Блезом Паскалем (1623 – 1662) в его знаменитых «Письмах к провинциалу» (1657).];

Хитрец Дусен[39 – Хитрец Дусен – аббат, советник иезуита Мишеля Теллье (1643 – 1719), последнего духовника Людовика XIV, автора «Буллы» (королевского акта), вызвавшей длительные религиозные волнения.], приспешник иезуита,

Стоит с чудесной буллою раскрытой,
Ее творец склоняется над ним.
Над буллою той смеялся даже Рим,
Но все ж она источник ядовитый
Всех наших распрей, наших крикунов
И, что еще ужаснее, томов,
Отравой полных ересп негодной,
Отравой и снотворной и бесплодной.

Беллерофонты[40 – Веллерофонты новые... – по древнегреческому мифу, герой Беллерофонт с помощью крылатого коня Пегаса победил трехглавую огнедышащую Химеру и воинственных амазонок.] новые легки,

Глаза закрывши, на химерах рыщут,
Своих противников повсюду ищут,
И, вместо бранных труб, у них свистки;
Неистово, кого, не видя сами,
Они разят с размаху пузырями.
О, сколько, господи, томов больших,

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Постановлений, объяснений их,
Которые ждут новых объяснений!

О летописец эллинских сражений[41 – О летописец эллинских сражений... – очевидно, Вольтер имеет в виду Гомера, автора героической «Илиады», которому определенное время приписывалась и пародийная поэма «Батрахомиамахия», или «Война мышей и лягушек» (она упоминается ниже).],

Воспевший также в мудрости своей
Сражения лягушек и мышей,
Из гроба встань, иди прославить войны,
Рожденные той буллой беспокойной!
Вот янсенист, судьбы покорный сын.
Потерянный для вечной благодати;
На знамени – блаженный Августин;
Он «за немногих» вышел против рати
И сотня согнутых спешит врагов
На спинах сотни маленьких попов.

Но полно, полно! Распри, прекратитесь!
Дорогу, простофили! Расступитесь!
В Медардовом приходе видит взор
Могилы бедный и простой забор,
Но дух святой свои являет силы
Всей Франции из мрака той могилы;
За исцеленьем к ней спешит слепой
И ощупью идет к себе домой;
Приводят к ней несчастного хромого,
Он прыгает и вдруг хромает снова;
Глухой стоит, не слыша ничего;
А простачи кричат про торжество,
Про чудо явленное, и ликуют,
И доброго Париса гроб целуют,
А брат Лурди глядит во все глаза
На их толпу и славит небеса,
Хохочет глупо, руки поднимая,
Дивится, ничего не понимая.

А вот и тот святейший трибунал,
Где властвуют монах и кардинал,
Дружина инквизиторов ученых,
Ханжами-сыщиками окруженных.
Сидят святые эти доктора
В одеждах из совиного пера;
Ослиные на голове их уши,
И, чтобы взвешивать, как должно, души,
Добро и зло, весы у них в руках,
И чашки глубоки на тех весах.
В одной – богатства, собранные ими,
Кровь кающихся чанами большими,
А буллы, грамоты и ектеньи
Ползут через края второй бадьи.
Ученейшая эта ассамблея
На бедного взирает Галилея,
Который молит, на колени став:
Он осужден за то лишь, что был прав.

Что за огонь над городом пылает?
То на костре священник умирает.
Двенадцать шельм справляют торжество:

Юрбен Грандье[42 – Юрбен Грандье (1590 – 1634) – лудейский кюре, приговоренный агентом кардинала Ришелье, советником Жаном-Мартеном Любарденом (1590 – 1653) к сожжению на костре за то, что он якобы вселил в души монахинь дьявола. Фактически же это была месть Ришелье за направленные против него памфлеты Грандье.] горит за колдовство.

И ты, прекрасная Элеонора[43 – Элеонора – Леонора Галигаи (1571 – 1617) – итальянка, фаворитка французской королевы Марии Медичи (1573 – 1642), жена Кончино Кончини.],

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Парламент надругался над тобой,
Продажная, безграмотная свора
Тебя в огонь швырнула золотой,
Решив, что ты в союзе с Сатаной.
Ах, Глупость, Франции сестра родная!
Должны лишь в ад и папу верить мы
И повторять, не думая, псалмы!
А ты, указ, плод отческой заботы,
За Аристотеля и против рвоты!
И вы, Жирар, мой милый иезуит,
Пусть и вас перо мое почтит.
Я вижу вас, девичий исповедник,
Святоша нежный, страстный проповедник!
Что скажете про набожную страсть
Красавицы, попавшей в вашу власть?
Я уважаю ваше приключение;
Глубоко человечен ваш рассказ;
В природе нет такого преступления,
И столькие грешили больше вас!
Но, друг мой, удивлен я без предела,
Что Сатана вмешался в ваше дело.
Никто из тех, кем вы очернены,
Монах и поп, писец и обвинитель,
Судья, свидетель, враг и покровитель,
Ручаюсь головой, не колдуны.

Лурди взирает, как парламент разом
Посланья двадцати прелатов жжет
И уничтожить весь Лойолин род
Повелевает именным указом;
А после – сам парламент виноват:
Кенель в унынье, а Лойола рад.
Париж скорбит о строгости столь редкой
И утешает душу опереткой.

О Глупость, о беременная мать,
Во все века умела ты рождать
Гораздо больше смертных, чем Кибела[44 – Кибела – фригийская
богиня, мать многих богов и всего живого на земле. Древние греки отождествляли
ее с богиней земли Реей, матерью Зевса, Аида, Посейдона и Деметры.]

Бессмертных некогда родить умела;
И смотришь ты довольно, как их рать
В моей отчизне густо закишела;
Туп переводчик, толкователь туп,
Глуп автор, но читатель столь же глуп.
К тебе взываю, Глупость, к силе вечной:
Открой мне высших замыслов тайник,
Скажи, кто всех безмозглей в бесконечной
Толпе отцов тупых и плоских книг,
Кто чаще всех ревет с ослами вкупе
И жаждет истолочь водицу в ступе?
Ага, я знаю, этим знаменит
Отец Бертье[45 – Отец Бертье – Гийом-Франсуа Бертье (1704 –
1782) – аббат, постоянно преследовавший Вольтера и других просветителей.],
почтенный иезуит.

Пока Денис, о Франции радея,
Подготавливал с той стороны луны
Во вред врагам невинные затеи,
Иные сцены были здесь видны,
В подлунной, где народ еще глупее.
Король уже несется в Орлеан,
Его знамена треплет ураган,
И, рядом с королем скача, Иоанна
Твердит ему о Реймсе неустанно.
Вы видите ль оруженосцев ряд,
Цвет рыцарства, чарующего взгляд?
Поднявши копьё, войско рвется к бою

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org

Вослед за амазонкою святою.

Так точно пол мужской, любя добро,

Другому полу служит в Фонтевро[46 – Фонтевро – по объяснению Вольтера, в этом местечке старинной провинции Анжу в конце XI в. был основан женский монастырь и монашеский орден, во главе которого на протяжении многих столетий стояли игумены.]

Где в женских ручках даже скипетр самый
И где мужчин благословляют дамы.

Прекрасная Агнеса в этот миг
К ушедшему протягивала руки,
Не в силах победить избытка муки,
И смертный холод в сердце ей проник;
Но друг Бонно, всегда во всем искусный,
Вернул ее к действительности грустной.

Она открыла светлые глаза,
И за слезою потекла слеза.

Потом, склонясь к Бонно, она шепнула:

«Я понимаю все: я предана.

Но, ах, на что судьба его толкнула?

Такая ль клятва мне была дана,

Когда меня он обольщал речами?

И неужели я должна ночами

Без милого ложиться на кровать

В тот самый миг, когда Иоанна эта,

Не бриттов, а меня лишая света,

Старается меня оклеветать?

Как ненавижу тварей я подобных,

Солдат под юбкой, дев мужеподобных,

Которые, приняв мужскую статью,

Утратив то, чем женщины пленяют,

И притязая тут и там блистать,

Ни тот, ни этот пол не украшают!»

Сказав, она краснеет и дрожит

От ярости, и сердце в ней болит.

Ревнивым пламенем сверкают взоры;

Но тут Амур, на все затеи скорый,

Внезапно ей внушает хитрый план.

С Бонно она стремится в Орлеан,

И с ней Алиса, в качестве служанки.

Они достигли к вечеру стоянки,

Где, скачкой утомленная чуть-чуть,

Иоанна захотела отдохнуть.

Агнеса ждет, чтоб ночь смежила вежды

Всем в доме, и меж тем разузнает,

Где спит Иоанна, где ее одежды,

Потом во тьме тихонечно идет,

Берет штаны Шандоса, надевает

Их на себя, тесьмою закрепляет

И панцирь амазонки похищает.

Сталь твердая, для боя создана,

Терзает женственные рамена,

И без Бонно упала бы она.

Тогда Агнеса шепотом взывает:

«Амур, моих желаний господин,

Дай мощь твою моей руке дрожащей,

Дай не упасть мне под броней блестящей,

Чтоб этим тронулся мой властелин.

Он хочет деву, годную для боя, –

Молю, Агнесу преврати в героя!

Я буду с ним; пусть он позволит мне

Бок о бок с ним сражаться на войне;

И в час, когда помчатся стрелы тучей,

Ему грозя кончиной неминуемой,

Пусть поразят они мои красы,

Пусть смерть моя продлит его часы;

Пусть он живет счастливым, пусть умру я,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
В последний миг любимого целуя!»
Пока она твердила про свое,
Бонно к седлу ей прикрепил копье...
А Карл был лишь в трех милях от нее!

Агнеса захотела той же ночью
Возлюбленного увидеть воочью.
Стопой неверною, кляня броню,
С трудом бедняжка тащится к коню,
В седло садится с помраченным взглядом
И с расцарапанным штанами задом.
Толстяк Бонно на боевом коне
Похрапывает тут же в стороне.
Амур, боясь всего для девы милой,
Посматривает на отъезд уныло.
Едва Агнеса путь свой начала,
Она услышала из-за угла,
Как мчатся кони, как бряцают латы.
Шум ближе, ближе; перед ней солдаты,
Все в красном; в довершение невзгод
То был как раз Шандосов конный взвод.
«Кто тут?» – раздалось у опушки леса.
В ответ на крик наивная Агнеса
Откликнулась, решив, что там король:
«Любовь и Франция – вот мой пароль!»
При этих двух словах, – а божья сила
Узлом крепчайшим их соединила, –
Схватили и Агнесу и Бонно,
И было их отправить решено
К тому Шандосу, что, ужасен с виду,
Отмстить поклялся за свою обиду
И наказать врагов родной страны,
Укрывших меч героя и штаны.

В тот миг, когда уже освободила
Рука дремоты сонные глаза,
И зазвучали пташек голоса,
И в человеке вновь проснулась сила,
Когда желанья, вестники любви,
Кипят бурливо в молодой крови, –
В тот миг Шандос увидел пред собою
Агнесу, что затмила красотой
Рассветный луч, горящий в каплях рос.
Скажи мне, что ты чувствовал, Шандос,
Увидев королеву нимф приветных
Перед тобой в твоих штанах заветных?

Шандос, любовным пламенем объят,
К ней устремляет похотливый взгляд.
Дрожит Агнеса, слушая, как воин
Ворчит: «Теперь я за штаны спокоен!»
Сперва ее он заставляет сесть.
«Снимите, – говорит он в нетерпенье, –
Тяжелое, чужое снаряжение».
И в то же время, предвкушая месть,
Ее раскутывает, раздевает.
Агнеса, защищаясь, умоляет,
С мечтой о Карле, но в чужих руках.
Прелестный стыд пылает на щеках.
Толстяк Бонно, как утверждает говор,
Шандосу послужить пошел как повар;
Никто, как он, не мог украсить стол:
Он белые колбасы изобрел
И Францию прославил перед миром
Жиго[47 – жиго – окорок свиной, бараньей или телячьей туши.] на
углях и угревом сыром.

«Сеньор Шандос, что делаете вы? –

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Агнеса стонет жалобно. – Увы!»
«Клянусь, – в ответ он (все клянутся бритты),
Меня обидел вор, в ночи сокрытый.
Штаны – мои; и я, ей-богу, рад
Свое добро потребовать назад».
Так молвить и сорвать с нее одежды –
Был миг один; Агнеса, без надежды,
Припав в слезах к могучему плечу,
Стонала только: «Нет, я не хочу».

Но тут раздался шум невероятный,
Повсюду слышен крик: «Тревога, в бой!»
Труба, предвестник ночи гробовой,
Трубит атаку, звук бойцам приятный.
Встав поутру, Иоанна не нашла
Ни панциря, ни ратного седла,
Ни шлема с воткнутым пером орлиным,
Ни гульфика, потребного мужчинам;
Не думая, она хватает вдруг
Вооруженье одного из слуг,
Верхом садится на осла, взывая:
«Я за тебя отмщу, страна родная!»
Сто рыцарей за нею вслед спешат
В сопровожденье шестисот солдат.

А брат Лурди, заслышав шум тревоги,
Оставил вечной Глупости чертоги
И опустился между англичан,
Согнув под ношей свой дородный стан:
Он на себя различный вздор навьючил,
Труды монахов и безмозглых чучел.
Так нагружен, он прибыл и тотчас
Широкий плащ старательно потряс
Над бриттами, и лагерь их погряз
В святом невежестве, в дремоте жирной,
Давно привычных Франции обширной.
Так ночью сумрачное божество
С чернеющего трона своего
Бросает вниз на нас мечты и маки
И усыпляет нас в неверном мраке.

Конец песни третьей

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Иоанна и Дюнуа сражаются с англичанами. Что с ними происходит в замке Гермафродита

Будь я царем, не знал бы я коварства.
Я мирно бы народом управлял
И каждый день мне вверенное царство
Благодеяньем новым одарял.
Будь государственным я человеком,
Порадовал бы я и там и тут
Талантливых людей пристойным чеком;
ведь, правда, стоит этого их труд.
Будь я епископ несколько минут,
Я постарался б вслед за молинистом
Договориться с грубым янсенистом.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Но если б я прелестницу любил,
Я с нею никогда б не расставался,
Чтоб праздником день каждый начинался,
Чтоб вечно новым этот праздник был,
Поддерживая в ней любовный пыл.
Любовники, как горько расставанье!
В нем множество опасностей для вас,
И можете вы заслужить названье
Рогатого на дню по десять раз.

Едва Шандос последние завесы
Сорвал с дрожащих прелестей Агнесы,
Как вдруг Иоанна из рядов в ряды
Несется воплощением беды.
Непобедимое копье Деборы
Пронзило Дильдо грозного, который
Уворовал сокровища Клерво
И осквернил монахинь Фонтевро.
Потом второй удар, такой же ловкий,
Сбил фонкинара, годного к веревке;
Хоть он и был на севере рожден,
В Гибернии, где снег со всех сторон,
Но, словно отпрыск южного народа,
Во Франции повесничал три года.
Затем погиб и рыцарь Галифакс,
И брат его двоюродный Боракс,
И Мидарблу, родителя проклявший,
И Бартонэй, жену у брата взявший.
И каждый, кто с ней рядом мчался в бой, –
И рыцарь знатный, и солдат простой,
Копьем с десяток англичан пронзает.
Смерть мчится сзади, страх опережает:
Могло казаться в тот ужасный миг,
Что грозный бог сражается за них.

В разгаре брани, в пекле битвы шумной
Наш брат Лурди взывает, как безумный:
«Дрожите, бритты! девушка она,
Святым Денисом вооружена.
Да, девушка, и чудеса свершает,
Ее рука препятствия не знает;
Пади же ниц, грязь английская вся,
Ее благословения прося!»
Неистовый Тальбот, не зная страха,
Приказывает захватить монаха;
Его связали, но, мученьям рад,
Не устает вопить смиренный брат:
«Я мученик; британец гордый, ведай,
Что девственность останется с победой!»

Наивны люди; в слабых их сердцах
Все оставляет след, как в мягкой глине.
Всего же легче, кажется, поныне,
Ошеломить нас и внушить нам страх!
Добряк Лурди своим ужасным криком
Гораздо больше напугал солдат,
Чем амазонка в наступленье диком
И все герои, что за ней летят.
Привычка верить чуду без сомнений,
Дух заблуждений, головокружений,
Видений без начала и конца,
Совсем смутил британские сердца.
Британцы знали боевые громы,
Но были с философией они
В те времена не очень-то знакомы, –
Встречаешь умных только в наши дни.

Шандос, уверенный в удачном бое,
Страница 26

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org

Кричит своим: «Британские герои,
За мной, направо!» Он сказал, но тут
Все повернули влево и бегут.
Так некогда в равнине плодородной,
Там, где Евфрат струится многоводный,
Когда решил людской надменный род
Воздвигнуть столп до божиих высот,
Бог, этого соседства не желая,
В сто языков язык их превратил.
Кому была нужна вода простая,
Тому сосед известку подносил,
И весь народ, осмеян богом сил,
Рассеялся, постройку оставляя.

Тотчас же осажденный Орлеан
Узнал про поражение англичан:
Летит молва на легких крыльях птицы,
Повсюду славя доблести девицы.
Вы знаете великолепный пыл
Французов; он всегда таким же был.
Они идут на битву, как на праздник.

Бастардов украшение, Дюнуа[48 – Бастардов украшение, Дюнуа – Жак Дюнуа Орлеанский (1403 – 1468), был бастардом – незаконнорожденным сыном герцога Людовика I Орлеанского. Звание «бастарда» было почетным, т. к. свидетельствовало о знатности происхождения.], –

За Марса приняла б его молва, –
За ним Сентрайль, Ла Гир, Ришмон-проказник
И Ла Тримуйль спешат из стен в луга
И, будто бы преследуя врага,
Кричат: «Кому здесь жизнь не дорога?»
Но враг их поджидал: за воротами
Тальбот, весьма благоразумный вождь,
Учтя их возрастающую мощь,
Расположился с десятью полками.

Он, руки к небу страстно вознося,
Амуром и Георгием клялся,
Что скоро въедет в город осажденный.
Жила мечта в нем, нет, пожалуй, две:
Давно пылала страстью потаенной
К нему супруга толстого Луве.
И гордый воин, смелый и упрямый,
Мечтал владеть и городом и дамой.
Лишь выступили рыцари, и вот
Им на голову падает Тальбот;
Они смешались, и борьба идет.
Равнины орлеанские, вы были
Свидетелями тягостных усилий,
Кровь человечья веществом своим
Вас унавозила на двести зим.

Нет, никогда ни Мальплакэ, ни Зама,
Ни сам Фарсал[49 – Мальплакэ... Зама... Фарсал – название мест в Северной Африке, где состоялись битвы, в которых: англичане победили французов (1709 г.); римские легионы Публия Сципиона разбили войска карфагенского полководца Ганнибала (202 г. до н. э.); Юлий Цезарь нанес поражение Гнею Помпею (106 – 48 до н. э.), в 48 г. до н. э.], классическая яма,

Все знаменитые места боев
Не видели так много мертвецов.
И друг о друга копыта ударялись
И, словно щепки, пополам ломались;
Копыта вздыбившихся лошадей
Давили обезумевших людей;
Сноп огней, рождаясь под мечами,
С полуденными спорили лучами;
Отрубленные, посреди травы,
Катались руки, ноги и главы.

С высот небесных ангелы сраженья,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Надменный Михаил и тот, другой,
Что персов усмирил своей рукой,
Склонились вниз, полны благоволения,
И наблюдали этот страшный бой.

Архангел в руку взял весы закона,
Какими взвешивают в небесах;
И вот уже лежат на тех весах
Судьба и Франции и Альбиона.
Герои наши, взвешенные тут,
Не вытянули надобного счета,
Их перевесила судьба Тальбота;
Так порешил небесный тайный суд.
Ришмон, усердно несший ратный труд,
Пронзен стрелой от задницы до ляжки;
Старик Сентрайль был сильно ранен в пах,
Куда – Ла Гир, не назову я, ах!
Но как мне жаль любовницы-бедняжки!
А Ла Тримуйль был загнан в ров с водой
И вышел с переломленной рукой.
Пришлось вернуться воинам увечным,
И лечь в постель понадобилось им.
То было карой, посланной предвечным
За дерзкую насмешку над святым.
Бог и казнит и милует, как хочет:
Никто, Кенель, не вступит в спор с тобой;
И Дюнуане поражен судьбой,
Которую творец безумцам прочит.
Тогда как те, оставив страшный бой,
В носилках были снесены домой,
Свой рок и Девственницу проклиная,
Мой Дюнуа, как молния летая,
Нигде не ранен, рубит англичан,
Сбивает их ряды, как ураган,
Дорогу пролагает и нежданно
Выходит к месту, где разит Иоанна.
Так два потока, ужас пастухов,
С вершины гор стремительно слетая,
Смешавшиеся яростью валов
Сметают прочь богатства урожая:
Еще грозней Иоанна с Дюнуа,
Соединенные для торжества.

Упоены, они так быстро мчались,
Так дико с англичанами сражались,
Что скоро с войском остальным расстались,
Спустилась ночь; Иоанна и герой,
Не видя никого перед собой,
«За Францию!» – последний раз вскричали
И на опушке леса тихо стали.
При лунном свете ищут путь назад,
Но только даром по лесу кружат;
Они клянут обманчивую славу,
Измучены и страшно голодны;
Не уживав, ложиться спать в канаву –
Дурная привилегия войны.
Так судно без руля, в ночи беззвездной,
По воле ветра носится над бездной.
Пред ними пробежав, какой-то пес
Надежду на спасенье им принес;
Он приближается, он громко лает,
Кивает мордой и хвостом виляет,
То побежит вперед, то повернет,
Как будто их по-своему зовет:
«Идите, господа, вослед за мною,
Приятнейший я вам ночлег открою».
Герои наши поняли тотчас,
Что хочет он, по выраженью глаз;

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
С надеждою пустились вновь в дорогу,
О благе Карла помолившись богу,
И состязались в лести меж собой,
Хваля друг друга за недавний бой.
Порою рыцарь сладострастным взглядом
Смотрел на девушку, скача с ней рядом;
Но ведал он, что от ее цветка
Зависит честь французского народа,
Что Франция погибла на века,
Когда он будет сорван раньше года.
Он усмирил желания свои:
Он Францию предпочитал любви.
Но все ж, когда, попав в ухаб дороги,
Святой осел неверно ставил ноги,
Воспламенен, но сдержан, Дюнуа
Одной рукой поддерживал подругу,
А та в ответ, по воле естества,
Плечом склонялась на его кольчугу,
И головы касалась голова.
И вот, пока герои наши мчались,
Нередко губы их соприкасались –
Конечно, чтобы говорить вблизи
Об Англии с их родиной в связи.

О Кенигсмарк[50 – О, Кенигсмарк – в примечании Вольтера сказано, что Мария-Аврора Кенигсмарк была возлюбленной польского короля Августа II (1670 – 1733).], в истории прочли мы,

Что шведский Карл, воитель нелюдимый,
Монархов победитель и любви,
К двору не принял прелести твои:
Боялся Карл плененным быть тобою;
Он мудр был, отступив перед бедою.
Но быть с Иоанною и помнить честь,
За стол голодным сесть и все ж не есть, –
Такой победе мы венок уделим.

Был рыцарь схож с Робертом д'Арбрисселем[51 – Роберт д'Арбриссель (1055 – 1117) – монах, основатель женского монастыря и ордена фонтевро. Вольтер поясняет, что он придумал себе новый вид мученичества: «спать каждую ночь между двумя молодыми монахинями, чтобы провести дьявола».],

Святым, который некогда любил,
Чтоб с ним в постели две монашки спали,
Ласкал округлость двух мясистых талии,
Четыре груди – и не согрешил.

На утренней заре предстал их взглядам
Дворец великолепный с пышным садом,
Сияя беломраморной стеной,
Дорической и длинной колоннадой,
Балконами из яшмы дорогой,
Из дивного фарфора балюстрадой.
Герои наши, смущены, стоят,
Им кажется, что это райский сад.
Собака лает, и тотчас же трубы
Играют марш, и сорок гайдуков,
Все в золоте, на сапогах раструбы,
Выходят, принимая пришлецов.
Двух молодых пажей услыша зов,
Они за ними в помещенье входят;
Там в золотые бани их уводят
Служанки; и, омытые, потом
Едою подкрепившись и вином,
Они легли в расшитые постели
И до ночи героями храпели.

Но надо вам узнать, что господин
Такого замка и таких долин
Был сыном одного из тех высоких
Небесных гениев, что иногда

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Свое величье духов звездооких
Средь смертных забывают без труда.
Сошелся этот гений исполинский
С монахиней одной бенедиктинской,
И родился у них Гермафродит,
Великий некромант, волшебник лысый,
Сын гения и матери Алисы.
Вот год пятнадцатый ему стучит,
И дух, покинув горнюю обитель,
Ему речет: «Дитя, я твой родитель!
Я волю прихожу узнать твою;
Проси, что хочешь; все тебе даю».
Гермафродит, рожденный похотливым –
Он в этом мать с отцом не посрамил, –
Сказал: «Я создан, чтобы быть счастливым;
В себе я чую всех желаний пыл –
Так сделай же, чтоб я их утолил!
Мне надо – страсть моя тому причиной –
И женщиной в любви быть, и мужчиной,
Мужчиной быть, когда пылает день,
И женщиной – когда ложится тень».
Инкуб сказал: «Исполнено желанье!»
И с той поры бесстыдное созданье
Двойное получает ликование.
Так собеседник божества Платон,
О людях говоря, был убежден,
Что первыми из первозданной глпны
Чудесные явились андрогины;
Как существа двуполые, они
Питались наслаждением одни.
Гермафродит был высшее созданье.
Ведь к самому себе питать желанье –
Совсем не самый совершенный рок;
Блаженней, кто внушить желанье мог
Вкусить вдвоем двойное трепетанье.
Ему его придворных хор поет,
Что он то Афродита, то Эрот:
Ему повсюду ищут дев прекрасных,
И юношей, и вдов, на все согласных.

Но попросить Гермафродит забыл
О даре, для него необходимом,
Без коего восторг не полным был,
О даре... ну, каком? – да быть любимым.
И сделал бог, карая колдуна,
Его уродливей, чем сатана.
Его глаза не ведали победы,
Напрасно он устраивал беседы,
Балы, концерты, всюду лил духи
И даже иногда писал стихи.
Но днем, в руках красавицу сжимая,
И по ночам, покорно отдавая
Возлюбленному женственный свой пыл,
Он чувствовал, что он обманут был.
Он получал в ответ на все объятья
Презрение, обиды и проклятья:
Ему являл воочью божий суд,
Что власть и мощь блаженства не дают.
«Как, – говорил он, – каждая служанка
Покоится в возлюбленных руках,
У каждого солдата – поселянка,
У каждой послушницы есть монах.
Лишь я, богач, владыка, гений – ах! –
Лишь я лишен в круговороте этом
Блаженства, ведомого целым светом!»
Он четыремя стихиями клялся
Карать и дев, и юношей коварных,
Которым полюбить его нельзя,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org

Чтоб стала окровавленной стезя
Сердец жестоких и неблагодарных.
По-царски относился он к гостям,
И бронзовая Савская царица,
Фалестра, македонская девица,
Любезные двум царственным сердцам,
Таких даров, какие ожидали
К нему въезжавших рыцарей и дам
От данников своих не получали
Но если гость в неведение своем
Отказывал ему в благоволенье
Или оказывал сопротивление,
Бывал посажен на кол он живьем.

Спустился вечер, – господин был дамой,
Четыре вестника подходят прямо
К красавцу Дюнуа сказать, что он
От имени хозяйки приглашен
На антресоли в час, когда Иоанна
Пойдет за стол под музыку органа.
И Дюнуа, весь надушен, вошел
В ту комнату, где ждал накрытый стол,

Такой же, как у дочери Птолемея[52 – ... У дочери Птолемея – то есть Клеопатры. Это имя носили семь египетских цариц из династии Птолемидов (305 – 30 до н. э.). Самая знаменитая – Клеопатра VII (69 – 30 до п. э.), пленившая своей красотой сначала Юлия Цезаря (102/100 – 44 до п. э.), а затем его полководца Марка Антония (83 – 30 до н. э.).],

Что, вечным вождельем пламенея,
Великих римлян милыми звала,
И возлежали у ее стола
Могучий Цезарь, пьяница Антоний;
Такой же, полный яств и благовоний,
Как тот, за коим пил со мной монах,
Король обжор в пяти монастырях;
Такой же, за каким в чертогах вечных, –
Когда не лгали нам Орфей, Назон,
Гомер, почтенный Гесиод, Платон, –
Отец богов, пример мужей беспечных,
Вдали Юноны ужинал тайком
С Европой иль Семелюю вдвоем.
На дивный стол принесены корзины
Руками благородной Евфрозины
И Талии с Аглаей молодой, –
Так в небесах трех граций называют;
Педанты наши их, увы, не знают;
Там вместе с Гебою нектар златой
Льет сын царя, поставившего Троя,
Который, вознесенный над землей,
Утехой был Зевсу потайною.
Вот за таким столом Гермафродит
С бастардом поздно вечером сидит.
Блестает госпожа своим нарядом,
На ней алмазы – удивленье взглядам;
Вкруг желтой шеи и косматых рук
Обвязаны рубины и жемчуг;
Еще страшней она была такого.
Она бросается на грудь герою,
И Дюнуа впервые побледнел.
Но даже среди смелейших был он смел
И попытался нежностью взаимной
Хозяйке отплатить гостеприимной.
На безобразие ее смотря,
Он думал: «Совершу же подвиг я!»
Но не свершил: чудеснейшая доблесть
Ей недоступную имеет область.
Гермафродит почувствовал печаль,
Но все ж ему бастарда стало жаль,
И был в душе польщен он, без сомненья,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Усилюм, явственным для зорких глаз.
Им были почтены на этот раз
Отвага и похвальные стремленья.
««На завтра, – молвил, – можно отложить
Реванш. Но примените все уменье,
Чтоб страсть преодолела уваженье,
И приготовьтесь мужественней быть»».

Прекрасная предшественница света
Уж на востоке в золото одета:
А в этот самый миг меняет вид,
Мужчиной делаясь, Гермафродит.
Тогда, от нового желанья пьяный,
Отыскивает он постель Иоанны,
Отдергивает занавес и, грудь
Рукой бесстыдной силясь ущипнуть,
К ней поцелуем приникая страстно,
На стыд небесный посягает властно.
Чем он страстней, тем более урод.
Иоанна, гневом праведным вскипая,
Могучую затрещину дает
По гнусной образине негодяя.
Так видел я не раз в моих полях:
На мураве зеленой кобылица,
По масти – настоящая тигрица,
На мускулистых и тугих ногах,
Сбивает неожиданным ляганьем
Осла, который был настолько глуп,
Что, полный грубым и тупым желаньем,
Уже взобрался на любимый круп.
Иоанна поспешила, вне сомненья:
Просить хозяин вправе уваженья.
Стыд под защиту мудрецы берут,
Не потерплю я на него гонений;
Но если принц, особенно же гений,
Становится пред вами на колени,
Тогда ему пощечин не дают.
И сын Алисы, хоть урод и плут,
Досель таких не ведал приключений
И никогда избитым не был тут.
Вот он кричит; и мигом разный люд,
Пажи, прислуга, стражи, все бегут:
Один из них клянется, что девица
На Дюнуа не стала бы сердиться.
О клевета, ужасный яд дворцов,
Доносы, ложь и взгляд косой и узкий,
И над любовью властен тот же ков,
Которым преисполнен двор французский!

Гермафродит наш вдвое оскорблен
И отомстить немедля хочет он.
Он произнес как только мог сердитей:
«Друзья, обоих на кол посадите!»
Они ему внимают, и тотчас
Подготовляться пытка началась.
Герои, драгоценные отчизне,
Должны погибнуть при начале жизни.
Веревкой связан Дюнуа и гол,
Готовый сесть на заостренный кол.
И сразу же, чтоб угодить тирану,
К столбу подводят гордую Иоанну;
За прелесть и пощечину ее
Ей злое отомстит небытие.
Удар кнута терзает плоть бедняжки,
Она последней лишена рубашки
И отдана мучителям своим.
Прекрасный Дюнуа, покорный им,
Сбирается в последнюю дорогу

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
И набожно творит молитву богу;
Но как найти в глазах его тревогу?
Он палачей своих дивил порой;
В его лице читалось: вот герой!
Когда ж героя взоры различили
Чудесную отмстительницу лилии,
Готовую сойти в могильный склеп,
Непостоянство вспомнил он судеб;
И, зная, что ее посадят на кол,
Такую благородную в борьбе,
Прекрасную такую, он заплакал,
Как никогда не плакал о себе.

Не менее горда и человечна,
Иоанна, страха чуждая, сердечно
На рыцаря смотрела своего
И сокрушалась только за него;
Их юность, тел прекрасных белоснежность
В них против воли пробуждали нежность.
Такой прекрасный, скромный, нежный пыл
Родился лишь у края их могил,
В тот миг, как колокольчиком зазвякал,
С досадой прежней ревность слив теперь,
И подал знак, чтоб их сажали на кол
Противный небесам двуполый зверь..

Но в тот же миг громоподобный голос,
На головах вздымая каждый волос,
Раздался: «Погодите их сажать!
Постойте!» И решили подождать
Злодеи, обнаружив не без страха
На ступенях огромного монаха;
Веревкою был препоясан он,
И в нем легко был узнан Грибурдон.
Как гончая, несясь между кустами,
Почует вдруг привычными ноздрями
Знакомый запах, сквозь лесную сень,
Где скрылся убегающий олень,
И вот летит вперед на резвых лапах,
Не видя дичи, только чуя запах,
В погоне перепрыгивает рвы,
Назад не поворотит головы;
Так тот, кому патрон Франциск Ассизский,
Примчался на погонщике верхом
Пройденным Девственницею путем,
Упорно добиваясь цели низкой.

«О, сын Алисы, – так воскликнул он, –
Во имя сатанинских всех имен,
Во имя духа вашего папаши,
Во имя вашей набожной мамы,
Спасите ту, по ком томлюсь, любя.
Я за обоих отдаю себя,
Когда на рыцаря и на Иоанну
Негодование охватило вас,
На место непокорных сам я стану;
Кто я такой – вы слышали не раз.
Вот, на придачу, мул, весьма пристойный,
Примерный скот, меня носить достойный;
Он ваш, и я б охотно присягнул,
Что скажете вы: по монаху мул.
О Дюнуа я толковать не стану,
Что проку в нем? Подайте нам Иоанну;
За девушку, которой пленены,
Не пожалеем мы любой цены».

Иоанна слушала слова такие
И содрогалась: помыслы святые,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
И девственность, и слава для нее
дороже сделались, чем бытие.
И благодать, святой подарок божий,
Прекрасного бастарда ей дороже.
Она в слезах молила небеса,
Да пронесут они опасность мимо,
И, закрывая грустные глаза,
Незрячая, желала быть незримой.

И Дюнуа был скорбью обуян.
«Как, – думал он, – расстриженный болван
Возьмет Иоанну, Францию погубит!
Судьба волшебников бесчестных любит,
Тогда как я, послушный до сих пор,
Я потуплял горящий страстью взор!»

Услыша вежливое предложение,
Улыбкой отвечал Гермафродит;
Готов его принять без возраженья,
Уже доволен он и не сердит.
«Вы с мулом, – он монаху говорит, –
Готовы оба будьте: я прощаю
французов; я их вам предоставляю».

Владел монах Иакова жезлом,
И перстнем Соломона, и ключом;
Он также обладал волшебной тростью,
Придуманной египетским жрецом,
И помелом, принесшим с дикой злостью
Беззубую к царю Саулу гостью,
Когда в Эндоре, заклиная тьму,
Она призвала мертвеца к нему.
Был Грибурдон не хуже по уму:
Круг начертав, он взял немного глины,
Помазал ею нос своей скотины
И произнес слова – источник сил,
Которым персов Зороастр учил
Услыша сатанинское наречье, –
О, чудеса! О, власть нечеловечья! –
На две ноги тотчас поднялся мул,
Передними уздечку отстегнул,
Густая шерсть сменилась волосами,
И шапочка явилась над ушами.
Не так ли некогда великий царь,
За злобу сердца осужденный богом[53 – ... Осужденный богом... – в
примечании Вольтер рассказывает легенду о халдейском (вавилонском) царе
Навуходоносоре, которого бог наказал и на семь лет лишил разума – тот воображал
себя быком, жил вместе со зверями и ел траву. Затем разум вернулся к нему, и он
прожил еще год, совершив много добрых и мудрых дел.]
Быком щипать траву по всем дорогам,
Стал человеком наконец, как встарь?

Под синим куполом небесной сферы
Святой Денис, печален свыше меры,
Услышал Девственницы слабый стон;
К ней на подмогу устремился б он,
Когда бы сам он не был затруднен.
Денисовой поездкой оскорблен,
Один весьма почтенный небожитель,
Святой Георгий, Англии святитель,
Открыто возмущался, что Денис
Без позволения спустился вниз,
Стараясь, как непрошенный воитель.
И скоро, слово за слово, они,
Разгорячась, дошли до руготни.
В характере британского святого
Всегда есть след чего-то островного:
Пускай душа в раю поселена,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Родная всюду скажется страна;
Так выговор хранит провинциальный
Сановник важный и официальный.
Но мне пора, читатель, отдохнуть;
Мне предстоит еще немалый путь.
Когда-нибудь, но только не сегодня,
Я расскажу вам, с помощью господней,
К каким событиям это привело,
Что случилось с девой, что произошло
На небе, на земле и в преисподней.

Конец песни четвертой

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Монах Грибурдон, пытавшийся обесчестить Иоанну, по заслугам попадает в ад. Он рассказывает о своем приключении чертям

Друзья мои, пора, поверьте мне,
Остепениться и зажить вполне,
Как истые, прямые христиане!
Среди гуляк, рабов своих желаний,
Я молодости проводил года
В трактирах вечно, в церкви никогда.
Мы пьянствовали, ночевали с девкой
И провожали пастыря с издевкой.
И что же? Смерть, которой не уйти,
С косою острой стала на пути
Весельчаков, курносая, седая,
И лихорадка, вестница хромая,
Рассыльная Атропы[54 – Рассыльная Атропы, Стикса дочь – то есть
смерть; по древнегреческому мифу, Атропа – одна из трех сестер-Мойр (в Риме они
назывались Парками): Клото – прядет нить жизни, Лахесис – проводит ее через все
испытания, Атрона – обрезает эту нить. Стикс – нимфа реки, семь раз обтекающей
подземное царство Аида, по ней души умерших попадают в это царство.], Стикса
дочь,

Терзает их умы и день и ночь;
Сиделка иль нотариус свободно
Им сообщают: «Вы умрете, да;
Скажите же, где вам лежать угодно».
И позднее раскаянье тогда
Слетает с уст: печальная картина.
Ждут помощи блаженного Мартина[55 – ... Блаженного Мартина... (ок.
316 – 397) – турецкий епископ с 371 г. , основатель первого французского
монастыря, католической церковью причислен к лику святых.],

Святой Митуш великих благостынь,
Поют псалмы, коверкают латынь,
Святой водою их кропят, но тщетно:
Лукавый притаился незаметно
У ног постели, когти распустил.
Летит душа, но он ее схватил
И увлекает в подземелья ада,
Где грешных ждет достойная награда.

Читатель мой! Однажды Сатана,
Которому принадлежит страна
Большая, с населением немалым,
Блестящий пир давал своим вассалам.
Народ в те дни без счета прибывал,

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org

И демоны гостей встречали славно:
Какой-то папа, жирный кардинал,
Король, что правил Севером недавно,
Три интенданта, двадцать черных ряс,
Четырнадцать каноников. Богатый
Улов, как видите, был в этот раз.
И черной сволочи король рогатый
В кругу своих придворных и друзей
Нектар бесовский пил, весьма довольный,
И песенке подтягивал застольной.
Вдруг страшный шум раздался у дверей:
«Эй, здравствуйте! Вы здесь! Вы к нам, почтенный!
Ба! Это Грибурдон, наш неизменный,
Наш верный друг! Входите же сюда,
Святой отец! Вниманье, господа!
Прекрасный Грибурдон, апостол ада,
Ученый муж! Таких-то нам и надо!
Сын черта, несравненный по уму!»
Его целуют, руку жмут ему
И быстро увлекают в подземелье,
Где слышно пира шумное веселье.

Встал Сатана и говорит: «Сынок,
Драчун, кого давно оставил бог,
Так рано я тебя не ждал; жалею,
Что голову свою ты не берег.
Духовной Академией мою
Ты сделал Францию в короткий срок:
В тебе я видел лучшую подмогу.
Но спорить нечего с судьбой! Садись
Со мною рядом, пей и веселись!»
В священном ужасе целует ногу
У господина своего монах,
Потом глядит с унынием в глазах
На пламенем объятые пространства,
Где обитают в огненных стенах
Смерть, вечные мученья, окаянство,
Где восседает зла нечистый дух,
Где дремлет прах классического мира,
Ум, красота, любовь, наука, лира, –
Все, что пленяет глаз и нежит слух,
Неисчислимый сонм сынов господних,
На радость черту сотворенных встарь!
Ведь здесь, читатель, в муках преисподних,
Горит тиран и рядом лучший царь.
Здесь Антонин и Марк Аврелий,
оба Катона, бичевавшие разврат,
Кротчайший Тит, всех угнетенных брат,
Траян, прославленный еще до гроба,
И Сципион, чья пламенная власть
Преодолела Карфаген и страсть.
Мы видим в этом пекле Цицерона,
Гомера и премудрого Платона.
За истину принявший смерть Сократ,
Солон к Аристид в смоле кипят[56 – Все вышеприведенные

выдающиеся греки помещены Вольтером в ад не случайно – этим приемом он достигает едкой иронии по отношению к католической церкви, которая всех эллинов, независимо от их заслуг и добродетелей, помещала в ад как язычников.]

Что доблести их, что благодеянья,
Раз умерли они без покаянья!

Но Грибурдон был крайне удивлен,
Когда в большом котле заметил он
Святых и королей, которых ране
Себе примером чтит христиане.

Одним из первых был король Хлодвиг[57 – Король Хлодвиг (466 – 511) – из рода Меровингов, завоевал почти всю Галлию и основал франкское государство. Совершил ряд преступлений, убив многих близких родственников. По

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
преданию, был обращен в христианство в 496 г. реймским епископом Реми (437 – 533), которого церковь возвела в ранг святых.]

Я вижу, мой читатель не постиг,
Как может статься, что король великий,
Который в рай открыл дорогу нам,
В аду кромешном оказался сам.
Я признаю, бесспорно, случай дикий.
Но объясняю это без труда:
Не может освященная вода
Очистить душу легким омовеньем,
Когда она погибла навсегда.
Хлодвиг же был ходячим преступленьем,
Всех кровожадней слыл он меж людьми;
Не мог очистить и святой Реми
Монарха Франции с душой вампира.

Меж этих гордых властелинов мира,
Блуждавших в сумраке глухих долин,
Был также знаменитый Константин[58 – Константин I Великий (285 – 337) – римский император с 306 г. первым из императоров принял христианство и сделал его государственной религией. Основал Константинополь на месте древнего города Византия.]

«Как так? – воскликнул францисканец серый, –
Ужель настолько промысел суров,
Что основатель церкви, всех богов
Языческих преодолевший верой,
Последовал за нами в эту тьму?»
Но Константин отвечал ему:
«Да, я низвергнул идолов, без счета
Моей рукою капищ сожжено.
Я богу сил кадил куренья, но
О вере истинной моя забота
Была лишь лестницей. По ней взошел
Я на блестящий кесарский престол,
И видел в каждом алтаре ступень я.
Я чтил величье, мощь и наслажденья
И жертвы приносил им вновь и вновь.
Одни интриги, золото и кровь
Мне дали власть; она была непрочной;
Стремясь ее незыблемо вознесть,
Я приказал, чтоб был убит мой тесть.
Жестокий, слабосильный и порочный,
В кровавые утехи погружен,
Отравлен страстью, ревностью сожжен,
Я предал смерти и жену и сына.
Итак, не удивляйся, Грибурдон,
Что пред собою видишь Константина!»

Но тот дивиться каждый миг готов,
Встречая в сумраке ущелий диких
Повсюду казуистов, докторов,
Прелатов, проповедников великих,
Монахов всяческих монастырей,
Духовников различных королей,
Наставников красавиц горделивых,
В земном раю – увы! – таких счастливых!
Вдруг он заметил в рясе двух цветов
Монашка от себя довольно близко,
Так, одного из набожных скотов,
С густою гривой, с ряшкою, как миска,
И, улыбаясь: «Эй, кто ты таков? –
Спросил наш францисканец у монашка. –
Наверное, изрядный озорник!»
Но тень ответила, вздыхая тяжело:
«Увы, я преподобный Доминик».

Услышав это, точно оглушенный,
Наш Грибурдон попятился назад.

Вольтер Орлеанская девственница filosoffoff.org
Он стал креститься, крайне пораженный.
«Как, – он воскликнул, – вы попали в ад?
Святой апостол, божий собеседник,
Евангеля бесстрашный проповедник,
Ученый муж, которым мир велик,
В вертепе черном, словно еретик!
Коль так – мне жаль мою земную братью,
Обманутую лживой благодатью.
Подумать только: за обедней им
Велят молиться этаким святым!»

Тогда испанец в рясе бело-черной
Унылым голосом сказал в ответ:
«Мне до людских ошибок дела нет.
Их болтовне я не внимаю вздорной.
Несчастные, мы изнываем тут,
А люди нам акафисты поют.
Иному церковь строится до смерти,
А здесь его поджаривают черти.
Другого же осудит целый свет,
А он в раю, где воздыханий нет.
Что до меня, то вечные мученья
я по заслугам на себя навлек.

На альбигойцев [59 – Альбигойцы – участники еретического движения, возникшего на юге Франции в XII – XIII ст. ; основную массу составляли крестьяне и ремесленники. Осуждены Вселенским собором 1215 г. Разбиты во время двух крестовых походов (1209 и 1229 гг.), организованных папством.] я воздвиг гоненья,

А в мир был послан не для разрушенья,
И вот горю за то, что сам их жег». О,
если б я имел язык железный,
я б говорил, покуда время есть,
и не успел бы – подвиг бесполезный –
Святым, в аду горящих, перечесть.

Когда сына Ассизского Франциска
Вся эта публика довольно близко
С судьбою познакомила своей,
Они заговорили без затей.
«Милейший Грибурдон, скорей, не мучай,
Скажи, какой необычайный случай
Подстроил так, что в адские края
Безвременно сошла душа твоя?»
«Извольте, господа, к чему ломаться;
я расскажу престранный случай мой.
Вы будете, конечно, удивляться,
Но в истине ручаюсь головой:
Не лжет мой рот, засыпанный землей!

Когда еще я не был в этом месте,
Для чести рясы и для вашей чести
Любовный подвиг был исполнен мной,
Какого не запомнит шар земной.
Погонщик мой, соперник содостойный,
Великий муж и доблестный осел,
Погонщик мой, усердный и спокойный,
Мечты Гермафродита превзошел.
И я для самки-чудища все знанья
Собрал и все способности напруг;
И сын Алисы, оценив старанья,
Иоанну дал нам, как доверья знак,
И Девственница, гордость королевства,
Спустя мгновенье потеряла б девство:
Погонщик мой обхватывал ей зад,
я крепко заключил ее в объятья;
Гермафродит был чрезвычайно рад.

Но тут, не знаю, как и передать, я,
Страница 38

Вольтер Орлеанская девственница filosoffoff.org

Разверзлась твердь, и вдруг из синевы
(Из царства, где я никогда не буду,
Не будете, друзья мои, и вы)
Спустилось – как не подивиться чуду!
Известное по пребольшим ушам
Животное, с которым Валаам
Беседовал, когда всходил на гору.
Ужаснейший осел явился взору!
Он был оседлан. У луки блестел
Палаш с изображением трех лилий.
Стремительнее ветра он летел
При помощи остроконечных крылий.
Иоанна тут воскликнула: «Хвала
Творцу: я вижу моего осла!»
Услыша эту речь, я содрогнулся.
Крылатый зверь, колени преклоня
И хвост задрав, пред Дюнуа согнулся,
как будто говоря: «Сядь на меня!»
Садится Дюнуа, и тот взлетает,
Своими побрякушками звеня,
И Дюнуа внезапно на меня,
Мечом размахивая, нападает.
Мой господин, владыка адских сил,
Тебе война подобная знакома;
Так на тебя когда-то Михаил
Напал по манию владыки грома,
Которого ты тяжко оскорбил.
Тогда, глубокого исполнен страха,
я к волшебству прибегнул поскорей:
я бросил облик рослого монаха,
Надменное лицо с дугой бровей,
и принял вид прелестный, безмятежный
Красавицы невинной, стройной, нежной.
Играла по плечам кудрей волна,
и грудь высокая была видна
Сквозь легкое прикрытье полотна.
я перенял все женские повадки,
Все обаянье юной красоты,
Испуга и наивности черты,
которые всегда милы и сладки.
Сияньем глаз и прелестью лица
я мог очаровать и мудреца,
Смутил бы сердце, будь оно из стали;
Так дивно прелести мои блистали.
Мой паладин был очарован мной.
я был у края гибели: герой
Занес палаш неумолимый свой
И руку опустил наполовину.
Минута – и мне не было б помину.
Но Дюнуа, взглянув, застыл на миг.
Кто видел в древности Медузы лик,
Тот превращался в равнодушный камень.
А рыцаря я так сумел привлечь,
что он почувствовал, напротив, пламень,
Вздохнул и выпустил ужасный меч.
И, на него взглянув, я понял ясно,
что он влюбился преданно и страстно.
я победил, казалось. Кто б постиг
То, что случилось в следующий миг?

Погонщик, плотные красы Иоанны
Сжимавший крепко, тяжело дыша,
Узрев, как я мила и хороша,
В меня влюбился, олух окаянный.
увы, не знал я, что способен он
Быть утонченной прелестью пленен!
О, род людской, о, род непостоянный!
и вот, ко мне воспламенившись вдруг,

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Дурак Иоанну выпустил из рук.
Как только та свободу ощутила,
Блестящий меч, забытый Дюнуа,
Увидев на земле, она схватила
И с грозною отвагой занесла;
И в миг, когда погонщик мой – о, горе! –
Спешил ко мне с желаньями во взоре,
Иоанна за косы меня взяла.
Ужасный взмах меча – я погибаю
И больше ничего с тех пор не знаю
Про Дюнуа, погонщика, осла,
Гермафродита, Девственницу злую.
Пусть все они погибнут на колу!
Пусть небо им пошлет судьбу худую,
Отправит всех в кипящую смолу!»
Так изливал монах свою досаду,
Вздыхая горько на потеху аду.

Конец песни пятой

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Приключение Агнесы и Монроза. Храм Молвы. Трагическое приключение Доротеи

Покинем грязное ущелье, ад,
Где Грибурдон и Люцифер горят,
Раскроем крылья в небесах пошире
И поглядим, что происходит в мире.
Увы, такой же ад и белый свет,
И здесь невинности покою нет.
Здесь добродетель топчут лицемеры;
Ум, вкус, искусство, славные дела
Умчались прочь, в заоблачные сферы;
Политика – труслива и подла –
Над всем главенствует, все заменяет;
Исподтишка святоша направляет
Оружье дураков на мудреца;
И выгода, чьей власти нет конца,
Чей слух не режет гром сражений гулкий,
Разлегшись возле денежной шкатулки,
Сильнейшему слабейших подает.
О люди! жалкий и виновный род!
К чему все это? Что за наважденье?
Вам ведомо распутство, но, увы,
Без удовольствия! Познайте вы,
Коль так, хоть прелести грехопаденья.
И если адский пламень – доля всех,
Пусть нас туда приводит сладкий грех.

Сорель Агнеса это понимала.
Одно поставить можно ей в упрек:
Любовь ее сверх меры донимала.
Но кто бы оправдать ее не мог?
К ней, верю, будет милостивым бог.
Святой – и то порою не без пятен;
Но кающийся – господу приятен.

Спасала Девственница честь свою,
И Грибурдон, в кощунстве виноватый,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Сказал «прости» земному бытию.
В тот миг задумал наш осел крылатый,
Который рыцаря столь дивно спас,
Невероятнейшую из проказ:
Его с Иоанной разлучить.
Какая была причина этому? Любовь,
Любовь, неодолимая, слепая,
Таинственно волнующая кровь.
Когда-нибудь узнаешь, друг читатель,
Отважный план священного осла.
Он был дитя Аркадии, мечтатель.
Итак, ему фантазия пришла
Лететь в Ломбардию и, не случайно:
Ему Денис внушил все это тайно,
Когда он Дюнуа на крыльях нес.
Но для чего? – предчувствую вопрос.
В душе бастарда и в душе ослиной
Денис огонь почувствовал единый,
Который рано или поздно мог
Разрушить план его, сорвать цветок,
И Францию унижить и Иоанну.
Он верил, что разлука и года
Любовь в сердцах изгладят навсегда.
Я упрекать за то его не стану,
И вы, надеюсь, тоже, господа.
Святитель наш к тому же в этом деле
Преследовал еще другие цели.
Итак, осел, которому Денис
Доверил честь, и рыцарь, взмыв высоко
Над берегом Луары, унеслись
К верховьям Роны во мгновенье ока,
И Дюнуа глядел издали
На Девственницу. Совершенно голой
Она шагала, вся в крови. Рука
Сжимала яростно булат тяжелый.
Напрасно силится Гермафродит
Остановить шаги ее святые,
Над ней напрасно реют духи злые, –
Иоанна их с презрением разит.
Так улей иногда в тени раки
Увидит юноша и с удивленьем
Любуется диковинным строеньем,
Но вдруг жужжащий рой со всех сторон
Отважно на зеваку нападает.
Крылатой армией облеплен, он
Беснуется, танцует, приседает,
Но быстро оправляется и вот
Всю эту дрянь немилосердно бьет
И дерзких побеждает неизменно.
Так Девственница гордая надменно
Справлялась с легкой армией высот.

Погонщик же, дрожащий от испуга,
Боясь лишиться головы, взывал:
«О Девственница, о моя подруга,
Тебе я на конюшне помогал.
Яви же милосердые на примере
И сохрани мне жизнь, по крайней мере.
О, сжался, сжался и не убивай!»

Иоанна отвечает: «Негодяй,
Я милую тебя: меч богоданный
Не хочется марать в крови поганой!
Но пошевеливайся! Видно, мне
Придется ехать на твоей спине.
Кудесничество – дело не девичье,
Но каково ни есть твое обличье,
Ты мне сейчас заменишь лошака.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Осел мой улетел за облака.
Беру тебя, чтоб не было заминки;
Нагнись же», – говорит она, и тот
Склоняет лысину, на четвереньки
Становится, и вздохи издает,
И рысью Девственницу мчит вперед.
Взбешенный гений поклялся сурово
Французам пакостить по мере сил;
Он Англию с досады полюбил
И, справедливо рассердясь, дал слово
У шутников отбить к проделкам вкус.
Чтоб каждый легкомысленный француз
Достойное изведал наказание,
Он строить приказал большое зданье,
Ловушку, лабиринт, где месть его
Поймала бы, потомкам в назиданье,
Героев Франции – до одного.

Но что произошло с Агнесой милой?
Вы помните испуг ее, когда
Она, полуживая от стыда,
Была готова уступить пред силой.
Мгновенно выпустив ее из рук,
Умчался Жан Шандос на бранный звук.
Из затрудненья выпутавшись вдруг,
Агнеса тут же начала божиться,
Еще недавним страхом смущена,
Что впредь такого с нею не случится.
И Карлу мысленно клялась она,
Что будет одному ему верна,
Что с королем своим не разлучится,
Что не изменит и умрет скорей.
Увы, не следовало клясться ей!

В той суতোлке, грохоте, смятенье,
Когда врасплох военный лагерь взят,
Когда и полководец и солдат –
Один бежит, другой спешит в сраженье,
Когда сопровождающие стан
Мошенники спешат набить карман
И крики слышатся сквозь дым зловонный, –
Вдруг очутившись вовсе обнаженной,
В Шандосов гардероб она идет,
Рубашку, туфли и халат берет,
Не позабыв и колпака ночного.
Все впору ей: она одета снова!
На счастье, конь огромный вороной,
Шандоса ожидая у палатки,
Оседланный, с блестящею уздой,
Стоял, и, погруженный в отдых сладкий,
Спал конюх-пьяница, держа его,
Вокруг не замечая ничего.
Агнеса боязлива, как овечка,
Но вот уже в ее руках уздечка;
Какое-то бревно ей помогло
Взобраться на высокое седло,
И, шпоры дав, она летит мгновенно,
Страшась и радуясь одновременно!
Толстяк Бонно брел пеший среди полей
И брюхо проклинал свое, а вместе
Агнесу, англичан, и королей,
И путешествие, и поле чести.

В то время паж, по имени Монроз,
Которого с собой возил Шандос,
Спешил домой, исполнив порученье;
Увидев издали все приключенье,
Коня, летящего в лесной овраг,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Халат Шандоса и ночной колпак,
Он все не мог понять, что за причина
В таком наряде мчит, как на рожон,
Его возлюбленного господина.
Испуган юноша и поражен,
Летит галопом, крик его отчаян:
«О господин! О дорогой хозяин!
Куда вы мчитесь? Кто кого сразил?
Сдержите же неистовый свой пыл,
Постойте! Я умру в разлуке с вами».
Так сыпал он тревожными словами,
И только ветер крики разносил.

Пажом преследуемая Агнеса,
Рискуя жизнью, мчится в чашу леса.
Она летит как ветер, но туда ж,
Еще стремительней, несется паж.
Конь спотыкается, и в чаще темной
Красавица растерянная томный,
Упав на землю, испускает крик.
И тотчас же Монроз ее настиг.
Над чувствами мгновенно власть утратя,
Глядел Монроз, не смея и вздохнуть,
На белоснежную, как жемчуг, грудь,
Рубашкою прикрытую чуть-чуть,
На все, что было видно из-под платья.

Ты удивлен был милый Адонис[60 – Адонис – финикийское божество природы, олицетворение умирающей и воскресающей природы. Возлюбленный древнегреческой богини Афродиты, был убит разъяренным вепрем и превращен богиней в цветок анемон (др. версия – в розу).],

Когда любовница, чьей красотою
Владели Марс суровый и Анхиз[61 – Анхиз – по древнегреческому мифу внук троянского царя Ила (поэтому Троя также называли Илион), возлюбленный Афродиты; от этой связи родился троянский герой Эней, главный герой поэмы Вергилия «Энеида». За разглашение тайны их любви Зевс ослепил Анхиза.],

В лесной глуши явилась пред тобою.
Был на Венере не такой наряд,
На кудрях не колпак, ручаюсь смело,
И с лошади божественное тело,
Лишаясь сил, на землю не летело,
Не расцарапан был лилейный зад:
Но выбрал бы наш Адонис прелестный
Венеру иль Агнесу – неизвестно.
Была взволнована душа пажа
Боязнью, состраданьем и любовью.
Он руку ей поцеловал, дрожа.
«Увы, – сказал он, – вашему здоровью
Не повредило ль это?» И она,
Подъемля взор, в котором скорбь видна,
Ответствует, томна и смущена:
«Преследователь мой, во имя неба,
Когда хоть капля милосердия есть
В твоей душе – любви моей не требуй.
О, пощади! О, сохрани мне честь!
Будь избавителем моим, опорой».
И большего не в силах произнести,
Она, заплакав, опустила взоры,
Смущенным сердцем небеса моля
Взять под защиту счастье короля.
Монроз безмолвно постоял немного,
Потом сказал ей с неявной теплотой:
«Чудеснейшее из созданий бога,
Прелестней вас не видел мир земной!
Я – ваш вполне, располагайте мной,
Вся жизнь моя, отвага, кровь, именье
У ваших ног. Имейте снисхожденье
Принять все это. Я служить вам рад,
Не ожидая никаких наград.

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Быть вам слугою – сердцу упоенье!»
И склянку с кармелитской водой
Он проливает робкою рукой
На прелести оттенка роз и лилий,
Что скачка и паденье повредили.
Красавица румянцем залилась,
Но приняла услуги без опаски.
Быть верной королю она клялась,
Монрозу в то же время строя глазки.
Когда же из бутылки пролилась
До капли влага, несшая целенье,
Сказал Монроз: «О дивная краса,
Отправимтесь в соседнее селенье;
Нам не грозит дорогой нападение,
И мы там будем через полчаса.
Есть деньги у меня. Для вас из платья,
Наверно, что-нибудь смогу достать я,
Чтоб не стыдилась наготы своей
Красавица, достойная царей».

Агнеса соглашается с советом.
Монроз был так почтителен при этом
И так красив, так чуток ко всему,
Что трудно было возразить ему.

Повествованья прерывая нити,
Мне возразят, пожалуй: «Но, простите,
Возможно ли, чтоб ветреный юнец
Так нравствен был, что даже под конец
Не допустил игривого движенья?»
Оставьте, сударь, ваши возраженья.
Мой паж влюбился. Дерзостна рука
У сладострастья, а любовь робка.

Итак, они пошли дорогой вместе,
Беседуя о доблести и чести,
О пользе верности, вреде измен,
О старых книгах, полных нежных сцен.
Паж, приближаясь, целовал порою
Агнесе руки, замедляя шаг,
Но так почтительно и нежно так,
Как будто бы он шел с родной сестрою;
И все. Желаний целый мир носил
Он в сердце, но подачек не просил!
Вот наконец они достигли цели.
Усталую Агнесу паж ведет
В укромный дом. На пуховой постели
Меж двух простынь она покой найдет.
Монроз бежит и, запыхавшись, всюду
Одежду, гребешки, еду, посуду
Без усталости разыскивает он,
Красавицею нежно пленен.
О милый мальчик, сам Амур – свидетель,
Что, охраняя честь любви своей,
Ты проявил такую добродетель.
Какую редко сыщешь меж людей.

Но в этом доме – отрицать не стану –
Жил духовник Шандоса, а смелей
В делах любви носящие сутану.
Наш негодяй, проведавший уже
О путешественнице и паже
И зная, что находится так близко
Заветное сокровище любви,
Не видя в этом приключенье риска,
С горящим взором, с пламенем в крови,
С душой, исполненной отваги низкой,
Ругаясь гнусно, похотлив, как зверь,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Вбежал в покой и крепко запер дверь.
Но поглядим, читатель мой, теперь,
Куда умчался наш осел летучий;
Прекрасный Дюнуа, где ныне он?

Альпийских гор величественный склон
Вершинами пронизывает тучи,
И вот утес, для римлян роковой,
Где Ганнибал прошел стопой железной,
У ног его провал, над головой
Холодный свод, то солнечный, то звездный.
Там есть дворец из драгоценных плит,
Без крыши и дверей, всегда открыт;
Внутри же зеркала без искаженья
Любого отражают, кто войдет:
Старик, дитя, красавица, урод
Вернейшее находят отраженье.

И множество дорог туда ведет,
В страну, где мы себя увидим ясно,
Но путешествие весьма опасно
Среди непроходимых пропастей.
Подчас дойти иному удастся,
Не замечая гибельных путей,
Но все-таки, пока один взберется,
Другие сто не соберут костей.

Там есть хозяйка, пожилая дама,
Болтушка, по прозванию Молва;
Она горда, капризна и упряма,
Но каждый признает ее права.
Пускай мудрец налево и направо
Вещает нам, что побрякушка слава,
Что в ней он не находит ничего, –
Он глуп иль врет: не слушайте его.
Итак, Молва на этих склонах горных
Живет в кругу блистательных придворных.
Ученый, принц, священник и солдат,
Отведавшие сладостной отравы,
Вокруг нее толпятся и твердят:
«Молва, могучая богиня славы,
Мы так вас любим! Хоть единый раз
Промолвите словечко и про нас!»

Для этих обожателей нескромных
Молва имеет две трубы огромных:
В ее устах находится одна –
О славных подвигах гласит она.
Другая – в заднице, – прошу прощенья, –
Назначенная для оповещенья
О тысяче вновь изданных томов,
О пачкотне продажных болтунов,
О насекомых нашего Парнаса,
Блистающих в течение получаса,
Чтобы мгновенно превратиться в прах,
О ворохах бумаги истребленной,
В коллегиях навек похороненной,
О всех бездарностях, о дураках,
О гнусных и тупых клеветниках,
О Саватье, орудии подлога,
Который рад оклеветать и бога,
О лицемерной шайке пустомель,
Зовущихся Гийон, Фрерон, Бомель[62 – Саватье, орудие подлога –

Антуан Сабатье (1742 – 1817) – литературный недруг Вольтера, часто высмеивавший его в памфлетах, один из которых назывался «Философское изобретение ума г-на Вольтера». Гийон, Фрерон, Бомель – также противники Вольтера, досаждавшие ему доносами, пасквилями и клеветой. Гийон Клод-Мари (1699 – 1771) – литератор и историк. Фрерон Эли (1719 – 1776) – литератор, идейный враг писателя. Лоран Ла

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Бомель (1726 – 1773) – после неудачной попытки сблизиться с Вольтером начал преследовать его своими пасквилями.]

Торгующие смрадом и позором,
Они гурьбой преследуют Молву,
Заглядывая в очи божеству
Подобострастным и тщеславным взором.
Но та их гонит плеткою назад,
Не дав и заглянуть ей даже в зад.
Перенесенным в этот замок-диво
Себя узрел ты, славный Дюнуа.
О подвигах твоих – и справедливо –
Провозгласила первая труба.
И сердце застучало горделиво,
Когда в то зеркала ты поглядел,
Увидев отраженье смелых дел,
Картины добродетелей и славы;
И не одни геройские забавы
Там отражались – гордость юных дней,
А многое, что совершить трудней.
Обманутые, нищие, сироты,
Все обездоленные, чьи заботы
Ты приносил к престолу короля,
Шептали «Ave», за тебя моля.
Пока наш рыцарь, доблестями гордый,
Свою историю обозревал,
Его осел с величественной мордой
Гляделся тоже в глубину зеркал.

Но вот раскаты трубного напева
Рокочут о другом, и весть слышна:
«Сейчас в Милане Доротея-дева
По приговору будет сожжена.
Ужасный день! Пролей слезу, влюбленный,
О красоте ее испепеленной!»
Воскликнул рыцарь: «В чем она грешна?
Какую ставят ей в вину измену?
Добро б дурнушкою была она,
Но красоту – приравнивать к полену!
Ей-богу, если это не обман,
Должно быть, помешался весь Милан».
Пока он говорил, труба запела:
«О Доротея, бедная сестра,
Твое прекрасное погибнет тело,
Коль паладин, в котором сердце смело,
Тебя не снимет с грозного костра».

Услышав это, Дюнуа, во гневе,
Решил лететь на помощь юной деве;
Вы знаете, как только находил
Герой наш случай выказать отвагу,
Не рассуждая, он вперед спешил
И обнажал за угнетенных шпагу.
Он жаждал на осла скорее сесть:
«Лети в Милан, куда зовет нас честь».
Осел, раскинув крылья, в небе реет;
За ним и херувим едва ль поспеет.
Вот виден город, где суровый суд
Уже творит приготовленья к казни.
Для страшного костра дрова несут.
Полны жестокосердья и боязни,
Стрелки, любители чужой беды,
Теснят толпу и строятся в ряды.
На площади все окна растворились.
Собралась знать. Иные прослезились.
С довольным видом, свитой окружен,
Архиепископ вышел на балкон.

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Вот Доротею, бледную, без силы,
В одной рубашке, тащат альгвасилы.
Отчаянье, смятение и позор
Ей затуманили прекрасный взор,
И заливаётся она слезами,
Ужасный столб увидев пред глазами.
Ее веревкой прикрутивши тут,
Тюремщики уже солому жгут.
И восклицает дева молодая:
«О мой любимый, даже в этот час
В моей душе твой образ не погас!..»
Но умолкает, горестно рыдая,
Возлюбленное имя повторяя,
И падает, безмолвная, без сил.
Смертельный цвет ланиты ей покрыл,
Но все же вид ее прекрасен был.

Боец архиепископа бесчестный,
Скот, называвшийся Сакрогоргон,
Толпою зрителей проходит тесной,
Мечом и наглостью вооружен,
И говорит направо и налево:
«Клянусь, что еретичка эта дева.
Пусть скажет кто-нибудь, что я не прав.
Будь он простолудин иль знатный граф,
Но моего отведаёт он гнева,
И я с большой охотой смельчаку
Мечом вот этим проломлю башку».
Так говоря, идет он, горделиво
Напыжась, губы поджимает криво
И палашом отточенным грозит.
И все дрожат, никто не возразит.
Желающего нет подставить шею
Под саблю, защищая Доротею.
Сакрогоргон, ужасный, как палач,
Всех запугал. Был слышен только плач.
И своего подбадривал клеветы
Прелат надменный, наблюдая это.

Над площадью витавший Дюнуа
Не мог стерпеть такого хвастовства.
А Доротея так была прекрасна
В слезах, дрожащая в тенетах зла,
Такою трогательною была,
Что понял он, что жгут ее напрасно.
Он прыгнул наземь, гнева не тая,
И громким голосом сказал: «Вот я
Пришел поведать храбростью своею,
Что ложно обвинили Доротею.
А ты – не что иное, как хвастун,
Сообщник низости и гнусный лгун.
Но я хочу у Доротеи ране
Узнать подробно, в чем ее позор
И почему возводят на костер
Подобную красавицу в Милане».
Он кончил, и восторженный народ
Крик радостной надежды издает,
Сакрогоргон, от страха умирая,
Пытается держаться храбрецом.
Прелат надменный, злобы не скрывая,
Стоит с перекосившимся лицом.

А Дюнуа стал слушать Доротею,
Почтительно склоняясь перед нею.
Красавица, не поднимая глаз,
Вздыхнув, печальный повела рассказ.
Осел, расположившись на соборе,
Внимательно вникал в девичье горе;

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
И был доволен набожный Милан,
Что знак господня милосердья дан.

Конец песни шестой

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Как Дюнуа спас Доротею, приговоренную к смерти Инквизицией

Когда однажды на рассвете дней
Я брошен был подругою моею,
Так был я опечален, что, признаться,
Решил навек от страсти отказаться.
Но даже в голову мне не пришло
Обиду нанести иль сделать зло,
Изменнице доставить огорченье,
Неудовольствие или мученье,
Стеснять желанья не по мне, друзья.
Раз я зову к неверным снисхожденье,
То, ясно, к женщинам жестоким я
Могу питать одно лишь уваженье.
Нельзя терзать преследованьем ту,
Чье сердце осаждали вы напрасно.
И если молодую красоту
Желанье ваше покорить не властно –
Не может сердце быть всегда несчастно:
Нежнейших уз ищите у другой
Иль пейте, это тоже путь благой.
Когда б такую мысль внушил создатель
Влюбленному прелату одному
И красоты столь редкой угнетатель
Последовал совету моему!

Уж Дюнуа, величественный в гневе,
Внушил надежду осужденной деве.
Но прежде надо знать, за что она
Была к сожженью приговорена.

«О сын небес, – потупившись прелестно,
Она сказала, – раз своим мечом
Меня вы защитили, вам известно,
Что обвинить меня нельзя ни в чем!»
«Не ангел я – ответил рыцарь, – верьте;
Я очень рад, что случай мне помог
Избавить вас от столь жестокой смерти,
Но ваше сердце видит только бог.
Оно, я верю, голубю подобно,
Но расскажите обо всем подробно».

И отвечает на его вопрос
Красавица, не сдерживая слез:
«Любовь – причина всей моей печали.
Сеньора Ла Тримуйль вы не встречали?»
«Он лучший друг мой, – Дюнуа в ответ, –
Души смелей и благородней нет.
У короля нет воина вернее,
У англичан соперника страшнее.
Его любить для всех красавиц честь!»
«Да, – дева молвит, – это он и есть!»

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Лишь год, как он уехал из Милана.
О господин! Он был в меня влюблен.
В моей груди горит разлуки рана,
Но верю я, что вновь вернется он.
Он клятву дал, когда пришел проститься.
Я так его люблю! Он возвратится!»

«Не сомневайтесь, – Дюнуа сказал. –
Кто красоты подобной не оценит?
Он слову никогда не изменял,
И если поклялся, то не изменит».

Она ответила: «Я верю вам.
О, день счастливый нашей первой встречи!
Как были сладостны моим ушам
Его благовоспитанные речи,
Иных бесед чудесные предтечи!
Его я полюбила без ума,
Еще не зная этого сама.
Ах! У архиепископа в столовой
Произошло все это! Сладкий сон!
Он, рыцарь знаменитый и суровый,
Сказал, что без ума в меня влюблен.
Почувствовав блаженное томленье,
Я разом потеряла слух и зренье,
Не зная, что за муки сердце ждут!
От счастья я протислась с аппетитом!
Наутро он пришел ко мне с визитом,
Но пробыл только несколько минут,
Ушел – и, полная любовным бредом,
Моя душа за ним помчалась следом.
На следующий день пришел он вновь
И вел беседу про свою любовь.
Зато на следующий день в награду
Похитил он два поцелуя кряду.
На следующий день наедине
Он обещал, что женится на мне.
На следующий день просил так тонко,
На следующий сделал мне ребенка.
Но что я говорю! Увы! Увы!
Я вам открыла весь мой стыд и горе,
А я еще не ведаю, кто вы,
Узнавший ныне о моем позоре!»

Герой ответил скромно: «Дюнуа».
Он не хвалил себя самодовольно,
Но было имени его довольно.
Вскричала дева: «Господу хвала!
О, неужели воля провиденья
Меня рукою Дюнуа спасла!
Сколь ваше явственно происхождение,
Бастард прекрасный, победитель зла!
Любовь меня мученью обрекла, –
Дитя Любви несет мне исцеленье.
Надежда вновь овладевает мной!

Так слушайте же дальше, о герой!
С возлюбленным я прожила недолго.
Его к оружию призвала война,
И он покорствует веленью долга.
О, Англия, будь проклята она!
Я слезы лить была принуждена.
Вы понимаете, сеньор достойный,
Перенести все это каково?
Ах, я изнемогала без него,
Чудовищные проклиная войны.
Меня лишил всего ужасный рок,
Но я не жаловалась, видит бог.

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org

Он подарил, со мною расставаясь,
Сплетенный из волос его браслет.
Я приняла, слезами обливаясь,
Из рук любимого его портрет.
Оставил он еще письмо большое,
Где нежность, в каждом завитке дыша,
Свидетельствует, что с его душою
Навеки скована моя душа.
Он говорит там: «Одержав победу,
Без промедленья я в Милан приеду
И, послужив, как должно, королю,
Женюсь на той, которую люблю!»
Но до сих пор он бьется в Орлеане,
Разит врагов, наносит им урон.
Он верен долгу, но моих страданий,
Моей судьбы, увы, не знает он.
Когда б он видел, как меня карает Любовь!
Нет, хорошо, что он не знает.

Итак, уехал он на долгий срок,
А я уединилась в уголок,
Который был от города далек.
Вдали от света, посреди просторов,
Переносила я разлуки гнет,
Томленье сердца, тяготу забот
И прятала от любопытных взоров
И слезы горькие, и свой живот.
Но я, увы, племянница родная
Архиепископа. О, доля злая!»
Тут слезы начали сильнее течь
Из глаз ее, и, горестно рыдая,
Так Доротея продолжала речь:
«В уединенье рощ, под солнцем юга,
Я плод своей любви произвела
И, утешаясь им, ждала я друга.
Как вдруг архиепископу пришла
Фантазия узнать, как поживает
Его племянница в глуши полей.
Дворец он для деревни оставляет
И... там пленяется красотой моей.
О красота, подарок злобных фей,
Зачем пронзила ты, к моей досаде,
Опаснейшей стрелой сердце дяди!
Он объяснился. Я пыталась тут
О долге говорить, о чести, сани,
О незаконности его желаний
И святости родства. Напрасный труд!
Он, оскорбляя церковь и природу,
Мне не давал решительно проходу
И возражений слушать не желал.
Ах, заблуждаясь, он предполагал,
Что, сохранив сердечную свободу,
Я никого на свете не люблю,
Он был уверен, что я уступлю
Его мольбам, его заботам скучным,
Желаниям упорным и докучным.

Но ах! когда однажды в сотый раз
Я пробежала дорогие строки
И лились слезы у меня из глаз,
Меня настиг мой опекун жестокий.
Враждебною рукою он схватил
Листок, что мне дороже жизни был,
И, прочитав его, увидел ясно,
Что я люблю, что я любима страстно.
Тогда, отравлен ревностью и зол,
Он сам себя в упрямстве превзошел.
Он окружил меня продажной дворней;

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org

Ему сказали про мое дитя.
Другой отстал бы. Но, напротив, мстя,
Архиепископ стал еще упорней
И, превосходством пользуясь своим,
Сказал: «Уж не со мною ли одним
Вы щепетильны? Ласки вертопраха,
Обманщика вам не внушали страха,
Вы до сих пор тоскуете по ним.
Так перестаньте же сопротивляться,
Примите незаслуженную честь.
Я вас люблю! Вы мне должны отдаться
Сейчас же, или вас постигнет месть».
Я, вся в слезах, ему упала в ноги,
Напоминая о родстве и боге,
Но в этом виде, к горю моему,
Еще сильнее понравилась ему.
Он повалил меня, срывая платье.
Принуждена была на помощь звать я.
Тогда, любовь на ненависть сменя, –
О, тяжелее нету оскорбленья! –
Он бьет рукою по лицу меня.
Вбегают люди. Дядя без смущенья
Свои удваивает преступленья.
Он молвит: «Христиане, вот моя
Племянница, отныне дочь злодейства;
Ее от церкви отлучаю я
И с нею плод ее прелюбодейства.
Да покарает господа рука
Отродье подлого еретика!
Их проклиная я, служитель бога.
Пусть Инквизиция их судит строго».
То не были слова пустых угроз.
Едва успев в Милане очутиться,
Он тотчас Инквизиции донес.
И вот мой дом – унылая темница,
Где пленнице, безмолвной от стыда,
Терзанья – пища, реки слез – вода;
Подземная тюрьма черна, уныла,
Обитель смерти, для живых могила!
Через четыре дня на белый свет
Меня выводят, но – о, доля злая! –
Затем лишь, чтоб на плахе, в двадцать лет,
Сожженная безвинно, умерла я.
Вот ложе смерти для моей тоски!
Здесь, здесь, без вашей мстительной руки
И жизнь и честь мою бы схоронили!
Я знаю, что нашлись бы смельчаки,
Которые меня бы защитили;
Но смелость их поработил прелат, –
Все перед церковью они дрожат.
Ах, итальянец обречен бессилью,
Затем, что устрашен епатрахилью[63 – Епитрахиль – облачение
священника, одеваемое поверх рясы.]
Француз же не боится ничего,
Он нападет на папу самого».

Герой, задетый за живое девой,
Исполнен жалости глубокой к ней,
К архиепископу исполнен гнева,
Решил дать волю доблести своей,
В победе скорой убежденный твердо,
Как вдруг заметил, что, подкравшись гордо,
Не спереди, а сзади, что солдат
Отважно в тыл ему напасть хотят.
Какой-то черный чин с душой чернильной
Гнусавил, словно пел псалом умильный:
«Во имя церкви объявляем мы,
Да радуются верные умы

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org

Во славу бога: по распоряженью
Его преосвященства, решено
С ослом его проклятым заодно
Богоотступника предать сожжению.
Как еретик и чернокнижник, он

Да будет вместе с грешницей сожжен».
Бузирис[64 – Бузирис (или Бусирис) – мифический царь Египта,
приносивший в жертву всех попадавших ему в руки чужеземцев. Геракл, также
обреченный им на смерть, разорвал путы и убил Бузириса вместе с его сыном.]
хитрый в образе прелата,

Страшась, что приближается расплата,
Ты свой прием обычный применил:
В согласье с Инквизицией ты был,
И ждал вердикт суровый супостата,
Который вздумал бы сорвать покров
С твоих неопикуемых грехов.

Немедля отвратительная свора,
Святейшей Инквизиции опора,
Идет на Дюнуа, построясь в ряд,
Шаг делая вперед, а два назад.
Горланят, топчутся, творят молитву.
Сакрогоргон, дрожа, ведет их в битву.
Он щелкает зубами и орет:
«Смелей! Хватайте колдуна! Вперед!»
За ними вслед, блистая стихарями,
Плетутся дьяконы с пономарями:
Один с кропилом и с крестом другой,
Они своей соленою водой
Кропят смиренно верующих братью,
Отца лукавства предают проклятью;
И, все еще взволнованный, прелат
Им шлет благословение стократ.

Чтоб доказать, что он не сын геенны,
Великий Дюнуа спешит извлечь
Могучею рукой громадный меч,
Другою четки, инструмент священный,
Являемый порукой несомненной,
Что он ничем не связан с духом зла.
«Ко мне!» – зовет он своего осла.
Тот подлетает, и герой, проворно
Вскочив на зверя, сыплет, точно зерна,
В толпу врагов удары без числа.

Здесь изувечен стернум[65 – Стернум – передняя часть грудной
клетки.] или шея,

Тот, поражен в атлант[66 – Атлант – первый шейный позвонок.],
упал, немея;

Кто челюсть потерял, кто глаз, кто нос,
Кто еле-еле голову унес
И удирает, бормоча молитвы,
Кто удаляется навек во тьму.
И, вторя господину своему,
Осел в сумятице кровавой битвы
Не устает лягать, топтать, кусать
Мошенников испуганную рать.
Сакрогоргон утратил облик бравый
И пятится, бледнея, как мертвец,
Но вот настигнут он, и меч кровавый,
Войдя в лобок, выходит сквозь крестец.
Он падает, и весь народ, сияя,
Кричит: «Виват! Издох Сакрогоргон!»
Еще в предсмертных корчах бился он
И сердце трепетало, замирая,
Когда герой сказал ему: «Подлец,
Тебя ждет ад; признайся наконец,
Что твой архиепископ – плут, негодник,
Предатель в митре, низкий греховодник,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Что Доротея, чести образец,
Любовницей и католичкой верной
Всегда была, а сам ты – олух скверный!»
«Да, храбрый рыцарь! – отвечает он. –
Да, олух я, вы совершенно правы.
В том доказательство ваш меч кровавый».
Сказавши это, испускает стон
И умирает злой Сакрогоргон.

В тот самый миг, когда, покинув тело,
Душа злодея к дьяволу летела,
На городскую площадь въехал смело
Оруженосец с шлемом золотым.
В ливреях ярко-желтых перед ним
Шли два гонца. И стало всем понятно,
Что близится какой-то рыцарь знатный.
Обрадована и изумлена
Была, увидев это, Доротея.
«Ах, боже мой! – воскликнула она. –
Ужели радость свыше мне дана?
Ужели он? Ужели не во сне я?»

В Милане любопытны стар и млад;
Все устремили на прибывших взгляд.

Читатель дорогой, мы с вами тоже
На этот ветреный народ похожи:
Миланским происшествием умы
Уж слишком долго занимали мы!
Но разве в этом замысел романа?
Подумаем о стенах Орлеана,
О добром Карле, о тебе, Иоанна,
Которая, прославив слабый пол,
За Францию отмщаешь и престол,
Которая, без лат и без одежды,
Кентавром скачешь, в поле пыль клубя,
И возлагаешь большие надежды
На всемогущего, чем на себя;
И о тебе, святой Денис, предстатель
За Галлию, который в этот миг
Георгию сплетаешь сеть интриг.

Но главное – не позабудь, читатель,
Сорель Агнесу. Чары красоты
Приятны смертным. Это всем известно.
И, будь хоть черный меланхолик ты,
Тебе судьба Агнесы интересна.

И то сказать, без лести небесам:
Ведь если сожигают Доротею
И с горней высоты создатель сам
Ее спасает, сжалившись над нею,
То это – случай, близкий к чудесам.
Но если та, чье сердце – ваша плаха,
По ком вы слезы точите ручьем,
Увлечена молоденьким пажом
Или в объятьях грузного монаха, –
Таковыми случаями полон свет:
Чудесного, пожалуй, в них и нет.
Скажу, что приключенья в этом роде
Понятней человеческой природе:
Я человек, и в том я вижу честь,
Что мне не чужды немощи людские;
Я сам ласкал красавиц в дни былые,
И у меня, как прежде, сердце есть.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Как прекрасный Ла Тримуйль встретил англичанина у храма Лоретской богоматери и что затем случилось с его Доротеей

Как наш рассказ возвышен и приятен,
Как ум и сердце образует он,
Как в нем отражены без всяких пятен
И доблесть, храбрых рыцарей закон,
И право королей, и верность жен!
Имеет сходство он с богатым садом,
Который доставляет радость взглядам.
В нем целомудрие всего видней,
Цветок, затмивший все цветы собою,
Как лилия, в невинности своей
Блистающая дивной белизною.

О девы, юноши, прошу я вас,
Прочтите сей божественный рассказ.

Принадлежит он мудрому Тритему [67 – Тритем Жан (1462 – 1516) – историк, аббат монастыря св. Иакова в Вюрцбурге, собиратель исторических рукописей и древних книг. Вольтер делает его вымышленным источником разных «достоверных» событий.];

Ученый пикардиец и аббат
Иоанну и Агнесу взял как тему.
Как я его ценю, и как я рад,
Что явно отдавал он предпочтенье
Тебе, полезное, простое чтение,
Пред хламом современных повестей,
Которые живут так мало дней,
Безвкусный плод фантазии туманной!
Правдивая история Иоанны
Переживет и зависть и года.
Так торжествует истина всегда.

Однако об Иоанне д'Арк тебе я,
Читатель мой, не расскажу сейчас,
Затем что ныне занимают нас
Лишь Дюнуа, Тримуйль и Доротей,
На то причины веские имею.
Мы с полным основаньем знать хотим,
Что с ними случилось, как живет им.

Вы помните, как, защищая славу
Французского монарха, весь в поту,
Тримуйль отважный, гордость Пуату,
Близ Орлеанских стен попал в канаву.
Оруженосцами был наш герой
Из грязной ямы поднят еле-еле,
Помятый, с поврежденною рукой,
С кровоподтеками на нежном теле.
Его хотели в город отнести,
Но тут явилась новая забота:
Закрты были в Орлеан пути
Усилиями дерзкого Тальбота.
Тогда решили, в страхе пред врагом,
Тримуйля кружным отнести путем
В Тур, город твердый в вере и законе,
Покорный христианнейшей короне.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Здесь из Венеции заезжий плут
Ему довольно ловко руку вправил,
Кость лучевую к плечевой приставил.
Оруженосцы же понять дают,
Что к королю вернуться он не может,
Что враг везде теснит нас и тревожит.
«Что ж, если так, – наш рыцарь молвил тут, –
Раз мне не суждено решать победу,
Я хоть к любовнице своей поеду».

Итак, превратностям теряя счет,
В Ломбардию свершает он поход.
Там перед городскими воротами
Был окружен и сдавлен наш герои
Бесчисленной и глупою толпой,
В Милан спешащей, хлопая глазами,
Стуча подкованными башмаками.
Купцы, крестьяне, дети, всякий сброд,
Бенедиктинцы, горожане; в ход
Пускают кулаки, всем душно, тесно,
Бегут, кричат: «Скорей, пустите нас!
Такие зрелища не каждый час!»

Тут паладину сделалось известно,
Какого праздника так жадно ждет
Ломбардский добрый и простой народ.
«О Доротея! Страшное известье!» –
Кричит он и, пришпорив вдруг коня,
Всех опрокидывая и тесня,
Несется через людное предместье,
Вдоль узких улиц к площади туда,
Где бьется благородный Дюнуа,
Где растерявшаяся Доротея
Глядит, поверить истине не смея.
Не мог бы и Тритем картины той
Нам передать, со всем своим искусством,
Дать имена разнообразным чувствам,
Возникшим в сердце девы молодой,
Возлюбленного встретившей, как в сказке.
Какие кисти, ах, какие краски
Живописать могли бы этот вид,
Где все смешалось: боль былых обид,
И исчезающая безнадежность,
И радость, и смущение, и стыд
И где растет, все поглощая, нежность?
Освобожденная от козней зла,
Она лишь слезы сладкие лила
В его руках, а рыцарь благородный
От счастья целовал поочередно
То Дюнуа, то деву, то осла.

Прекрасный пол, по окнам и балконам.
Рукоплескал, сочувствуя влюбленным;
Монахи убегали прочь. Вдали
Костра полуразрушенного балки
Имели вид необычайно жалкий.
С его развалин медленно сошли
Красавица и Дюнуа. Он видом
Соперничать бы мог с самим Алкидом

[68 – Алкид – прозвище Геракла, данное ему Дельфийским оракулом и означавшее «совершающий подвиги из-за гонений Геры». По другому варианту древнегреческого мифа Алкид – потомок Алкея, отца Амфитриона, мужа Алкмены (матери Геракла).],
который, победив в стране могил
Тройного пса [69 – Тройной пес – то есть трехглавый пес Цербер, охраняющий вход в подземное царство Аида.], тройную Эвмениду [70 – Тройная Эвменида – три сестры Эвмениды ранее назывались «Эринниями» («неистовыми», «яростными») и были греческими богинями родовой мести, охранительницами материнского права. После того, как богиня Афина уговорила их простить Ореста за

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
убийство матери Клитемнестры, они начали называться Эвменидами («милостивыми»).
Геракл побеждает Эринний (Тизифону, Алекто и Мегеру)],
Алкесту мужу гордо возвратил,
Ревнуя, но не подавая виду.

Была домой в носилках снесена
Красавица. За ней скакали следом
Два рыцаря, привыкшие к победам.
Наутро благородный Дюнуа,
Прекрасную чету застав в кровати,
Сказал: «Мне кажется, здесь лишний я!
Не буду нарушать часы объятий.
Пора мне бросить этот край; меня
Зовут мой повелитель и Иоанна;
Я к ним вернусь. Я знаю, постоянно
Тоскует Дева о своем осле.
Денис, заботливый к родной земле,
Явился мне сегодняшнею ночью.
Поверьте мне, я зрел его воочью.
Божественного зверя он мне дал,
Чтоб дам и королей я защищал:
Теперь он требует меня обратно.
Я Доротее послужил. И мной
Располагает ныне Карл Седьмой.
Вкушайте же плоды любви приятной.
В моей руке нуждается престол.
Не терпит время, ждет меня осел».

«Я на коне последую за вами», –
Любезный Ла Тримуйль сказал в ответ.
И Доротее говорит: «Мой свет,
Я тоже еду – знаете вы сами,
Уж я давно хочу утешить взор,
Увидеть пышный королевский двор,
Агнесу, отличенную владыкой,
Иоанну, славную душой великой.
Вы – мой спаситель, вы – любовь моя,
За вами я последую хоть в битву.
Но на костре, когда читала я
Марии-деве тайную молитву,
Я ей дала торжественный обет
Паломницей отправиться в Лорет,
Коль уцелею случаем чудесным.
Святая дева, услышав меня,
Вас ниспослала на осле небесном,
И спасена была я из огня.
Я вновь живу: обет свершить должна я,
А то меня накажет пресвятая».

«Мне по сердцу такая речь, – в ответ
Ей молвил добрый Ла Триймуль. – Обет,
По-моему, свершить необходимо.
Позвольте вас сопровождать. Лорет
давно уж ждет меня как пилигрима.
Летите, благородный Дюнуа,
Полями звездными к стенам Блуа.
Нагоним мы чрез месяц вас, не боле.
А вы, сударыня, господней воле
Покорная, направьте путь в Лорет.
Достойный вас даю и я обет:
Доказывать везде, во всяком месте,
Кому угодно, шпагой и копьем,
Что вы пример являете во всем
Любой замужней и любой невесте,
Как высший образ красоты и чести».
Она зарделась. Между тем осел
Ногою топнул, крыльями повел
И, быстро исчезая с небосклона,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Мчит Дюнуа туда, где плещет Рона.

Цель Ла Тримуйля – славная Анкона;
Идет он с дамой, с посохом в руках
И в страннической шляпе. Божий страх
Их речи наполняет, взоры кротки,
Висят на их широких поясах
Жемчужные и золотые четки.
Перебирал их часто паладин,
Читая тихо «Ave». Доротея
Молилась тоже, глаз поднять не смея,
И «я люблю вас» был припев один
Молитв, несущихся среди равнин.
Они проходят Парму и Модену,
Идут в Урбино, видят и Чезену,
Открыт им всюду ряд прекрасных зал,
Их чествует то князь, то кардинал.
Наш паладин, день ото дня вернее,
Свершая благородный свой обет,
Везде твердил, что в целом мире нет
Прекрасней женщины, чем Доротея,
И, прекословить рыцарю не смея,
Никто не спорил: вежливость всегда
Поддерживали эти господа.

Но наконец на берегах Музоны,
Близ Реканати, в округе Анконы,
Блеснул вдруг пилигримам, как звезда,
Хранимый небом дом святой мадонны,
Обитель благодати и труда;
Корсаров эти стены отразили,
И некогда их ангелы носили
По беспредельным облачным полям,
Как бы корабль, плывущий по волнам.
В Лорето ангелы остановились,
И там же стены сами водрузились.
Все, что искусства составляет честь
И что великолепно в нем есть,
Наместники небес, владыки света,
Чтоб отличить святое место это,
Рассыпались здесь в щедрости своей.
Любовники спешат, сойдя с коней,
Колена преклонить в священном страхе
И сделать вклад. От них берут монахи
Дары на украшение церквей,
И пилигримов наших благосклонно
Устами их благодарит мадонна.

Любовников в харчевне ждет обед.
Был за столом ближайший их сосед
Какой-то англичанин, злой, надменный,
Приехавший сюда издалека
И втайне насмехавшийся слегка
Над этою обителью священной.
Британец истинный, не знал он сам,
Зачем скитается. Платил он вдвое,
Как за антики, за поддельный хлам
И презирал святых и все святое.
Он в жизни признавал одну лишь цель –
Вредить французам; звался – д'Арондель.
Теперь он путешествовал, скучая.
Любовница была с ним молодая,
В дороге развлекавшая его,
Еще надменной друга своего,
Еще заносчивей, еще грубее,
Но хороша и телом и лицом,
Прелестна ночью, нестерпима днем,
Порывиста в кровати, за столом, –

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Во всем она несхожа с Доротеей.
Барон прекрасный, гордость Пуату,
Сначала ограничился приветом,
Затем упомянул про местность ту,
Потом сказал о том, как он обетом
Себя связал, тому немного дней,
Доказывать везде, пред целым светом,
Достоинства любовницы своей,
А после заявил британцу прямо:
«Я верю, благородна ваша дама;
Она прекрасна и притом скромпа
И, хоть молчит все время, несомненно,
Блистательным умом одарена.
Но Доротея с нею несравненна.
Признайте это; я отдать готов
Второе место ей без дальних слов».
Британец гордый, с ним сидевший рядом,
Тримуиля смерил леденящим взглядом
И вымолвил: «Поймете вы иль нет,
Что безразличны мне и ваш обет,
И то, что ваша милая подруга
Из знатного или простого круга?
Пусть каждый удовольствуется тем,
Что он имеет, не хвалясь ничем.
Но так как вы, столь дерзко и столь ложно,
Предположили, что хоть раз возможно
Перед британцем первенство занять,
Я должен вам сейчас же доказать,
Что нас, британцев, и в подобном деле
Затмить еще французы не успели
И что моя любовница лицом,
Плечами, грудью, крупом, животом
И даже, я сказал бы, чувством чести,
Конечно, вашей не чета невесте.
А мой король (хоть толку мало в нем)
Прикончит вашего одним щелчком,
С его мясистой героиней вместе».
«Ну, что же! – Ла Тримуиль ответил, встав. –
Идем, узнаем, кто из нас не прав.
Мне кажется, я защитит сумею
Французов, короля и Доротею.
Но я намерен, как заведено,
Вам предоставить выбрать род дуэли,
Верхом иль на ногах – мне все равно,
Исполню все, чего б вы не хотели».
«Нет, на ногах! – ответил грубый бритт. –
Не думаю коню предоставлять я
Плоды и труд подобного занятия,
И к черту все – нагрудник, панцирь, щит!
Не признаю их даже на войне я.
Сегодня жарко, и удобней нам
Сражаться голыми за наших дам:
Наш поединок будет им виднее».
«Извольте, сударь! Как угодно вам!» –
Француз любезно молвил. Доротея,
От страха за любовника бледнея,
Была в душе, однако, польщена,
Что возбудила этот спор – она;
Но страшно ей, как бы суровый бритт
Не проколол Тримуиля милой кожи,
Которую тайком и не без дрожи
Она слезами нежными кропит.
А д'Арондель был занят англичанкой.
Всегда спокойна, с гордою осанкой,
Вовек не проливала слез она;
Ей нравились тревога и война,
И петушиный бой в ее отчизне
Служил ей главным развлеченьем в жизни.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Она звалась Юдифь де Розамор,
Цвет Кембриджа, честь Бристольских контор.

Вот ваши доблестные паладины
Готовы к бою посреди равнины,
Обрадованы оба, что пришел
Час битвы за красавиц и престол.
Подняв высоко головы, всем телом
Вполоборота встав движеньем смелым,
Врагу не уступая ни на шаг,
Они скрестили сталь блестящих шпаг.
Не наслажденье ль наблюдать за ними,
Их взмахи различая, их прыжки,
Следить за их движеньями крутыми,
За тем, как сыплют искры их клинки!
Так созерцал в восторге иногда я
На юге где-нибудь, под ясным Псом,
Весь горизонт, от края и до края
Горящий ослепительным огнем:
За молнией другая чередом.

Пуатевинцу удалось, не целя,
Царапнуть подбородок д'Аронделя,
И тотчас же он прыгает назад
И ждет атаки. Англичанин гордый,
На забияку бросив гневный взгляд,
Ему наносит вдруг рукою твердой
Удар в бедро; и, нежное, оно
Горячей кровью вмиг обагрено.

Они, в пылу воинственной забавы,
Желали умереть во имя славы
Своих любезных, чтоб узнать скорей,
Которая прекрасней и милей;
Но в это время путь держал в обитель
Земель его святейшества грабитель,
Искавший отпущения грехов.
Носил разбойник имя Мартингера,
На преступленье был всегда готов,
Но в нем горела истинная вера,
И, в покаянье не жалея сил,
Быть начисто прощенным он любил.
Он на лугу заметил двух красоток,
Перебиравших крупный жемчуг четок,
Их лошадей, их вьюченных ослов;
Увидел их – и с ними был таков.
Он англичанку вместе с Доротеей
Захватывает, их добро берет
И исчезает, молнии быстрее.

А поединок между тем идет.
Бойцы сражаются, тверды, упрямы,
За честь французской и британской дамы.
Наш добрый Ла Тримуйль заметил вдруг
Любовницы своей исчезновенье.
Он быстро озирается вокруг:
Его оруженосец через луг
Куда-то убегает в отдаленье.
Британец тоже замер и стоит.
Окаменев, они не знали сами.
Что предпринять, и хлопают глазами
Друг против друга. «О! – воскликнул бритт, –
Нас обокрали, бог меня простит!
Сражаясь, мы покрылись только срамом;
Бежим скорей на помощь нашим дамам,
Сперва освободим их, а потом
Единоборство наново начнем».
Наш Ла Тримуйль сошелся с ним во мненье,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
И, как друзья, идут они в смущенье
На поиски. Но, сделав два шага,
Один кричит: «Ах, шея! Ах, нога!»
Другой за лоб хватается рукою;
И, не имея более в груди
Огня, необходимого герою,
Когда готовится он храбро к бою,
Оставив пыл и ярость позади,
Едва дыша, не в силах двигать ноги,
Они упали посреди дороги,
И кровь их заалела на песке.
Оруженосцы были вдалеке,
Идя по следу дерзостного вора.
Герои же, без денег, без призора
И без одежд, покинуты, одни,
Считали, что окончены их дни.
Куда-то проходившая старуха,
Увидев их, лежащих на пути,
И христианского исполняя духа,
В свой дом их приказала отнести,
Дала лекарства, привела в сознание
И в прежнее вернула состояние.

Старуху эту все в округе той
Считали мудрой, чуть ли не святой:
В окрестностях Анконы мы б едва ли
Кого-нибудь почтенней увидали,
В ком явственней была бы благодать.
Не стоило труда ей предсказать
И засуху, и дождевую влагу,
Она больных умела врачевать
И обращала грешников ко благу.

Герои наши, ей поведав все,
Совета испросили у нее.
Задумалась старуха, помолчала,
Открыла рот и наконец сказала:
«Бог милостив! Любите дам своих,
Но дайте мне навеки обещанье
Не убивать себя во имя их.
Узнать суровейшие испытанья
Подругам вашим ныне пробил час;
Поверьте, я жалею их и вас.
Скорей оденьтесь, на коней садитесь,
Смотрите же, в пути не заблудитесь;
Мне богом вам поручено сказать:
«Чтоб их найти, вам надо их искать»».

Был восхищен столь бодрыми словами
Наш Ла Тримуйль, а бритт, пожав плечами,
Задумчиво сказал: «Я верю вам.
Мы тотчас же поедем по следам
Разбойника. Но только для погони
Нужны вооруженье, платье, кони».
Она в ответ: «Все это вам дадут».
По счастью, некий очутился тут
Потомок Исааков и Иуд,
Обрезанного люда украшение,
Всегда готовый сделать одолжение.
Израильтянин, видя случай их,
Деньгами их ссудил, как все евреи,
И, как велось еще при Моисее,
Из сорока процентов годовых;
Нажитой этим способом полушкой
Он поделился со святой старушкой.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Как Ла Тримуйль и д'Арондель нашли своих возлюбленных в Провансе и о странном случае, происшедшем на Благоуханной горе

Два рыцаря отважных, после боя,
Будь то на шпагах или же верхом.
С мечом в руке или стальным копьем,
В доспехах или голые, – героя
Охотно признают один в другом
И воздают хвалу с сердечным жаром
Бесстрашию врага, его ударам,
В особенности, если гнев утих.
Но если, после поединка, их
Прискорбная случайность посещает
И общая невзгода у двоих,
Тогда нечастье их объединяет.
Печальная судьба – их дружбы мать –
Толкает братьями героев стать.
Случилось так и здесь: таким союзом
Себя связали хмурый бритт с французом.
Природа д'Аронделя создала
С душой, не знающей добра и зла.
Но даже это грубое создание
К Тримуйлю ощутило состраданье;
А тот, внезапной дружбой увлечен,
Осуществлял природное стремленье:
Имел чувствительное сердце он.
«Какое, – он промолвил, – утешенье
Вниманьем вашим мне даете вы!
Я Доротеею потерял, увы!
Но отыскать ее следы, быть может,
Освободить ее, вернуть назад
Мне ваша мощная рука поможет.
Меня ж опасности не устрашат,
Чтоб вам добыть Юдифь, мой милый брат».

Два новых друга, движимые страстью,
Отправились на поиски. К несчастью,
Им на Ливорно указали путь.
А Мартингер меж тем решил свернуть
Как раз долиной противоположной.
Пока неслись они дорогой ложной,
Успел он без препятствий и легко
Увлечь свою добычу далеко.
Уводит пленниц он, немых от горя,
В пустынный замок свой на берег моря,
Меж Римом и Газтой, мрачный склеп,
Ужасный, отвратительный вертеп,
Где алчность, хитрость и обжорство,
Заносчивость хмельная, им под стать,
Кровавых распрей и насилий мать,
Неудержимость гнусного разгула,
В котором нежность и любовь уснула,
Все, все соединилось, чтобы дать
Образчик верный нравов человека,
Который не стеснен ни в чем от века.
О чудное подобие творца,
Так, значит, вот ты какво с лица!

Достигнув замка своего, мерзавец
За стол садится между двух красавиц.
Не соблюдая правил никаких,
Он обжирается и пьет за них,
Затем им задает вопрос: «А кстати,
кто будет эту ночь со мной в кровати?
Все женщины равно годятся мне:
Худа, толста, испанка, англичанка,
Магометанка или христианка –
Различья их я утоплю в вине!»
От этих слов бессовестных краснея,
Рыданий не сдержала Доротея,
И бурно облака ее очей
Льют слезы на точеный носик ей,
На подбородок с ямкой небольшою,
Что сам Амур ваял своей рукою;
Ей скорбь и гибель чудятся кругом.
Британка же задумалась, потом
На дерзостного вора поглядела
И улыбнулась холодно и смело:
«Признаюсь, я была б совсем не прочь
Добычей вашей стать на эту ночь,
На что способна, доказав на деле,
Дочь Англии с разбойником в постели».
На эту речь достойный Мартингер
Сказал, уж будучи немного пьяным:
«В делах любви – британки всем пример», –
И снова пьет стакан он за стаканом,
Ее целует, ест и снова пьет,
Ругается, смеется и поет.
Рукою дерзкой – я сказать чуть смею –
Он треплет то Юдифь, то Доротею.
Та плачет; эта, виду не подав,
Не покраснев, ни слова не сказав,
Все позволяет грубому созданью.
Но наконец окончен пир, и вот,
Пошатываясь и с невнятной бранью,
Разбойник наш из-за стола встает,
Сверкнув глазами, к выходу идет
И, Бахусу воздав даров без меры,
Готовится на празднество Венеры.

Британке Доротея, вся в слезах,
Тогда испуганно сказала: «Ах,
Ужель разделите вы с вором ложе?
Ужель разбойник заслужил, о боже,
Чтоб наслажденье дали вы ему?»
«Нет, я готовлюсь вовсе не к тому, –
Утешила подруга Доротею, –
И постоять за честь свою сумею:
Я рыцарю любимому верна.
Бог наградил, как знаете вы сами,
Меня двумя могучими руками;
Недаром я Юдифью названа.
Умерьте же напрасную тревогу,
Побудьте здесь и помолитесь богу».
Она идет, окончив эту речь,
В постель хозяина спокойно лечь.
Завесой сумрачной ночная дрема
Укрыла стены проклятого дома.
Разбойники толпою, охмелев,
Ушли проспать, кто в сарай, кто в хлев,
И в этот миг, дышать почти не смея,
Совсем одна осталась Доротея.

Был Мартингер необычайно пьян.
Не говоря, не поднимая взгляда,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Расслабленный парами винограда,
Усталую рукой он обнял стан
Красавицы. Но все же, без сомненья,
Он жаждал сна сильнее, чем наслажденья.
Юдифь, в коварной нежности своей,
Его заманивает в глубь сетей,
Что смерть ему коварно расставляет,
И вскоре обессиленный злодей
Зевает тяжело и засыпает.

У Мартингера был над головой
Повешен, по привычке, меч стальной.
Британка тотчас же его хватает,
Аода, Иаиль припоминает,
Юдифь, Дебору, Симона-Петра,
От чьей руки ушам не ждать добра
И подвиг чей затмится все же ею.
Затем, спокойно наклонясь к злодею,
Приподнимает медленно она
Тяжелую, как камень, от вина
Хмельную голову. Нащупав шею,
Она с размаху опускает меч
И сносит голову с широких плеч.
Вином и кровью залиты простыни;
У нашей благородной героини
На лбу, как и на теле, места нет,
Где не виднелся бы кровавый след.
Тут прыгает с кровати амазонка
И убегает с головой в руках
К своей подруге, для которой страх
Был нестерпимее, чем для ребенка;
И, плача, Доротея говорит:
«О, господи! Какой ужасный вид!
Какой поступок и какая смелость!
Бежим, бежим! Займется скоро свет,
И опасаясь я за нашу целость!»
«Прошу вас, тише, – Розамор в ответ, –
Еще не все окончено, не скрою,
Ободритесь и следуйте за мною».
Но бодрости у Доротеи нет.

А их любовники далеко были,
Искали их и все не находили.
Уже и в Геную они пришли
И собираются пуститься в море
И ждать вестей хоть на морском просторе
О тех, чей милый след исчез с земли,
Их в нестерпимое повергнув горе.
Уносят волны их то к берегам,
Где, христиан усердных ободряя,
Отец святейший наш, на страх врагам,
Смирненно бережет ключи от рая,
То ко дворцам Венеции златой,
Где правит муж Тефии – дож седой,
Или к Неаполю, к долинам лилий,
Где рядом с Санназаром спит Вергилий.
Несут их боги резвые ветров
По темно-голубым хребтам валов
К столь знаменитой в древности пучине,
Где обитала прежде смерть, а ныне
Невозмутимо ровных волн покой
Не помнит больше о Харибде злой
И где не слышен больше рев унылый
Псов, помыкаемых жестокой Сциллой,
Где, не кичась уже былою силой,
Под Этною гиганты мирно спят:
Так землю изменил столетий ряд!
Они проходят через Сиракузы,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Приветствуют источник Аретузы
И заросли густые тростника,
Но где, увы, подземная река?
И море вновь, и вновь видений смена:
Край Августина, берег Карфагена,
Безмерно пышный прежде, а теперь
Обитель зла, где мусульманин-зверь
Объят пороком, жадностью и тьмою.
И наконец, ведомые судьбою,
Причаливают к Франции они.

Там, утопая в сладостной тени,
Стоят Марсея древние строенья,
Подарок вымершего поколенья.
О гордый град, где жил свободный грек,
Ты прошлого не возвратишь вовек!
Но быть под власть французских лилий,
Как знают все, прекраснее стократ.
К тому ж твои окрестности укрыли
Благословенный и целебный клад.
Мария-Магдалина, по преданьям,
Служа Амуру в юности своей,
Потом исправилась и с содроганьем
Оплакивала жизнь минувших дней.
Ей сделалась постылой Палестина,
Она ушла во Францию и там
В ущелий, на скалах Максимиана
Жестоко бичевалась по ночам.
И вся округа с той поры, по слухам,
Наполнена волшебным, чудным духом.
К священным тем камням спешат припасть
Паломники, которых мучит страсть,
Которых тяготит Амура власть.

Предание гласит, что Магдалина,
Уже готовясь к смерти, как-то раз
Просила милости у Максимиана:
«О, если некогда наступит час,
Что на мою скалу, к моей пещере
Любовники придут служить Венере,
Пусть тотчас же погаснет пламень их,
Пусть станет стыдно им страстей своих
И пусть лишь горестное отвращенье
Заменит их любовь и их волненье!»
Благочестивый старец внял словам,
Что молвила бывалая святая,
И с этих пор, ту местность посещая,
Мы ненавидим самых милых нам.

Сначала ознакомившись с Марселем
И чудесам его воздав хвалу,
Наш Ла Тримуйль с суровым д'Аронделем
Отправились на дивную скалу,
Которую зовут Благоуханной
И чье могущество, на гибель злу,
Монахи прославляют неустанно.
Влечет француза набожность туда,
Британца ж – любопытство, как всегда.
Взойдя наверх, на каменных ступенях
Они увидели перед собой
Толпу людей, стоящих на коленях.
Две путницы там были. У одной
Струились слезы, жалость вызывая;
Была надменна и горда другая.

О, встреча сладостная! Чудный час!
Они своих любовниц отыскивали!
Они от них не отрывают глаз

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
В том месте покаянья и печали.
Юдифь рассказывает в двух словах,
Как за позор и пережитый страх
Ее рука разбойнику отомстила.
Она в опасности не позабыла
Кошель, набитый туго, захватить,
Решив разумно, что не может быть
Он нужен Мартингеру в преисподней.
Затем, добравшись, с помощью господней,
Со смертоносной саблею в руках,
До выхода из замка, впопыхах
Они с подругой побежали к морю
И сели на корабль какой-то вскоре;
Без торгу капитану заплатив
И тотчас же оставивши залив,
Они помчались по Тирренским волнам,
И небо, вняв моленьям их безмолвным,
Свело счастливиц с рыцарями их
Под дивной сенью этих скал святых.

О, чудо! О, волшебное явление!
Рассказ Юдифи в силах вызвать был
В ее любовнике лишь отвращенье.
О, небо! Что за злобное презренье
В его душе сменило прежний пыл!
Юдифи он не менее претил.
А Ла Тримуйль, в чьем сердце Доротея
Жила одна, соперниц не имея,
Ее находит вдруг совсем дурной
И к ней повертывается спиной.
Красавица была не в силах тоже
На рыцаря взглянуть без мелкой дрожи;
И лишь высоко, в роще неземной,
Спокойно радовалась Магдалина,
Что этим чудесам – она причина.
Увы! Была обманута она;
Ей, правда, обещали все святые
На нескончаемые времена,
Что на ее скале, как в чарах сна,
Влюбленные разлюбят; но Мария
Забыв попросить, чтоб, исцелясь
От чувства прежнего, в другую связь
Любовники вступить не пожелали.
Предвидел то и Максимин едва ли.
Поэтому тотчас же обняла
Юдифь Тримуйля, не храня приличий,
И Доротея сладостной добычей
Британцу восхищенному была.
Аббат Тритем считал, что, без сомненья,
Мария улыбалась с облаков,
Подобные увидев измененья.
Я оправдать ее вполне готов.
Нам добродетель нравится; но все же
И к прежнему занятию тянет тоже.
Едва спустились вниз со скал святых
Герои и красавицы, как сразу
К ним возвратился прежний разум их.
Вам ведомо по моему рассказу,
Что чары действуют лишь в месте том.
Тримуйль, припоминая со стыдом,
Как он возненавидел Доротею,
Ей целовал лицо, и грудь, и шею,
И никогда, казалось, ни верней,
Ни более покорным не был ей;
Она ж от слез не находя покоя,
В объятьях дорогого ей героя
Ему дарила прежнюю любовь.
Юдифь вернулась к д'Аронделю вновь,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Не гневаясь и не гордясь нимало,
И снова все, как было раньше, стало;
И даже Магдалина без труда
Грехи им отпустила навсегда.

Француз отважный и герой британский,
К себе на седла милых посадив,
Отправились дорогой Орлеанской;
Один и тот же дышит в них порыв:
За родину помериться с врагами.
Но, как вы понимаете и сами,
Они остались добрыми друзьями,
И ни красавицы, ни короли
Меж ними распрей вызвать ее могли.

Конец песни девятой

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Агнеса Сорель, преследуемая духовником Жана Шандоса. Сетования ее любовника и пр. Что случилось с прекрасной Агнесой в некоем монастыре

Как! Предисловье делать всякий раз
Ко всякой песни! Мне мораль постыла;
Бесхитростно поведанный рассказ
О том, что истинно происходило,
Спокойный, без затейливых прикрас,
Не блещущий ни юмором, ни сметкой,
Вот чем цензуру можно сделать кроткой.
Итак, читатель, приглашаю вас
Отправиться своей дорогой прямо.
Ведь главное картина, а не рама.

Карл набожный, придя под Орлеан,
Одушевлял бойцов отважных стан,
В них жар любви к отчизне разжигая,
И все рвались вперед, ему внимая.
Он проповедовал им бранный пыл,
И вид его надменно-весел был,
Но в глубине души, увы, вздыхал он,
Своей возлюбленной не забывал он.
Ведь то, что он ее покинуть мог,
Расстаться с нею хоть на краткий срок,
Конечно, было доблестью большою:
Простившись с ней, простился он с душою.
Вернувшись восвояси и смилив
Воинственной отваги опьяненье,
Он испытал старинных чувств прилив,
Любви благословенное мученье.
Амур на смену демону побед
Летит, и с ним бороться силы нет.
Король, прослушавший не без досады
Придворных бестолковые доклады,
Спешит уединиться в свой покой
И пишет там дрожащею рукой
Письмо любви, обеты постоянства.
Слезами было залито оно:
Чтоб осушить их, не было Бонно.
Один осел, из мелкого дворянства,

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org

Был отвезти записку снаряжен.
Прошло не больше часа и, о горе,
С запискою обратно скачет он.
Король встревоженный, с тоской во взоре:
«Как! Ты вернулся? – задает вопрос. –
Мое письмо? Его ты не отвез?»
«Мужайтесь, государь! Страшна утрата!
Ах! Все погибло: в плен Агнеса взята
Увы! Иоанны тоже след пропал».

Услыша это грубое признание,
Король упал немедля без сознания,
И только для того он снова встал,
Чтоб до конца испить свое страданье,
Кто вынести удар подобный мог,
Тот не любил глубоко, видит бог.
Агнесу Карл любил, и этот случай
Его пронзил тоской и злобой жгучей.
Хоть общею заботой окружен,
Едва не потерял рассудка он;

Его отца свела с ума причина [71 – Его отца свела с ума причина – отец Карла VII, Карл VI (1380 – 1422), за несколько лет до конца своего правления заболел тяжким «ушесным недугом. Начавшаяся ожесточенная борьба за власть отрицательно сказалась на положении Франции.]

Ничтожнее, – он был слабее сына.

«Ах! – вскрикнул Карл. – Я уступить готов
Все рыцарство мое и духовенство,
Иоанну д'Арк, остатки округов [72 – ... Остатки округов – перед снятием осады Орлеана в 1429 г. Карлу VII принадлежали лишь отдельные области Франции, остальная территория была захвачена англичанами.],

Где признают еще мое главенство!
Пускай берут британцы, что хотят,
Но пусть мою любовь мне возвратят!
Монарх злосчастный, где твое блаженство?
Что толку в том, что волосы я рву?
Я потерял ее, я в сердце ранен,
Ах, может быть, пока я смерть зову,
Какой-нибудь бесстыдный англичанин
Овладевает, дерзостен и груб,
Красой, рожденной для французских губ!
Другой лобзанья с уст твоих срывает,
Другому светит твой прекрасный взор,
Рука другого грудь твою ласкает,
Другой... О, небо! О, какой позор!
И в этот миг ужасный, может статься,
Она не думает сопротивляться.

Ах, с темпераментом твоим, дитя,
Ты можешь друга позабыть шутя!»
Король унылый, неизвестность эту
Не в силах вытерпеть, прибег к совету
Астрологов, монахов, колдунов,
Евреев, сорбоннистов, докторов
И всех, кто бродит с книгою по свету.

Он говорит им так: «Без лишних слов,
Скажите, как дела с моей любезной:
По-прежнему ль она в любви верна
И обо мне вздыхает ли она;
Не смеете лгать; таиться бесполезно».

Они советуются, вздор меля,
На всех наречьях, думая о плате:
Тот изучает руку короля,
Тот чертит треугольники в квадрате,
Один следит Меркурия полет,
Другой псалмы Давида достает,
Твердит «аминь», и шепчет, и поет,
Иной, чертя круги, взывает к бесу,
А тот в стакане изучает дно,
Как было в древности заведено,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Чтоб приподнять грядущего завесу.
Устав потеть, шептать и колдовать,
Они свидетельствуют громогласно,
Что добрый Карл спокойно может спать:
С Агнесою все обстоит прекрасно,
Монарху своему она верна,
И что благоприятствуют влюбленным
Все силы неба, звезды и луна.
Извольте верить господам ученым!

Шандоса беспощадный духовник
Использовал благоприятный миг,
И, несмотря на слезы, стоны, крик,
Он овладел Агнесою грубой силой.
Он счастье неполное постиг,
Слепую страсть одну, без ласки милой,
Союз без нежности, союз унылый,
Которого любовь не признает.
Взаимность сладкая – всего дороже!
Скажите мне, на самом деле, кто же
Приятно время проводил на ложе
С любовницей, что горько слезы льет,
Царапается, губы не дает?
Но этого монах не понимает,
Он лошадь непокорную стегает,
Нимало не заботясь, каково
Красавице в объятьях у него.

Влюбленный по уши в свою подругу
Паж, побежавший в город поживей,
Чтоб оказать избраннице своей
Достойную заботу и услугу,
Спешит домой. Ах, что он увидал!
Пред ним монах, сей изверг беспощадный,
Сей похотливец, мерзостный и жадный,
Как зверь, свою добычу пожирал.
При этом виде паж, кипя отвагой,
Напал на сволочь с обнаженной шпагой.
Тогда монаха нечестивый пыл
Самозащите место уступил.
Вскочив с кровати, палку он схватил
И на Монроза опустил с размаха.
Сцепились два отважные бойца,
И запылали яростно сердца,
Пажа – любовью, злобою – монаха.

Счастливы, чей удел – спокойный труд,
Далеких сел благочестивый люд,
Привыкли наблюдать вблизи дубравы,
Как волк жестокий с мордою кровавой
Зубами шерсть овцы несчастной рвет
И кровь своей невинной жертвы пьет.
А если добрый пес с зубастой пастью,
Сочувствующий ближнего несчастью,
Летит к нему стрелой – свирепый волк,
Клыками издавая страшный щелк,
Овечку полумертвую бросает
Лежать беспомощно в траве густой,
Спешит к собаке, рвет ее, кусает
И с недругом вступает в страшный бой;
Израненный, он злобою пылает,
Рычит и брызжет пеной и слюной;
И всю силой своего сердечка
Трепещет за спасителя овечка.
Здесь было то же самое: монах
Рассвирепевший, с палкою в руках,
Дрался с Монрозом, полон зла и яда;
И тут же – победителю награда –

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Агнеса на измятых простынях.

Хозяин и хозяйка, дети, слуги,
Услышав шум, бросаются в испуге
Наверх. Они бегут со всех сторон
И гнусного монаха тащат вон.
Все за пажа, все против негодяя,
Всем по душе отвага молодая.
Итак, Монроз свободен и спасен;
С красавицей вдвоем остался он.
Его соперник, дерзок, хоть сражен,
Отправился служить святую мессу.

Но как утешить бедную Агнесу?
В отчаянье, что увидал Монроз
Ее красы в столь недостойном виде,
При мысли о позоре, об обиде,
Красавица лила потоки слез.
Стыдом терзаемая, только смерти
Она желала в этот миг, поверьте,
И повторяла лишь одно: «Увы,
Я вас прошу, меня убейте вы!»
«Как? Вас убить? – вскричал Монроз, не в силе
Сдержать волненья нежного. – Убить!
Да если б даже вы и согрешили,
Вы жить должны, чтоб грех ваш искупить.
Подумайте, зачем вам жизнь губить.
Вы злого ничего не совершили,
Агнеса, дорогое божество!
Все это грех монаха одного!»
Хоть речь его была не слишком ясной,
Зато огонь его влюбленных глаз
Внушил желанье грешнице прекрасной
Земную жизнь не прерывать тотчас.

Пришла пора обедать. А печали
(По опыту я это знаю, ах!)
От века жалким смертным не мешали,
Страдая, объедаться на пирах.
Вот почему великие поэты,
Добрjak Вергилий и болтун Гомер,
Которых с детства ставят нам в пример,
Не упускают случай про банкеты
Поговорить среди военных гроз
Итак, друзья, Агнеса и Монроз
Обедать сели у кровати рядом.
Сперва в стыдливой скромности своей
Они не подымали и очей,
Затем, случайным обменявшись взглядом,
Оправились и стали посмелей.

Известно каждому, что в цвете лет,
Когда нет меры нашему здоровью,
Недурно приготовленный обед
Воспламеняет страсть. Горячей кровью
Пылает сердце, полное любовью,
И мозг бутылкою вина согрет.
Мы чувствуем приятное томленье,
Ах, плоть слаба и сильно искушенье.

Монроз влюбленный далее не мог
Бороться с дьяволом в тот миг опасный;
Упал он на колени и у ног
Красавицы молил: «Кумир прекрасный,
О, сжальтесь над моей любовью страстной,
Не то умру я тотчас, видит бог!
Вы не лишите страсть награды милой,
Которую злодей похитил силой!

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org

Он преступленьем счастлив был. Увы,
Ужель не наградите верность вы?
Она взывает! Иль вы так черствы?»
Был довод недурен, скажу без лести;
Красавица признала вес его,
Но не сдалась сейчас же оттого,
Что наслажденье с соблюденьем чести
Для сердца нежного милей всего,
И легкое в любви сопротивленье
Лишь подливает масло в упоенье.
Но наконец Монроз счастливый, ах,
Был утвержден в приятнейших правах,
Войдя в благословенный рай влюбленных.
Что слава Генриха пред этим? Прах!
Да, королей свергал он побежденных.
Да, Франция сдалась ему, дрожа,
Однако сладостней судьба пажа.
Но как обманчиво земное счастье!
Как быстро рвется наслажденья нить!
От чистого потока сладострастья
Прекрасный паж едва успел вкусить,
Как вдруг отряд британцев подъезжает,
Идет наверх, стучится, дверь ломает.
Монах проклятый, ты, не кто иной,
Так подшутил над нашею четой.
Агнеса чувств лишилась от испуга;
Хватают бритты и ее и друга;
Обоих их к Шандосу поведут.
К чему присудит их ужасный суд?
Увы! Любовникам придется туго;
По опыту уже известно им,
Что Жан Шандос бывает очень злым.
В глазах у них невольное смущенье,
А на душе тревога и волненье,
Но щеки вспыхивают ярче роз
При мысли о недавнем наслажденье.
Ах, что их ждет? Как встретит их Шандос?
На счастье их, случилось, что в тумане
Дорогою ошиблись англичане,
И показалось вдруг до двадцати
Французских рыцарей на их пути,
Которым об Агнесе и Иоанне
Приказ был всюду справки навести.

Когда сойдутся носом против носа
Два петуха, любовника, барбоса,
Иль узрит янсенист издалека
Лойолы бритого ученика,
Или, ультрамонтанца[73 - Ультрамонтанец – французский католик,
считавший власть папы римского высшей и единственной.] вдруг завидя,
Дитя Кальвина смотрит, ненавидя,
Сейчас же начинается игра
Когтей иль копий, клюва иль пера.
Так точно даром время не теряют
Французы и отважною гурьбой,
Как соколы, на бриттов нападают,
А те, конечно, принимают бой;
Удары сыплются, мечи сверкают.
Кобыла, что красавицу везла,
Подобно всаднице, резва была;
Она в пути вертелась и лягала,
Прекрасную наездницу трясла;
И вдруг как закусил удила:
Ее ночная схватка испугала.
Агнеса хочет слабою рукой
Ее сдержать, но та галопом мчится.
Напрасный труд! С неведомой судьбой
Красавице придется помириться.

В разгаре боя не видал Монроз,
Куда Агнесу резвый конь унес.
Летит она, как ветер, в туче пыли
Без отдыха уже четыре мили.
Но утомился конь и свой полет
У монастырских задержал ворот.
Кругом монастыря был лес тенистый;
Река, блиставшая волною чистой,
То медленно, то быстро, как стрела,
Невдалеке извиристо текла.
Поодаль холм зеленый возвышался;
Он каждой осенью обогащался
Дарами сладкими, что дал нам Ной,
Когда, покинув свой сундук большой,
Предотвратил народов истребленье
И выдумал вина приготвленье,
За дни потопа утомлен водой.
Кругом Помона с Флорой [74 – Полона с Флорой – Помона, по римской
мифологии, богиня плодов; Флора – богиня цветов и садов, весны и молодости.]
молодой

Разлили всюду нежную усладу,
Блаженство обонянью, радость взгляду.
Рай прародителей едва ли цвел
Роскошнее, чем этот тихий дол;
И не было еще полей на свете
Прекрасней, чище, сладостней, чем эти.
Вдыхая сей целительный эфир,
Сердца смятенные позабывали
Свои обиды, муки и печали,
И роскошь городов, и целый мир.

Вздохнув, взглянула нежная Агнеса
На монастырь, белевший в чаще леса,
На холм зеленый, реку, неба ширь.
То был, читатель, женский монастырь.
«Ах, наконец-то, – так она сказала, –
Мне божия десница указала
Молитвы и невинности приют.
Увы! Должно быть, воля провиденья
Меня сюда послала, чтобы тут
Оплакала свои я прегрешенья:
Здесь чистые затворницы живут,
Не ведая мирского заблужденья,
А я известна до сих пор была
Лишь тем, что жизнь распутную вела».
Агнеса, громко говоря все это,
Заметила над воротами крест.
Пред символом спасенья дольних мест
Она склонилась, верою согрета,
И, чувствуя раскаянье в крови,
Покаяться в грехах решила честно;
Прийти нетрудно к вере от любви:
То и другое – сладость, как известно.
Игуменья отправилась в Блуа
Два дня назад (возможность представлялась
Поправить монастырские дела),
А здесь ее наместницей осталась
Сестра Безонь. Ей все повиновалось.
Она, Агнесу увидав, велит
Открыть ворота, ласково встречает
Несчастную. «Войдите, – говорит, –
Какой благой святитель посылает
Нам эту гостью? Дивной красотой
Блестаете вы, взоры удивляя.
Скажите, вы не ангел, не святая,
Которую господь нам шлет из рая,
К обители смиренной и простой

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Особенную милость проявляя?»

Агнеса скромно отвечает: «Нет,
я та, которыми наполнен свет,
Опутана греховной паутиной,
И если в рай мне суждено попасть,
То там мне место рядом с Магдалиной.
Судьбы капризной роковая власть,
Господь, а главное – мой конь примчали
Меня сюда в тревоге и печали.
Грешней, чем я, отыщется едва ли;
Но сердцем я не огрубела, нет;
Ища добро, я потеряла след,
Теперь нашла. Благодаренье богу,
который к вам мне указал дорогу».
Ободрила почтенная сестра
Агнесу, каявшуюся так мило,
И, воспевая прелести добра,
Пред нею двери кельи растворила.
Там было чисто и освещено,
Красиво убрано, цветов полно,
Постель мягка и широка. Казалось,
что для любви она предназначалась.
Агнеса радовалась от души,
Узнав, как сладко каяться в тиши.

Пужинав (об этом я ни разу
не умолчу, чтоб не вредить рассказу),
Безонь сказала: «Милая сестра,
уже довольно поздно, спать пора.
Вы знаете – лукавый, без сомненья,
захочет вас ввести во искушение;
но против этого есть верный меч:
нам надо на одной кровати лечь;
тогда нечистый вас не испугает.
увидите, как это помогает».
Агнеса добрый приняла совет:
они легли в постель и гасят свет.
Агнеса, рано радоваться чуду:
судьба тебя преследует повсюду.

Читатель! Я не в силах говорить.
Сестра Безонь... Но пред таким моментом
нельзя молчать! Я должен все открыть!
Сестра Безонь – она была студентом,
в наружности которого слились
и Геркулес, и нежный Адонис.
Лет двадцать он имел, никак не боле,
был свеж, румян, силен и белокур.
Игуменью – увы! – в земной юдоли,
как видите, преследовал Амур.
Сестра-студент в покое и богатстве
довольно весело жила в аббатстве.
Так некогда у Ликомеда жил

Переодетый девушкой Ахилл [75 – Переодетый девушкой Ахилл – по древнегреческому мифу богиня Фетида, мать Ахилла, чтобы спасти его от участия в Троянской войне, где его ожидала смерть, поместила сына среди дочерей скифского царя Ликомеда, переодев в девичье платье. Эту хитрость разгадал Одиссей, предложивший девушкам украшения. Ахилл же выбрал меч.]

И с Деидамией блаженство пил.

Едва в постель успела лечь Агнеса
с монашенкой, как тотчас же нашла,
что перемена к лучшему (повеса
взялся за дело) в той произошла.
Кричать, сопротивляться – мало толку,
когда овца попала в зубы к волку.
Страдать безмолвно, не борясь со злом,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Исходом лучшим было, без сомненья,
Что размышлять! Да в случае таком
И времени-то нет для размышленья.
Когда студент (ведь люди устают)
Прервал на время свой усердный труд,
Прекрасная Агнеса в сокрушенье
Так думала об этом приключенье:
«Увы! не слышит бог мою мольбу,
Как я желала бы остаться честной;
Но трудно спорить с истиной известной,
Что смертному не победить судьбу».

Конец песни десятой

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Англичане оскверняют монастырь. Сражение святого Георгия, патрона Англии, со святым Денисом, патроном Франции

Я расскажу вам без затей напрасных,
Что утром два затворника прекрасных,
Запретной негою утомлены,
Лежали рядом, тесно сплетены,
И видели счастливейшие сны.

Ужасный шум заставил их проснуться.
Кругом сверкают факелы войны,
Смерть торжествует, стоны раздаются,
Повсюду кровь и павшие видны.
То конница британцев оголтелых
Осилила отряд французов смелых.
Французы, оттесненные назад,
С мечами наголо летят по лесу;
Британцы, их преследуя, кричат:
«Умрите иль отдайте нам Агнесу».
Но где она? Кто знает, наконец?
Старик Колен, пастух, седой мудрец,
Сказал им: «Господа, пася овец,
Я видел, как вошла в ворота эти
Красавица, милее всех на свете».
«Агнеса!» – бритты радостно кричат:
«Она в монастыре, сомненья нету,
Идем, друзья!» Безбожным нет запрету;
Перелезают стены, все громят,
И волчья стая – посреди ягнят!
Бегут, предавшись дикому веселью,
Из спальни в спальню и из кельи в келью,
В часовню, в погреб, в монастырский сад.
Бесстыдники хватают что придется!
Сестра Урсула, о сестра Мартон,
В очах у вас смятенье, сердце бьется,
Вы мечетесь – враги со всех сторон,
Бежать хотите, путаетесь в юбке,
Но все напрасно, бедные голубки!
Вы обнимаете алтарь святой,
Слова молитв коверкая с испугу.
Но тщетно обращаетесь с мольбой
Вы к своему небесному супругу.
Господне стадо на его глазах

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Неистовые нечестивцы, ах,
Насилуют на самых алтарях,
Не слушая их крик, их лепет детский.

Я знаю, что иной читатель светский,
Бесстыдный человек, монахинь враг,
Плохой шутник, напыщенный дурак,
Смеяться станет. Головы пустые,
Им все смешно! Но, сестры дорогие,
Вам какво, неопытным таким,
Стыдливым, целомудренным, простым,
Вздыхать и биться, сердцем холодея,
В объятьях беспощадного злодея,
Снося противных поцелуев грязь!
От крови свежепролитой дымясь,
Ответствуя на тихий стон проклятьем,
Они мешают ненависть с объятьем,
Неистовствуют, бога не страшась.
Колючи бороды, свирепы руки,
Дыханье отвратительно смердит,
И жгут тела. Чудовищен их вид,
А ласки причиняют только муки.
В обители святой они совсем
Как демоны, громящие Эдем.

Ликуя, злодеянье с наглым взором
Невинных упивается позором.
Мартон, свершительницей добрых дел,
Барклай неумолимый завладел,
Шипэнк жестокий и Уортон проклятый
Гоняются за кроткою Беатой.
Богохуленья, слезы и огонь.
Вот в суматохе на сестру Безонь
Напали двое, спереди и сзади;
Студент напрасно молит о пощаде:
То вопиющего в пустыне глас.
Настигли хищники в святенном стаде,
Агнеса благородная, и вас,
И вы своей не избежали доли –
Быть грешницей помимо вашей воли.
Начальник святотатцев, рослый бритт,
Бросается к сопернице Харит.
Ему, о дисциплине помня свято,
Агнесу уступают два солдата.

Святое небо и в разгаре бед
Нам иногда ниспосылает свет.
В тот час, когда исчадья Альбиона,
Невиноность попирая и закон,
Творили мерзость посреди Сиона, –
С высот небесных Франции патрон,
Добрjak Денис, насильем возмущен
И ловко за нос проведя святого
Георгия – врага французов злого,
Стремительно из рая мчится вон.
Луча полднего он не седлает
На этот раз для спуска – оттого,
Что тотчас бы заметили его.
Он с богом тайны в договор вступает.
Загадочное это божество
Мошенникам нередко помогает
(И это очень жалко), но порой
Его услуги ищет и герой;
Во храме и дворце – он всюду нужен
И с нежными любовниками дружен.
Дениса в облако он поместил
И незаметно наземь опустил,
Святого окружив глубокой тайной,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
С предосторожностью необычайной.

Денис в Блуа окольным шел путем;
Святителю Иоанна повстречалась,
Которая, на конюхе верхом,
Проселочной дорогой пробиралась,
Моля усердно, чтоб помог творец
Ей отыскать доспехи наконец.
Едва Денис заметил в отдаленье
Свою избранницу, он ей кричит:
«О Девственница, Франции спасенье,
Невинных и монархов крепкий щит,
Иди! Я долее терпеть не в силе.
Иди! И прояви священный гнев.
Иди! Пускай спасительница лилий
Спасет моих благословенных дев.
Вот монастырь! Там зло одолевает: Скорей!»
И Девственница поспешает.
Святой Денис, ей замени слугу,
Погонщика стегают на бегу.

И вот Иоанна посреди военных,
Которые терзают дам почтенных.
Была она без платья. Некий бритт
Ее увидел. Гнусный безобразник
Подумал, что она пришла на праздник.
Ему по вкусу героини вид,
И в наготе, его привлекая взгляды,
Он грубо ищет низменной услады.
Ему ответом был удар меча
В нос! Негодяй упал с лицом багровым,
Ругаясь громко непристойным словом,
Тем, что, довольно коротко звуча,
Таит намек на родственные узы;
Его, к несчастью, любят и французы.

«Остановитесь, нечисти сыны,
Побойтесь бога, дети Сатаны!» –
Кричит сурово этим оголтелым
Иоанна над его кровавым телом.
Но нечестивцы, занятые делом,
Не слушают ее призыва.
Так побеги молодые жрет лошак
И окрика садовников не слышит.
Иоанна, разъяренная вдвойне
При виде их бесстыдства, гневом пышет
И, полная отваги, вся в огне,
Летит бесстрашно от спины к спине,
От ребер к ребрам и от шеи к шее,
Святым копьем разя все горячее.
И тот, который только начинал,
И тот, который вот уже кончал,
Ударом страшным по спине, по ляжке,
Повержен – всякий на своей монашке;
И, похотью еще напоены,
Летят их души в лапы Сатаны.

Один Уортон, злодей, могучий телом,
Покончивший всех раньше с гнусным делом,
Жестокий воин, Исаак Уортон,
С монашенки вскочил один лишь он;
Схватив оружие и меняя позу,
Иоаннину встречает он угрозу.
Вы наблюдали бой свирепый весь,
Святой Денис, французов покровитель!
Почтительно прошу, не подтвердите ль
То, что Иоанна совершила здесь.
Вскричала удивленная Иоанна:

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org

«О мой Денис, мой дорогой святой,
Вот мой нагрудник и камзол, как странно!
Да ведь на нем и шлем небесный мой!
О, что я вижу! Негодяй проклятый
Тобой подаренные носит латы! »
Все это было верно. Дело в том,
что (вы, читатель, не забыли это)
Агнеса их надела и потом
Была Шандосом вскоре же раздета.
Оруженосец рыцаря Уортон
Теперь был в эти латы облечен.

Иоанна д'Арк! На удивленье миру
Ты занесла десницу из десниц
За честь, за королевскую порфиру
И за невинность сотни голубиц,
Которых твой патрон хранил неважно.
Он молча созерцает, как отважно
Ты собственные латы сгоряча
Разбить готова взмахами меча.
В ужасном подземелье Этны дальней
Вулкана одноглазые друзья
Стучат по искрометной наковальне
Куда слабее, чем рука твоя,
Когда они, сильны, свирепы, дики,
Куют оружие своему владыке.

Надменный бритт, закованный в булат,
Смущенный, отступает шаг назад,
Дивясь тому, как ловко и как метко
Его колотит голая брюнетка.
Обезоружен этой наготой,
Боясь ее коснуться, как святыни,
Он держит меч трепещущей рукой
И только защищается отныне,
Любуясь прелестями героини.

Отсутствие Дениса-добряка
Меж тем святой Георгий замечает;
Он понял тотчас же, что помогает
Французам их патрон исподтишка.
Законною тревогою объятый,
Он озирает горние палаты
И наконец, сомнения гоня,
Велит подать известного коня.
Коня подводят, и, закован в латы,
С копьем в руке, святой во весь опор
Пускается в неведомый простор,
Где сонм шаров светящихся мелькает,
Которые мечтательный Рене [76 – Мечтательный Рене – то есть Рене
Декарт (1596 – 1650), французский философ и математик. До появления теории
всемирного тяготения Ньютона идеи Декарта были наиболее популярны.]

В тончайшем прахе, в вихревой волне
Без усталости вращается заставляет,
Несчетных звезд неистовый циклон,
Где все покорно воле притяженья
Иль, может быть, о фантазер Ньютон,
Полету твоего воображенья.

Разгневанный Георгий на лету
Одолевает эту пустоту
И скачет по святителю следу,
Когда Денис уже трубит победу.
Так ночью зажигает небосвод
Лучами ослепительного света
Внезапно налетевшая комета
И поражает ужасом народ;
Трепещет папа; в горе, поселяне

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Неурожай предчувствуют заране.

Едва святой Георгий вдалеке
Узрел Денисов облик, для примера
Он грозное копье потряс в руке
И произнес, совсем как у Гомера:
«Соперник немощный, Денис, Денис,
Поддержка нечестивцам и смутьянам,
Ты, значит потихоньку сходишь вниз
И пакостишь героям англичанам!
Начертан ход событий на века:
Ни твой осел, ни женская рука
Над ним не властны. Бойся ж, бойся мести
Тебе, Иоанне и французам вместе!
Уже твоя трясучая башка
С убогих плеч однажды отлетела;
Ее вторично отделить от тела
Не постесняется моя рука;
Достойный пастырь воровского края,
Которому ты милости творишь,
Снеси ее еще разок в Париж,
Держа в руках и нежно лобызая».

Ответил, руки к небесам воздев,
Патрон прекрасной Франции смиренно:
«Святой Георгий, мой собрат почтенный!
Ты все еще не позабыл свой гнев?
Давно в раю мы обитаем оба,
А в сердце у тебя все та же злоба.
Как! Мы, которым ото всех почет,
Почиющие в драгоценных раках,
Не сеем мира, а, наоборот,
Проводим время в бесполезных драках?
Зачем упорно хочешь ты войны
Взамен спокойствия и тишины?
Зачем святителей твоей страны
Мутить обитель рая так и тянет?
Безбожники британцы! Есть предел
Долготерпенью. Гром небесный грянет,
И за свершителей ужасных дел
Молить всевышнего никто не станет.
Ужасен будет грешников удел.
Заступник рьяный адовых исчадий,
Святитель желчный, я тебя молю,
Будь кротче! Не мешай мне, бога ради,
Помочь своей стране и королю!»

При этой речи, от волненья красный,
Георгий вспыхнул яростью ужасной;
И, слушая, что говорит француз,
Он всей душою рвется в бой опасный,
Предполагая, что соперник – трус.
Он налетает, взорами сверкая,
Как сокол, пташку встретив на пути.
Денис, благоразумно отступая
И времени напрасно не теряя,
Осла крылатого зовет: «Лети,
Лети сюда, чтоб жизнь мою спасти».
Так говоря, он позабыл, конечно,
Что жизнь его не прекратится вечно.

Осел наш возвращался в этот миг
Из солнечной Италии обратно
(Зачем, куда – читателю понятно).
Дениса доброго услышав крик,
К святителю он быстро подлетает,
С лазурной высоты спускаясь вниз.
Взобравшись на спину ему, Денис

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Булат британца павшего хватает
И, яростно размахивая им,
Вступает в бой с соперником своим.
Георгий, обозленный, наступает
И делает мечом ужасный взмах
Над головой святого. Но сноровка
Не помогла. Тот уклонился ловко,
И голова осталась на плечах.
Вновь всадники несутся друг на друга,
Сверкают лезвия, звенит кольчуга.
Какая мощь, какая красота!
Упоены отвагою своею,
Стараются попасть в забрало, в шею,
В сиянье, в пах и в прочие места.
Оспаривая друг у друга славу,
Они победы отдаляли миг,
Как вдруг неистовый раздался крик:
Осел запел ужасную октаву,
Которая все небо потрясла;
И эхо повторило крик осла.
Георгий побледнел. Денис смысленный,
Использував момент, удар нанес
И отрубает у героя нос.
Обрубок катится, окровавленный.
Хоть нету носа, но отвага есть;
В душе Георгия пылает месть.
С проклятием он бога поминает
И, яростный удваивая пыл,
Заступнику французов отрубает
Тот член, что Петр у Малха отрубил.
Святой осел пронзительно завыл,
И райские чертоги содрогнулись.
Небесные ворота распахнулись;
Блистательный архангел Гавриил,
Своими огнезарными крылами
Спокойно рассекая высоту,
В пространстве показался над бойцами,
Неся в руке лилейной ветку ту,
Что веяла когда-то, зеленея,
В божественной деснице Моисея,
Когда он в море, покидая Нил,
Египетское войско утопил.

«Что я тут вижу? – закричал сердито
Архангел на дерущихся святых. –
Как! Слава аналоеv золотых,
Смиренье, крест – все вами позабыто!
Приличны страсти и огонь войны
Для тех, что женщинами рождены.
Пусть, вечно недовольные собою,
Безумцы смертные, земли сыны,
С мирскою ратоборствуют судьбою.
Но вас зачем сражаться черт понес!
Чего вы меж собой не поделили?
Блаженство ли наскучило вам, или
С ума сошли вы? Боже! Ухо! Нос!
Как вы решились, дети совершенства,
Позабывая вечное блаженство,
Сражаться, крови не щадя своей,
Из-за каких-то жалких королей!
Довольно! Слушаться меня живей,
Иль с раем вам придется распротиться.
Я вам приказываю помириться.
Вы, господин Денис, берите нос
И помолитесь, чтобы он прирос.
Георгий-злюка, ухо подберите
И поскорей на место водворите».
Денис послушный тотчас же спешит

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Исполнить все, что Гавриил велит.
Георгий тоже поднимает ухо
С травы. Соперники бормочут глухо
«Oremus», умильный для слуха.
Все пристаёт прекрасно. Все спешит
Немедленно принять обычный вид.
И нос и ухо прирастают плотно,
От ран не остается и следа:
Настолько тело жирно и добротю
У жительниц небесных, господя!

Тут Гавриил начальническим тоном
«Теперь поцеловаться!» – говорит.
Добряк Денис, не помнящий обид,
Охотно, первый, поцелуй дарит.
Георгий покоряется со стоном,
Клянясь в душе, что после отомстит.
Затем архангел следом за собою
Велит лететь смирившимся святым
В цветущий рай дорогой голубюю,
Где сладостный нектар готовят им.

Вы сомневаетесь, читатель строгий,
В моих словах? Я, право, не солгал.
У стен, что ток Скамандра омывал,
Не раз в боях участвовали боги.
И разве не поведал вам Мильтон
Про ангелов крылатый легион,
Который бился в голубых просторах?
Как щепками, швырял горами он
И применял, что много хуже, порох.
Коль Сатана и Михаил сошлись
Когда-то в небесах, чтоб насмерть биться,
Тем более Георгий и Денис
Могли друг другу в волосы вцепиться.
Но если мир на небесах зацвел,
То человеческий унылый дол
Был, как обычно, преисполнен зол.
Благочестивый Карл к Агнесе милой
Летел мечтой, страдая с прежней силой.
А между тем Иоанна с торжеством
Работала блистающим мечом;
Ее соперника ждала могила:
Она ему то место отрубила,
Которым монастырь позорил он;
Пошатываясь, Исаак Уортон
Роняет меч, проклятье изрыгает
И, нераскаявшийся, умирает.
Монахинь древних величавый строй,
Увидев, что неистовый герой
Лежит во прахе, кровию измазан,
Воскликнул «Ave», в радости живой.
Что, чем грешил злодей, тем и наказан.

Сестра Беата, чей девичий стыд
Не пощадил неумолимый бритт,
Благодарила небо с тихим стоном,
Тайком любясь яростным Уортоном,
И причитала сладко, прочим в лад:
«Увы! Никто так не был виноват».

Конец песни одиннадцатой

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Монроз убивает духовника. Карл находит Агнесу, утешавшуюся с Монрозом в замке Кютандра

Я поклялся, что сух и точен буду,
Мораль и отступленья позабуду,
Но бог любви всемогущ, и пером
Моим он, как ему угодно, водит.
Пишу я все, что в голову приходит,
Капризным вдохновляем божеством.
Красавицы! Девицы, вдовы, жены,
Амуром созданные под знамена
Заманчивой, но яростной войны,
Бывает так, что двое влюблены
В одну из вас. Во всем они равны:
В талантах, в грации, в любви до гроба.
К себе располагают сердце оба:
Трепещет грудь, Амур велит любить,
И вы не знаете, как поступить.
Учителя рассказывают в школах
Историю осла (не из веселых) [77 – ..

Историю осла... – имеется в виду Буриданов осел, издохший от голода, хотя он и находился между двумя стогами сена, не знал, с которого начать. Эту историю средневековый схоласт Жан Буридан (1300 – ок. 1360) приводит в качестве аргумента против свободной воли человека.]

Сему ослу был кем-то принесен
Обед в двух мерках и поставлен он
На равном расстоянии с двух сторон.
Томимый этим искушеньем равно,
Осел не знал, какой избрать удел,
Стоял, ушами шевеля, не ел
И, равновесье сохранив, бесславно
От голода, близ пищи, околел.
Страшитесь следовать таким примерам,
Мои красавицы! Поверьте мне:
Шепнув «твоя» обоим кавалерам,
Окажетесь вы счастливы вдвойне.

Вблизи обители благословенной,
Увы, опустошенной и растленной,
Где за своих монахинь отомстил
Денис рукою Девы вдохновенной,
На берегу Луары замок был
С боями, башнями, мостом подъемным,
С глубоким рвом, который окружал
Стоячею водой высокий вал,
С величественным парком, дряхлым, темным,
Куда полдневный луч не проникал.
В прекрасном замке этом был сеньором
Барон Кютандр, старик с орлиным взором.
Гостеприимно всех встречали там.
Барон Кютандр, добряк меж добряками,
От сердца радовался всем гостям.
Французов, бриттов – всех он звал друзьями;
Будь странник босиком иль в сапогах,
Принц, турок, женщина или монах –
Всех принимал охотно рыцарь старый,
Но требовал, чтоб приходили парой.
Своей причуды вовсе не тая,
Он блюл ее суровее закона
И нечета не признавал. Своя
Фантазия у каждого барона.
Когда попарно гости шли к нему,

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org

Все было превосходно, но тому,
кто приходил один, бывало худо:
Он голодал и долго ждал, покуда
Другой не подкрепит его права,
Совместно с ним составив цифру два.
Иоанна, облачась в доспехи брани,
Бряцавшие на величавом стане,
С Агнесою, под вечер, без труда,
Ведя беседу, прибыла туда.
Монах, не потерявший их следа,
Монах, исполнен злобы и нечестья,
Подходит к стенам мирного поместья.
Как волк, которым бедная овца
Была обглодана не до конца,
Стуча зубами и сверкая взором,
Вокруг овчарни крадется дозором,
Так этот англичанин, поп и вор
(В душе пылает похоть, алчен взор),
Отыскивал, блуждая ночью темной,
Добычу, отнятую у него.
Звонит, вопит он. Слуги одного
Увидев гостя, грузный и огромный
Сейчас же поднимают мост подъемный,
И духовник Шандоса, поражен,
Цепей тяжелых слышит гулкий звон;
Подъемный мост на воздух вознесен.
При этом зрелище – судите сами,
Кто стал божиться? Гнусный духовник.
Он бесновался, он махал руками,
Хотел кричать, но в горле замер крик.
Нередко наблюдаем мы в окошко,
Как, пробираясь между черепиц,
Пытается из голубятни кошка
Достать когтистой лапкой милых птиц.
Она глядит свирепо, и с испугу
Бедняжки жмутся в глубине друг к другу.
Монах еще сильнее был смущен,
Когда под деревом заметил он
Красавца с золотыми волосами,
С отважным взглядом, с черными бровями,
С пушком на подбородке, в цвете сил,
Блистающего красотою смелой
И молодостью, розовой и белой.
То был Амур, или, верней, то был
Прекрасный паж: Монроз осиротелый
Искал предмет своей любви день целый.
Блуждая так, он в монастырь попал.
Его улыбка всех сестер пленила,
Он был ничуть не хуже Гавриила,
Который их с небес благословлял.
И каждая при взгляде на Монроза
Краснела, точно молодая роза,
Шепча: «Зачем он не пришел в тот час,
Господь, когда насильовали нас!»
Все окружили юношу зараз,
И вот, узнав, что ищет он Агнесу,
Игуменья коня ему дает
И провожатого, чтоб он по лесу
Напрасно не плутал и без хлопот
Доехал до Кютандровых ворот.

Монроз спешит и видит, подъезжая,
Стоящего у моста негодяя.
Тут, злобою и радостью пылая,
Кричит он: «А! Так это ты, подлец!
Клянусь Шандосом и святою мессой,
Нет, более того, клянусь Агнесою,
Что будешь ты наказан наконец».

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Монах отчаянный не отвечает,
Рука его от ярости дрожит.
Берет он пистолет, курок спускает:
Бац! Порох вспыхивает и блеснит,
Шальная пуля наугад летит,
Но направляемый рукой заблудшей –
Из выстрелов, конечно, самый худший.
Паж метко целится и сразу – хлоп
Ужасного монаха в медный лоб,
Где подлых замыслов была обитель.

Тот падает. Прекрасный победитель,
Внезапный сострадания порыв
Отзывчивой душой ощутив,
«Ах! – произнес. – Умри, по крайней мере,
Как человек, в раскаянье и вере.
Прочти «Te Deum». Ты собакой жил,
Так помолись, чтоб бог тебя простил».
«Нет, – отвечал преступник рясоносный, –
Прощай, прощай, я к дьяволу иду!»
Сказал – и умер. Дух его поносный
Умножил первый легион в аду.

В то время, как монаха в полном сборе
Встречал, вздувая пламя, сонм чертей,
Благочестивый Карл, с тоской во взоре,
Вздыхая по возлюбленной своей,
Гулял верхом, чтоб успокоить горе,
Унылый, со своим духовником.
Читателю еще он незнаком.
Я парой строк сейчас исправлю это
И поясню, кто ради этикета
Был к королю, как ментор, приближен.
Он снисхожденье возводил в закон:
Добра и зла неточные мерил
Приятно зыблила его рука,
Его улыбка смертным говорила,
Что ноша добродетели легка.
Он отпускал грехи во имя веры,
Имел приятный голос и манеры,
Все примечал и превосходно льстил,
Всегда любезный и на все согласный.

Аббат монарха Франции прекрасной
(Он имя Бонифация носил)
Ученейшим доминиканцем был.
Прощая слабости людей охотно,
Он набожно и сладко говорил:
«Как жаль мне вас! Со стороны животной
Уязвлены вы. Это доля всех.
Любить Агнесу несомненный грех,
Но этот грех простится всех скорее.
Народ господень, древние евреи,
Ему нередко предавались.
Сам Отец всех верующих, Авраам,
Решил иметь ребенка от Агари, –
Его пленил служанки юной взгляд,
Недаром возбуждавший ревность в Саре.
Иаков на двух сестрах был женат.
Все патриархи жили в сладкой смене
Различнейших любовных наслаждений.
Старик Вооз – и тот решил позвать
Старуху Руфь с ним разделить кровать.
Натешившись с Вирсавией вначале,
Давид великий прожил без печали
Душой и телом в избранном серале.
И храбрый сын его, известный тем,
Что волосы врагам его предали,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Раз переведал весь его гарем.
Вам введомо и участь Соломона:
Он был мудрец, пророк и веры щит,
Иеговы опора, меч закона,
И волокита был из волокит.
Так было с первого грехопаденья.
Так есть и будет – это доля всех.
Утештесь! Юность ищет наслажденья,
А старость мудрая замолит грех».

«О, – Карл промолвил, – ваша речь прекрасна,
Но, к сожаленью, я не Соломон.
Он счастлив был, а я скорблю ужасно.
Имел любовниц целых триста он,
А я одну, и с этой разлучен».
По носу слезы потекли, мешая
Унылому монарху говорить.
Тут видит он, во всю несется пруть
Какой-то всадник, реку огибая,
Подпрыгивая на седле смешно.
Король узнал в нем толстяка Бонно.
Вы знаете, наперсник тайны милой
Неотразимой обладает силой,
Когда терзает нас разлуки гнет.
Король, взволнован, как при виде чуда,
Кричит ему: «Кой черт тебя несет?
Что делает Агнеса? Сам откуда?
Где взор ее блестит светлей зари?
Скорей же отвечай мне, говори!»

Бонно, монаршим не смущен допросом,
От точки и до точки рассказал
О том, как куртку он переменял,
Как поваром вождя британцев стал,
Как он удачливо порвал с Шандосом,
Когда в бою забыли про него,
Чем он обязан хитрости и чуду;
Как он красавицу искал повсюду;
О том, что знал, наговорил он груду;
А, собственно, не знал он ничего:
Не знал он рокового приключенья,
Монаха страсти, не пропавшей зря,
Любви пажа, исполненной почтенья,
И мерзости в стенах монастыря.

Все злоключения перебирая,
Вздыхая, плача и считая дни,
Судьбу и злых британцев проклиная,
Еще печальней сделались они.
Настала ночь. Сияя кротко миру,
Медведица направилась к надиру [78 – Медведица направилась к
Надару – то есть к горизонту.]

Задумчивому королю аббат
Сказал: «Уж поздно, в это время спят
Иль ужинают все без исключенья,
Будь то король или монах простой».
Карл, горестно поникнув головой,
Тая в груди любовные мученья
Все из-за той, которую искал,
Не отвечая, молча поскакал,
И очутились перед замком вскоре
Все трое – Карл с аббатом и Бонно.
Прах пастыря, погрязшего в позоре,
Швырнувши, как негодное бревно,
В канаву, паж, задумчивый и томный,
Глядел с досадою на мост подъемный,
Который разделял его и ту,
Чью мысленно ласкал он красоту.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Трех всадников увидев в лунном свете,
Он сладкую надежду ощутил,
Что выручат его сеньоры эти,
И выступил вперед, пригож и мил,
Скрывая имя и любовный пыл.
Как только с ними он заговорил,
К себе внушил Монроз расположение.
Он королю понравился. Аббат
На нем остановил елейный взгляд
И пастырское дал благословенье.

Они составили все вместе чет.
Мост тотчас опускается, и вот
Коней копыта с грохотом суровым
Стучат по доскам четырехдюймовым.
Толстяк Бонно на кухню поспешил
И принялся за ужин у камина.
Аббат колена тотчас преклонил
И набожно творца благодарил;
А Карл, принявший имя дворянина,
Почтенного Кютандра отыскал.
Барон, с приветом (он еще не спал),
Ведет его к роскошному покою.
Карл только одиночества желал,
Чтоб насладиться нежною тоскою;
Он об Агнесе лил потоки слез,
Не зная, где искать свою подругу.

Осведомленнее был наш Монроз.
Он очень ловко расспросил прислугу,
Где спит Агнеса, где ее покой,
Все осторожным взглядом замечая.
Как кошка, что идет, подстерегая
Застенчивую мышку, чуть ступая,
Неслышную походкой воровской,
Глазами блещет, коготки готовит
И, жертву увидав, мгновенно ловит, –
Так юный паж, к красавице спеша,
На цыпочках, едва-едва дыша,
Шел ощупью, и наконец завеса
Отдернута, и перед ним Агнеса.
Быстрее, чем пуля из ружья летит,
Быстрее, чем железные опилки
Притягивает яростный магнит,
Войдя, любовник, молодой и пылкий,
Пал на колена пред софой, где спит
Его красавица, подобно розе,
В непринужденной и прелестной позе.
Для размышленья не было ни сил,
Ни времени. Огонь их подхватил
В одно мгновенье ока. В раскаленных
Лобзаньях нежные уста влюбленных
Слились. Заволокло желанье взор.
Слова любви? Они остались в горле.
Их языки друг друга нежно терли,
И был красноречив их разговор.
О, вздохи нег, безмолвье упоенья,
Прелюдия оркестра наслажденья!
Но этот сладостный дуэт прервать
Пришлось им по причине неизбежной.

Агнеса помогла рукою нежной
Пажу постылые одежды снять.
Век золотой не знал их, безмятежный;
Придуманная, чтобы нас стеснять,
Противная природе, эта шура
Всего невыносимей для Амура.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
кто это, боги! Флора и Зефир?
Психея ли божка любви ласкает?
Венеру ли твой юный сын, Кинир,
в объятьях сжал, позабывая мир,
Меж тем как Марс ревнует и вздыхает?
Карл, этот Марс французский, уж давно
вздыхает рядом в обществе Бонно.
Он ест задумчиво и пьет печально.
Старик слуга, болтлив профессионально,
чтоб мрачное высочество развлечь,
никем не прощенный, заводит речь
о том, что на дворянской половине
спят двое путешественниц – одна
брюнетка с гордым видом героини,
другая – точно лилия нежна.
Карл вздрогнул: «Ах, Агнеса, где ты, где ты?»
Он заставляет повторить приметы:
какие волосы, улыбка, цвет
лица и глаз, сложенье, сколько лет.
Он узнает своей любви предмет,
ее, жемчужину земных жемчужин,
и, убежденный, забывает ужин.
«Прощай, Бонно! Я к ней бегу тотчас».
Сказал – и улетел, стуча при этом:
король, он редко прибегал к секретам.

«Агнеса!» – повторял он столько раз,
что до Агпесы крики долетели.
Чета любовников дрожит в постели.
как избежать беды им, вот вопрос.
но был изобретателен Монроз.
он замечает в выступе светлицы
подобие молельни иль божницы,
алтарь миниатюрный, где порой
за деньги служит капуцин седой.
пустая ниша в глубине алькова
еще ждала пристойного святого,
закрытая завесой голубой.
что делает Монроз? Быстрее мыши
за занавескою в алтарной нише
он быстро прячется и впопыхах,
конечно, забывает о штанах.
король вбегает в спальню, обнимает
свою Агнесу, нежный вздор меля,
и, весь в слезах, использовать желает
права любовника и короля.
святой за занавескою, с тоскою
все это видя, испускает стон.
король подходит, трогает рукою
и восклицает, крайне удивлен:
«Отцы святые! Черт! Я это вскрою!»
в нем полуревность, полустрах кипит.
он дергает порывисто и резко –
и падает с карниза занавеска.
прекрасный паж, испытывая стыд,
спиною повернулся. выделяясь,
белело то, что в дни былых побед
могучий Цезарь, вовсе не стесняясь,
вручал тебе, красавец Никомед,
за что великий Грек во время оно
особенно любил Гефестиона,
что Адриан явил средь Пантеона...
герои, сколько слабостей у вас!

читатели, вы помните ль рассказ
о том, как, в сердце вражеского стана,
уснувшего Монроза нежный зад
тремя цветами лилии подряд

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Ночной порой украсила Иоанна
И как святой Денис ей помогал?
При виде лилий и при виде зада
Король смутился и молиться стал,
Вообразив, что это козни ада.
Агнесу жгут раскаянье и страх,
Она теряет чувства, крикнув: «Ах!»
Взволнованный король, в порыве муки,
Зовет, держа несчастную за руки:
«Сюда! Здесь дьявол!» Слыша эти звуки,
Встревоженный монах, забыв еду,
Спешит помочь попавшему в беду;
Испуганный Бонно, пыхтя, несется;
Иоанна пробудилась и берется
За добрый меч, что в битвах закален,
Готовая на бой идти отважно;
И только в спальне у себя барон,
Не слыша ничего, храпел протяжно.

Конец песни двенадцатой

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Выезд из замка Кютандра. Сражение девы с Жаном Шандосом; странный боевой обычай, коему подчинена и Дева. Видение отца Бонифация. Чудо, спасающее честь Иоанны

То золотое время года было,
Когда в течении своем светило
Ночь убавляет, прибавляя к дням,
И, улыбаясь благосклонно нам,
Плывет по европейским небесам,
Не торопясь пересекать экватор.
То был твой праздник, о святой Иоанн,
Прославленный Иоанн, пустынь оратор.
Ты возвестил для всех времен и стран,
Что грешникам залог спасенья дан,
И я люблю тебя, пророк великий.
Другой Иоанн по лунным областям
С Астольфом путешествовал и там
Вернул рассудок другу Анджелики,
Коль верить Ариостовым словам.
Иоанн второй, верни и мне мой разум!
Ты своего не отвращал лица
От сладостного, дивного певца,
Который пестро сотканным рассказом
Властителей феррары веселил;
Ему ты строфы вольные простил,
Которые тебе он посвятил;
Прошу и я о помощи чудесной:
Я в ней нуждаюсь. Ведь тебе известно,
Что против героических годов,
Когда гремела Ариоста лира,
У нас гораздо больше дураков.
Спаси меня от всех болванов мира,
От всех хулителей моих стихов.
Порою шутки легкая отрада
Сойдет, смеясь, мой труд развеселить,
Но я серьезен, если это надо,
И только не желаю скучным быть.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Води моим пером и в сени вечной
Снеси Денису мой привет сердечный.

В окошко выглянув, Иоанна д'Арк
Увидела, что полон войска парк.
Гарцуют рыцари, горды собою,
Дам посадив на крупы лошадей;
Сто грозных всадников, готовы к бою,
Бряцают сталью копий и мечей.
На ста щитах кочующей Дианы
Дрожащие играют огоньки;
Ста шишаков колеблются султаны,
И, развеаясь посреди поляны
На древках копий, будто мотыльки,
По ветру вьются пестрые флажки.
Иоанна д'Арк решила, что ворвалась
Британцев рать со стороны реки.
Но героиня наша ошибалась, –
Ошибки в бранном деле не редки,
Как, впрочем, и в других делах. Бывало,
Впросак и наша Дева попадала
Без помощи Денисовой руки.

Но нет, не властелины Океана
Пришли Кютандр осыпать градом пуль,
А Дюнуа вернулся из Милана,
Герой, которого ждала Иоанна,
И с Дюнуа – прекрасный Ла Тримуиль,
Который с нежной Доротеей вместе
Так долго странствовал по всем краям,
Любовник постоянный, рыцарь чести,
Защитник ревностный прекрасных дам.
Избегнув мести своего злодея,
О родине нисколько не жалея,
С ним путешествовала Доротея.

Итак, составив четное число,
Все это воинство в Кютандр вошло.
Иоанна мчится вниз; король решает,
Что это бой, и следом поспешает,
Палаш блистающий в руке держа
И бросив вновь Агнесу и пажа.

Был юный паж счастливей без сравненья,
Чем тот, кто славой свой украсил трон.
Чистосердечно он вознес хваленья
Святителю, чье место завял он.
Ему пришлось одеться как попало.
Одной рукою прикрывая грудь,
Красавица другою помогала
Счастливцу панталоны натянуть.
Ее уста, прекрасные, как роза,
Дарили поцелуями Монроза.
Рука, полна желанья и стыда,
Все время попадала не туда.
Спустился в парк, не говоря ни слова,
Монроз прекрасный. Господин аббат
При виде Адониса молодого
Вздыхнул печально и потупил взгляд.

Меж тем Агнеса привела в порядок
Лицо, улыбку, речь и волны складок.
Монарха отыскавший своего,
Стал Бонифаций уверять его,
Что это милость божья, что чудесный
Святое место посетил гонец,
Что Франции прекрасной наконец
Знак явный подан милости небесной,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Что англичан отныне ждет беда.
Король поверил; верил он всегда.
Иоанна подтверждает эти речи:
«Нам помощь шлет всевышнего рука;
Великий государь, вас ждут войска,
Спешите к ним скорей для новой сечи».
Тримуйль и благородный Дюнуа
Свидетельствуют, что она права.
Стоявшая невдалеке, робея,
Пред королем склонилась Доротея.
Агнеса обняла ее, и вот
Из замка выезжает гордый взвод.

Смеются часто небеса над нами.
Вот и тогда их равнодушный взгляд
Следил, как бодро двигался полями
Героев и любовников отряд.
Прекрасный Карл с Агнесой нежной рядом
Дарил возлюбленную пылким взглядом,
И, королевской верностью горда,
Приветная, похожая на розу,
Красавица кивала иногда –
Какая слабость! – юному Монрозу.
Молитву путников творил аббат,
Но очень часто, утомленный ею,
Он направлял медоточивый взгляд
То на Агнесу, то на Доротею,
То на Монроза и на требник вновь.
Доспехи в золоте, в груди любовь –
Вот Ла Тримуйль! Он гарцевал, ликуя,
С прекрасной Доротеєю воркуя.
Нежна, застенчива и влюблена,
Твердила о своей любви она,
Украдкой любовника целуя.
Он повторял ей, что одну мечту
Хранит в душе: окончив подвиг чести,
На лоне наслажденья в Пуату
Зажить с возлюбленной прекрасной вместе.
Иоанна, девственной отваги цвет,
Одета в юбку и стальной корсет.
В великолепном головном уборе,
На благороднейшем осле своем
Беседовала важно с королем,
Но душу ей, увы, терзало горе.
Порой Иоанна испускала стон,
Раздумывая с видом невеселым
О Дюнуа: ей рисовался он
В воспоминаньях совершенно голым.

Бонно, едва переводивший дух,
Украшен бородою патриарха,
Шел, как слуга великого монарха,
В хвосте, заботясь о хозяйстве. Двух
Ленивых мулов вел он с индюками,
Цыплятами, вареньем, пирогами,
Вином, отборными окороками.

В то время Жан Шандос меж диких скал
Исчезнувших любовников искал
И показался вдруг на повороте
Героям, размышлявшим об Эроте.
Порядочная свита с ним была,
Но были там лишь грубые вояки,
И прелесть женская в ней не цвела,
На нежных лицах не пылали маки
И на сосках бутоны алых роз.
«О, о! – воскликнул грозно Жан Шандос, –
У вас, я вижу, две, нет, тридевицы,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
французы, род презренный и смешной,
А у Шандоса нету ни одной!
Без проволочек, я хочу сразиться,
Стоит Фортуна за моим плечом.
Я вызываю вас. Мы будем биться
Попеременно шпагой и копьем!
Пускай выходит драться, кто посмеет.
Тому, кто в поединке одолеет,
Из трех любая пусть принадлежит».

Бесстыдством оскорбленный, Карл дрожит
От гнева, тотчас за копье берется,
Но Дюнуа великий говорит:
«Сеньор, позвольте мне за вас бороться».
Сказавши это, он летит вперед.
Но ла Тримуйль прекрасный в свой черед
Кричит: «Нет, я!» Никто не уступает.
Толстяк Бонно им жребий предлагает.
Так в героические времена
На узелки тянулись имена
Героев, доблестной искавших смерти.
Так участь избираемых в конверте
Таит республиканская страна.
И если смею приводить примеры,
Достойные неоспоримой веры,
Я вам скажу, что и святой Матвей
Так утвержден был в должности своей.
Дрожит за короля, кряхтит, вздыхает
Добрый Бонно и жребий вынимает.
С высот сияющих святой Денис
Глядит с отеческой улыбкой вниз,
Любуясь девственницею могучей,
И направляет бестолковый случай.
Он счастлив: узелок Иоанной взят.
Ему хотелось, чтобы вновь, без страха,
Забыв мечты и гнусного монаха,
Она схватила боевой булат.

Священною отвагой обуянна,
За кустик скромно прячется Иоанна,
Чтобы надеть кольчугу, юбку снять,
Из рук оруженосца меч принять,
И наконец, исполненная гнева,
На своего осла садится Дева.
Колени сжав, она копьем трясет,
Одиннадцати тысяч дев зовет
Себе на помощь силу. А Шандосу
Нельзя к святым показывать и носу,
И, как безбожник, он на бой идет.
Бросается к Иоанне Жан проклятый.
Их мужество равно, блистает взор;
Осел и конь, закованные в латы,
Почуяв шпоры, мчат во весь опор.
И крепкий лоб, такой же лоб встречая,
Рождает в воздухе зловещий треск.
Кровь лошади струится, обагрив
Разбитого доспеха мрачный блеск.
Раздалось эхо страшного удара;
Неистовый пронесся крик осла;
И, разом выбитые из седла,
Лежат герои. Привязав два шара
К веревкам одинаковой длины,
Пустите их с двух точек полукруга:
Они стремятся, ярости полны,
С размаху налетают друг на друга,
И оба сплющены в единый миг;
Их вес и натиск был равновелик.
Взволнованы французы, как и бритты.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Они страшатся, что бойцы убиты.

Спасительница Франции, увы,
Как ни храбры, как ни прекрасны вы,
Но такова уж женская натура:
Сильней Шандосова мускулатура,
Устойчивее ноги, крепче кость.
Он вскакивает, источая злость.
Иоанна тоже хочет встать во гневе,
Но помешал ей глупый взбрык осла,
И на лопатки, как и должно деве,
Иоанна побежденная легла.

Шандос решает, что в ужасной схватке
Им Дюнуа положен на лопатки
Иль там король. Спешит узнать Шандос,
Кому он поражение нанес.
Снимает шлем и видит смоль волос,
Глаза прекрасные. Снимает латы
И видит, изумлением объятый:
Пред ним две груди, прелестью равны,
Разделены, округлы и нежны,
На них цветут два алые бутона,
Как розы две у тихого затона.
Предание гласит, что в этот час
Шандос творца прославил в первый раз:
«Она моя, надменная Иоанна,
Опора Франции досталась мне!
Клянусь святым Георгием, желанна
Мне Девственница гордая вдвойне.
Пускай святой Денис меня осудит:
Марс и Амур – моя защита будет».
Оруженосец вторил: «Да, милорд,
Упрочьте судьбы английского трона.
Отец Лурди в уверенности тверд,
Что Франция не понесет урона,
Пока верней, чем Лациума щит,
Вот эта девственность ее хранит,
Сулящая отчизне нашей беды.
Берите с бою этот стяг победы».
«Да, – отвечал британец, – их оплот
Теперь становится моим уделом».

Иоанна бедная, дрожа всем телом,
Обеты всевозможные дает
Денису, лишена защиты лучшей.
Герой прекрасный, Дюнуа могучий
Вздыхает. Что поделать может он,
Раз поединка свято чтут закон
Все нации? Какой ужасный случай!
Копыта врозь, с поникшей головой
И уши опустив, с Иоанной рядом
Лежит осел; с глубокою тоской
Следит он за Шандосом смутным взглядом,
Давно питая в сердце тайный пыл
К прекрасной девственнице, полной сил, –
Строй нежных чувств, которые едва ли
Ослы простые на земле знавали.

Доминиканец тоже стал дрожать:
Его пугает злой британский воин.
Он, главное, за Карла беспокоен:
Вдруг, чтобы честь отчизны поддержать
И дерзкому не дать над ней глумиться,
Король с Агнесою соединится,
И в те же воды повернут свой руль
С прекрасной Доротеей Ла Тримуиль?
Он стал под дубом, с горьким сокрушеньем,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
И предался печальным размышленьям
Над действием и над происхождением
Приятного греха, чье имя блуд.

Почтенный брат, уединившись тут,
Был осенен таинственным виденьем,
Похожим на пророческие сны
Иакова, проныры в рукавицах,
Нажившего кой-что на чечевицах,
Как делают Израиля сыны.
Старик Иаков увидал когда-то
В вечерний час на берегу Евфрата
Баранов, лезших на хребты овец,
Которые встречали их покорно.
В том, что увидел наш святой отец,
Таились мудрости не меньшей зерна.
Он видел рыцарства грядущий цвет,
Он наблюдал, как баловни побед
С роскошными красавицами рядом
Их пожирали сладострастным взглядом,
И каждого их них (о, козни зла!)
Любовь неудержимая влекла.
Так в дни весны, когда, с небес слетая,
Зефир и флора дарят жизнь цветам,
Разноголосая пернатых стая
Любовью тешится по всем кустам;
Целуются стрекозы здесь и там,
А львы бегут с рыканьем исступленным
К своим подругам, страстью истомленным.

Он зрит того, чья слава, как лучи, –
Франциска Первого, бойца. И что же?
С прекрасной Анной тот забыл на ложе
Утраченные в Павии мечи.
Уводят Карла Пятого от лавров
Дочь Фландрии и дочь неверных мавров.
Цвет королей! Один на склоне дней
Схватил подагру, а другой – скверней.
Вокруг Дианы резво вьются смехи,
Когда Амур, для сладостной потехи,
Ее любовной радует игрой
С тобою, Генрих, именем Второй.
Клорису для пажа позабывает
Девятым Карл, преемник твой пустой,
Небеспокоясь, что Париж пылает.
Блеск незакатной славы окружает
Тебя, о Борджа, Александр Шестой!
Ты явлен взору в образах без счета:
Здесь – без тиары, как супруг простой,
С венецкой делишь радости Эрота,
Немного ниже – с дочерью своей
Лукрецией, признанье шепчешь ей.
О Лев Десятый, славный Павел Третий!
Все короли в любви пред вами дети;
И все же вы уступите ему,
Великому беарнцу моему;
Не столько доблесть в брани и в совете
И громкое над Лигой торжество,
Как Габриель, прославили его.
А дальше – век счастливого владыки,
Век пышных празднеств. О, не чудеса ль
Твой дивный двор, Людовик наш Великий,
Амуром выстроенный твой Версаль,
Где были призваны служить любви
Все грации, где каждый был влюблен;
Цветочным ложем стал твой славный трон,
И бог войны напрасно жаждал крови;
Амур, ты приводил их к королю,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Нетерпеливо шепчущих: «Люблю», –
Соперниц – знаменитую доньне
Племянницу лукавца Мазарини,
Горячую, как солнце, Монтеспан
И Лавальер. Всем час блаженства дан.
Одна вкушает страстное мгновенье,
Другая ожидает наслажденья.

О времена Регентства, дни утех,
Когда никто уже не ищет славы,
А только наслажденья и забавы,
Позабывая, что такое грех,
Когда беспечного безумья смех
Доносится и в сельские дубравы!
Из своего роскошного дворца
Регент примером зажигал сердца,
И в Люксембурге Дафна молодая,
Влюбленному призыву отвечая,
Звездой двора веселого цвела;
Ее вели к постели, обнимая,
Амуры с Бахусом из-за стола.
Но я смолкаю; нынешние лета
Не смею я в стихах живописать.
Опасность не хочу я накликать;
Дни современные – ковчег завета:
И кто его посмеет тронуть, тот,
Сраженный небом, замертво падет.
Я замолчу. Но если б только смел я,
То вас бы, о красавица, воспел я,
Вас, поклоненья моего предмет,
Любви, красы и благородства цвет,
И положил бы в беспредельной вере
У ваших ног дань сердца, как Венере.
О, если бы Амур и девять муз
Мне помогли, воспел бы я союз
Любви и славы, но, увы, словами
Восторга мне не выразить пред вами.

А погружившийся в святой экстаз
Аббат, конечно, зрел тогда и вас.
Он взором жадным, но, как прежде, скромным,
Светлейшее из зрелищ созерцал,
Как двое несравненных, с видом томным,
Пьют до конца запретных нег бокал.
«Увы, коль все великие на свете
Ведут попарно поединки эти, –
Воскликнул он, – то разъяренный бритт,
Который перед Девой стоит,
Свершает промысла закон, не боле.
Так подчинимся же господней воле,
Аминь, аминь», – он прошептал, и вот
Благоговейно продолженья ждет.

Но нет, Денис, за Францию предстатель,
Не мог позволить, чтобы Жан Шандос
Иоанне роковой удар нанес.
Вы знаете, конечно, друг читатель,
Что будет, если завязать тесьму.
То средство страшное и колдовское;
Святой не должен прибегать к нему,
Когда он может приискать другое.
Огонь Шандоса превратился в лед.
Он, ничего не сделав, устает;
Бессилим внезапным утомленный,
На берегу желанья он поблек,
Как увядает в засуху цветок,
С согнутым стеблем, с головой склоненной,
Мечтающий с напрасною тоской

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
О животворной влаге, насмерть ранен.
Так усмирен был гордый англичанин
Дениса чудотворною рукой.

Иоанна быстро покидает бритта,
Приходит в чувство и, смеясь над ним,
Кричит Шандосу: «Англии защита,
Нельзя сказать, что ты непобедим.
Господь, услышавший мои молитвы,
Лишил тебя меча в начале битвы.
Но мы еще поборемся с тобой,
И отомщу я поздно или рано.
Всех англичан зову сейчас на бой.
Прощай до встречи возле Орлеана».
Шандос надменный произнес в ответ:
«Прощайте; девушка вы или нет,
Когда опять мы вступим в бой открытый,
Святой Георгий будет мне защитой».

Конец песни тринадцатой

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Как Жан Шандос пытается обольстить набожную Доротею. Сражение Ла Тримуйля с Шандосом. Надменный Шандос побежден Дюнуа

О наслаждение, о мать природы,
Венера, просветившая народы,
Ты, чье величье славил Эпикур,
Ты, пред которою никто не хмур,
Ты, открывающая чудной властью
Дорогу к плодovitости и счастью
Бессчетной, суетной толпе людей,
Которым жизни ты самой милей;
Ты, в чьих руках искали миг забвенья
И бог небес, и грозный бог сраженья;
Ты, чья улыбка разгоняет мрак,
Ты, кем в сады обращена пустыня,
Когда по ней стремишь неслышный шаг;
Спустись с небес, прекрасная богиня,
На колеснице из живых цветов,
Которую амуры окружают,
Уносят крылья нежных голубков,
Целующихся между облаков,
И легкие зефиры провожают;
Приди в наш мир, будь ласковой к нему,
Приди; пусть подозрения и ссоры,
Отчаянье, и зависть, и раздоры
Уйдут навек в ужасный ад, во тьму,
В глубокую и вечную тюрьму:
Пусть все, что враждовало и боролось,
Услышав твой животворящий голос,
Восторженно склонится пред тобой:
Один закон да будет – только твой.

О нежная Венера, будь опорой
Монарху нашей Франции, который
Опасности предвидит впереди.
Дай мир Агнесе на его груди,

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Умножь их радость, горе услади.
О девственной Иоанне не молю я:
Она еще не знала поцелуя
И власти не изведала твоей;
Святой Денис защитой будет ей.
Но Ла Тримуиля ты и Доротею
Своею милостью благослови,
Пусть вечно он не расстанется с нею,
Вкушая сладкие плоды любви;
Пусть мир ее не возмутят до гроба
Былых врагов предательство и злоба.

А ты, о Комос, награди Бонно
Подарком пышным и его достойным:
Им перемирие заключено
Меж Карлом и Шандосом беспокойным.
Он, охраняя честь обеих стран
И множа пользу Франции сторицей,
Согласье получил от англичан
Луару счесть военного границей.
Он полн заботы о британцах был,
Он знал их вкусы, нравы изучил;
Им ростбифы на масле подавали,
Плумпудинги и вина предлагали,
А более изящные блюда
Пошли на стол французам, как всегда:
Тончайшие рагу, и соус сладкий,
И с красными ногами куропатки.
Шандос надменный, кончив пить и есть,
Поехал вдоль Луары. Он клянется
Раз начатое до конца довести
И с бою взять у Девственницы честь,
А в ожиданье за пажа берется.
Близ Дюнуа, по-прежнему смела,
Иоанна снова место заняла.

Король французов, со своим отрядом,
С духовником в хвосте, с Агнесой рядом,
Поднялся по течению с версту,
Избрав для остановки местность ту,
Где замедляется волна Луары.

Плавающий мост на лодках, очень старый
И в дырах весь, годился лишь на слом;
В конце его скрывал часовню ельник.
Торжественно и важно там отшельник
Читал обедню. Мальчик дискантом
Монаху помогал в труде святом.
Но Карл молиться не повел Агнесу:
Он поутру в Кютандре слушал мессу.
Лишь Доротея нежная, с тех пор
Как испытала ужас и позор
И все ж спаслась, благодаря лишь чуду,
Не упускала случая повсюду
Воспользоваться мессою второй.
Она спешит, сойдя с коня, смиренно
Три раза окропить себя водой
И молится коленапреклоненно,
Сложив ладони с кроткою мольбой.
Ее заметив вдруг, отшельник хилый
Был ослеплен и, тяжело дыша,
Забыв воскликнуть: «Господи, помилуй!» –
Воскликнул: «Господи, как хороша!»

Шандос зашел туда же, без сомненья,
Не для молитвы, а для развлечения.
С надменным видом, мимоходом он
Красотке делает полупоклон,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Разгуливает, свищет без стеснения
И наконец становится за ней,
Не слушая божественных речей.
Несясь к всевышнему духовным взглядом,
Моля дать сил сопротивляться злу,
Француженка лежала на полу,
Лоб опустив к земле и кверху задом.
Ее короткой юбки легкий край,
Откинувшись, как будто невзначай,
Открыл очам Шандоса очерк тайный
Двух ножек красоты необычайной.
Подобных тем, что, тронут и смущен,
Увидел у Дианы Актеон.
Тут наш Шандос, забыв богослуженье,
Почуял очень светское волнение
И, дерзко оскорбляя божий храм,
Рукою начинает шарить там,
Где было все с атласом белым схоже.
Я не намерен, о великий боже,
Описывать читателям-друзьям,
Краснеющим перед таким вопросом,
Что было дальше сделано Шандосом.

Но Ла Тримуйль, заметивший, куда
Ушла его любовь, его звезда,
В часовню за красавицею входит.
Куда, куда Амур нас не заводит?
Как раз в тот миг священник обращал
Лицо назад. Шандос же начинал
С красоткой обходиться все смелее,
И крик дрожащей, бледной Доротеи,
Казалось, слышен был на целый свет.
Я славному художнику предмет
Подобный дал бы на изображение,
Чтоб он нарисовал всех четверых,
Их удивление и лица их.
Наш Ла Тримуйль тут закричал в волнение:
«Британец дерзкий, рыцарства позор,
Как ты решился, богохульный вор,
Во храме на такое предприятие?»
С надменным видом оправляя платье
И к выходу идя, ему Шандос
На это предложил такой вопрос:
«А вы-то, сударь, здесь при чем? И кто вы?»
«Я, – возразил француз, на все готовый, –
Ее любовник гордый и суровый,
И, знайте, у меня привычка есть
Отмщать ее нетронутую честь».
«Что ж, если так, ясна мне ваша злоба, –
Сказал Шандос – Столкнемся мы оба.
Хоть иногда я на спину гляжу,
Но все же вам своей не покажу».

Француз прекрасный и британец гордый
Идут к коням, друзьям бессчетных сеч,
Берут рукой неколебимо твердой
Из рук оруженосцев щит и меч,
Потом, вскочив в седло, не зная страха,
Сшибаются друг с другом в вихре праха.
Прекрасной Доротеи стон и плач
Противников остановить не в силае.
Тримуйль, несясь на поединок вскачь,
«Отмщу за вас, – успел ей крикнуть, – или
Умру». Но он ошибся, потому
Что отомстить не удалось ему.

Уже он панцирь из блестящей меди
Пробил Шандосу в двух или трех местах

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
и близок был к решительной победе,
Как вдруг споткнулся конь его, и, ах,
Он падает посередине боя,
И смят копытом шлем на лбу героя,
И на траву течет густая кровь.
Бежит отшельник, увидав несчастье,
Вопит «In manus», хочет дать причастье.
О Доротея! Бедная любовь!
Близ друга распростертая безгласно,
Сперва ты крикнуть силилась, напрасно,
Но наконец шепнула, чуть дыша:
«О мой любимый! Я его убила...
Покинь же тело, жалкая душа!
Меня часовня эта погубила.
Несчастье случилось оттого,
Что я на миг оставила его,
Любви и Ла Тримуйлю изменила,
Чтоб слушать две обедни в день, о, стыд!»
Так, плача, Доротея говорит.
Шандос доволен был концом сраженья.
«Француз прекрасный, храбрых украшенья,
А также ты, прекрасная моя,
Вас объявляю пленниками я.
Обычай наш известен вам, наверно.
Агнеса чуть моею не была,
Я девственницу выбил из седла.
Но, признаю, свой долг исполнил скверно.
Все это наверстаю я сейчас
И честь британцев поддержу примерно,
А в судьи, Ла Тримуйль, беру я вас».

Отшельник, Ла Тримуйль и Доротея,
Услышав речь подобную, дрожат.
Так в глубине глухих пещер, робея,
Пастушка к небесам возводит взгляд.
Толпится стадо близ нее без толка,
И пес дрожит, увидев рядом волка.

Но хоть святая запоздала месть,
Не в силах было небо перенести
Грехов Шандоса мерзостный излишек.
Он грабил, жег, он лгал во все часы,
Насиловал девчонок и мальчишек,
И ангел смерти это на весы
Все положил, суровый и бесстрастный.
На берегу был Дюнуа прекрасный,
Он видел поединок вдалеке,
Недвижного Тримуйля на песке,
Красавицу, безмолвную от страха,
Коленопреклоненного монаха
И гордого Шандоса на коне:
И он летит, как ветер в вышине.

В то время был обычай в Альбионе
По имени все вещи называть.
Уж победителя успел нагнать
Наш Дюнуа, уж встретились их кони,
Как вдруг непобедимый паладин
Отчетливо услышал: «Шлюхин сын!»
«Да, я таков! Но это не обида:
Таков удел и Вакха и Алкида,
Таков был Ромул и Персей таков,
Отчизны слава и гроза врагов.
Я в честь их буду биться, – то не шутка.
Припомни лучше, что рукой ублюдка
Отечество покорено твое.
О вы, чью мать ласкал властитель грома,
Мой меч направьте и мое копье!

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Докажем, что ублюдкам честь знакома!»
Была молитва, может быть, грешна;
Но мифы знал прекрасно Дюнуа,
Их Библии всегда предпочитая.
И вмиг сверкнула пика золотая,
И шпоры золоченые, звеня,
Вонзились в стройные бока коня.
Ударом первым, налетев с откоса,
Разбил он многоцветный щит Шандоса
И расколол ему на два куска
Негнущуюся сталь воротника.

Удар наносит храбрый англичанин
По панцирю тяжелому копьем,
Гремят доспехи, но никто не ранен.
Вновь рыцари в порыве боевом,
Пылая гневом, чуждые испуга,
Отважно налетают друг на друга.
Их кони, сбросив грузных седоков,
Вдоль зеленую покрытых берегов
Пошли пастись спокойно в отдаленье.
Как оторвавшиеся от скалы
Во время сильного землетрясения
Две страшных глыбы, гулко-тяжелы,
Грохочут, падая на дно долины, –
Так падают и наши паладины.
Ужасным эхом потрясен простор,
Трепещет воздух, стонут нимфы гор.
Когда Арей, сопутствуемый Страхом,
Пылая гневом, кровию покрыт,
Спускался с неба, чтобы мощным взмахом
Поднять над берегом Скамандра щит,
Когда Паллада, не смутясь нимало,
Рать ста царей на бой одушевляла, –
Была вот так же твердь потрясена;
Дрожала преисподней глубина;
И сам Плутон, бледнея в царстве теней,
Страшился за судьбу своих владений.

Подобно волнам, что о берег бьют,
Герои наши яростно встают,
Мечи свои стремительно хватают,
Сталь панцирей друг другу разрубают,
Друг друга ранят в грудь, и в пах, и в бровь.
Уже течет пурпуровая кровь
По шлемам, по разрубленным кольчугам,
И, отовсюду собираясь кругом,
На битву зрители глядят с испугом,
Молчат, не дышат и не сводят глаз.
Толпа всегда одушевляет нас;
Ее вниманье – возбудитель славы.
А поединок, грозный и кровавый,
Лишь начал разгораться в этот час.
Ахилл и Гектор, гневные без меры,
Или теперешние гренадеры,
Или голодные и злые львы,
Не так горды, не так жестоки вы,
Как наши рыцари. Ободлив чувства
И к силе присоединив искусство,
Француз британца за руку схватил,
Ударом метким меч его разбил,
Подножку дал – и на траву откоса
В мгновенье ока повалил Шандоса.
Но, повалив его, упал и сам.
И продолжают оба битву там –
Француз поверх, а снизу англичанин.
Наш Дюнуа, почти совсем не ранен,
Великодушья сохраняя вид,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Врага давя коленом, говорит:
«Сдавайся!» – «Как же, – отвечает бритт, –
Вот получи-ка просьбу о пощаде!»

И, как-то изловчившись пред концом,
Ударил он с большою силой сзади
Коротким и отточенным ножом
Того, кто заплатил ему добром.
Но, встретив крепкие стальные латы,
Сломался пополам клинок проклятый.
Тут Дюнуа воскликнул: «Если так,
Умри, о подлый и бесчестный враг!»
И, воздавая дерзкому сторицей,
Его мечом ударил под ключицей.
Пред смертью британский паладин
Пробормотал невнятно: «Шлюхпн сын!»
Его душа, где обитала злоба,
Себе осталась верною до гроба.
Его движения, черты лица
Еще врагу надменно угрожали,
И, повстречавшись с ним в аду, едва ли
Не испугался дьявол пришлеца.
Так умер, как и жил, суров и странен,
Французом побежденный англичанин.

Был благороден гордый Дюнуа
И не прельстился бранною добычей,
Презрев постыдный греческий обычай.
Он занят Ла Тримуйлем. Чуть дыша,
Тот наблюдал за битвой. Доротей
Не смеет верить гибели злодея.
Она поддерживают по пути
Любовника рукой. А он почти
Оправился, он ранен – между нами –
Лишь глаз ее прекрасными лучами.
Он снова бодр. И радость обрести
Спешит опять красавица младая,
И к чистому веселью призывая,
Уже мелькает на ее устах
Улыбка сквозь струящиеся слезы.
Так, выступив меж тучек в небесах,
Порою солнце озаряет розы.
Великий Карл, любовница его,
Сама Иоанна – все поочередно
Спешат обнять того, кто благородно
Умножил славу края своего.
И восхищаются все с удивленьем
Его отвагой чудной и смиреньем.
Искусство чести в нем воплощено:
Быть скромным и могучим заодно.

Но Девственница не совсем довольна:
В душе она завидует, ей больно,
Что не ее лилейная рука
Сразила низкого еретика,
И в памяти ее встает всечасно,
Двойным стыдом румяня цвет ланит,
Тот час, когда неукротимый бритт
Ее поверг на землю – и напрасно.

Конец песни четырнадцатой

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Великое пиршество в Орлеанской ратуше, за которым следует общее наступление. Карл нападает на англичан. Что приключается с прекрасной Агнесой и с ее попутчиками

О цензоры, я презираю вас,
Виднее мне, чем вам, мои пороки.
Я бы хотел, чтоб дивный мой рассказ,
На золоте начертанные строки,
Являл одни лишь подвиги для нас
И Карла в Орлеане величаво
Венчали Дева, и Любовь, и Слава.
Достаточно я утомлен уже
Рассказом о Кютандре и паже,
О Грибурдоне низком, и порою
Мне кажется, что для таких речей
Едва ли место в повести моей.
Но эти приключения, не скрою,
Записаны Тритемовой рукою;
Я не выдумываю ничего.
И ежели читатель, углубившись
В подробности рассказа моего
И на создателя их рассердившись,
Решит сурово осудить его,
Пусть проведет он пемзою по строкам,
Которые посвящены порокам.
Но истину он все же должен чтить.

О Истина, невинная богиня.
Когда ж твоя восславится святыня?
Ты, призванная вечно нас учить,
Зачем в колодце предпочла ты жить?
Когда придешь ты нас благословить?
Когда писатели в моей отчизне,
Забывши ненависть, оставив лесть,
Расскажут нам про трудность бранной жизни,
Про паладинов подвиги и честь?
О, как был осторожен Ариосто,
Когда, столь величаво и столь просто,
Епископа Турпина в первый раз
Он имя ввел в свой сладостный рассказ!

Еще не одолев своей тревоги,
По Орлеанской ехал Карл дороге,
Сопутствуемый свитой золотой,
Блиставшей роскошью и красотой.
У Дюнуа он спрашивал совета.
Таков царей обычай искони:
В несчастье обходительны они,
Заносчивы в удачливые дни.
Агнеса и доминиканец где-то
Скакали следом. Королевский взгляд
Уж обращался много раз назад,
И был рассеян царственный повеса;
Когда бастард, отвагою объят,
Звал: «В Орлеан», – король шептал: «Агнеса».

Счастливым Дюнуа, душою тверд
И зоркостью врагам отчизны страшен,
Под вечер обнаружил некий форт,
Который плохо укрепил Бедфорд,
Поблизости от осажденных башен.
Он взял его, Карл водворился в нем.
Здесь находились английские склады.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Бог страшных битв, не знающий пощады,
Бог пиршеств, управляющий столом,
Наполнить это место были рады –
Один снарядами, другой вином.
Все принадлежности войны ужасной,
Все то, что услаждает пир прекрасный,
Здесь были соединены в одно,
Как бы для Дюнуа и для Бонно.

Весь Орлеан, забыв на день тревогу,
Спешил принести благодаренье богу.
Молебствия многоголосный гам,
Собравший городскую знать во храм;
Обед, где, буйной радостью объята,
Епископ, мэр, монахи и солдаты
Вповалку оказались на полу;
Огонь, пронзающий ночную мглу
И бьющий ввысь сквозь пелену тумана,
Народа крик, веселый звон тимпана –
Все точно пело громкую хвалу
Тому, что Карл, среди французов снова,
Подходит к стенам города родного.
Но крики радости в единый миг
Сменил отчаянья протяжный крик.
Повсюду слышится: «Бедфорд! Тревога!
На стены! В брешь! Вперед! Нужна подмога!»
Пока, хваля весь королевский род,
Беспечно пьянствовали горожане,
Без шума положили англичане
Две толстые сосиски у ворот,
Но не телячьи и не кровяные,
Бонно придуманные для рагу,
А порохом набитые, стальные,
Кровь заставляющие стечь в мозгу
И гибель приносящие врагу;
Снаряд ужасный, мощный, как стихия,
И брызжащий среди ночи или дня
Клубами Люциферова огня.
Фитиль, таящий смерть и разрушение,
Воспламеняется в одно мгновение –
И вдруг летят на тысячу шагов
Крюк, створы, подворотня и засова
Тальбот надменный через брешь вбегаёт,
Успехом, мстостью, страстью он пылаёт.
Инициалы госпожи Луве
Сияют золотом на синеве
Стального шлема. Гордый и упрямый,
Он полон был любезной сердцу дамой
И среди развалин и недвижных тел
Ее ласкать и целовать хотел.

Герой суровый, столь привычный к бою,
Ведет полки британцев за собою
И говорит: «Товарищи, пройдем
По городу пожаром и мечом,
Напьемся вволю и вином и кровью
И насладимся досыта любовью!»
Не мог бы, кажется, и Цезарь сам,
Умевший доблесть прививать сердцам,
Удачней речь держать своим бойцам.

На месте, где с протяжным, долгим стоном
Завесой дыма землю взрыв застлал,
Тянулся каменный, широкий вал,
Построенный ла Гиром и Потопом.
Он мог преградой послужить врагам
И оказать хоть в первое мгновение
Бедфорду гневному сопротивление.

И вот уже Потон с Ла Гиром там.
Тьма удальцов сопутствует герою,
Орудия грохочут с перебоем,
И леденит сердца команда: «Пли».
Лишь черный дым рассеялся вдали,
По лестницам, приставленным рядами,
Полки британцев движутся волнами,
И, меч или копье держа, солдат
Торопит верхних, яростью объят.

Разумных мер принять не забывали
В опасности Ла Гир, как и Потон.
Их каждый шаг был взвешен и решен,
И все они предвидели и знали.
Большие чаны масла и смолы,
Отточенные, острые колы,
Кос беспощадных лезвия стальные,
Как бы эмблемы Смерти роковые,
Мушкеты, сыплющие без конца
На головы британцев град свинца,
Все, что необходимость, и искусство,
И ужас, и отчаяния чувство
В сражениях пускают в ход умно,
Все было в битве употреблено.
В канавах, у орудий – всюду бритты,
Обварены, изранены, убиты.
Так летом под серпами у межи
Ложатся на землю колосья ржи.
И все же не слабеет наступленье:
Чем больше жертв, тем яростнее гнев.
Ужасной гидры головы, слетев
И отрастая вновь и вновь, в смятенье
Не привели тебя, герой Алкид;
Так и теперь готов был каждый бритт,
Опасности и гибель презирая,
Идти вперед за честь родного края.

Ты был на стенах, дымом окружен,
Цвет Орлеана, пламенный Ришмон.
Пять сотен горожан со всех сторон
За паладином шли, шатаясь, следом,
Еще перегруженные обедом.
Еще вино пылало в них огнем,
И глас Ришмона прогремел, как гром:
«Несчастные! У вас ворот не стало,
Но с вами я, – а это ведь не мало!»
И с яростью он на врага летит.
Уже Тальбот, храня надменный вид,
Был на верху стены. Одной рукою
Несет он смерть и гибель пред собою,
Другой – солдат одушевляет к бою,
Крича: «Луве!» – как Стентор.
Из окна Луве услышала и польщена,
Британцы также все «Луве!» кричали,
Хотя причины этому не знали.
О, как легко, людской презренный род,
Тебе вложить любую глупость в рот!

Карл на форту, в унынье погруженный,
Британскими войсками окруженный,
Не в состоянье сделать ничего.
Омрачена тоской душа его.
Он говорит: «Ужели я не в силах
От гибели спасти французов милых?
Они тут собрались встречать меня,
Торжественно войти собрался я
И вырвать их из рук врагов надменных:

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
И вот теперь мы сами вроде пленных». «Нет, – молвила Иоанна, – пробил срок, Идем сражаться! Покарает рок Британцев под стенами Орлеана. Идем, король! Для вражеского стана Грознее вы, чем тысяча бойцов!» Ей Карл в ответ: «Не надо льстивых слов! Немногого я стою, но, быть может, Мне защитит французам бог поможет». Он мчится на коне в огонь и дым, Белеет орифламма перед ним; За ним несутся Дюнуа с Иоанной, Оруженосцы Карлу в рот глядят, И вся округа полнится осанной: «Король, Монжуа, святой Денис, виват!»

Карл, Дюнуа воинственный и Дева Летят на бриттов, бледные от гнева. Так с темных гор, в которых рождена Дунайская и Рейнская волна, Орел, паря широкими крылами, Готовя когти и блестя глазами, Несется к соколу и торжество Над цаплей отнимает у него.

Французы наступают очень бойко, Но держатся и англичане стойко: Они как сталь, которая в огне Становится упорною вдвойне. Вы видите ль героев Альбиона И эту рать потомков Клодиона? Отважные и пылкие, на бой Они летят, как ветер грозовой. Сошлись, и вот стоят, друг с другом споря, Как каменный утес под пеной моря. Они, нога к ноге, к виску висок, Плечо к плечу, глаз к глазу, к телу тело, Хулу на бога изрыгают смело И падают без счета на песок.

Ах, отчего, потомкам для примера, Гекзаметром не смог я овладеть! Счастливым жребий одного Гомера – О приключеньях и о битвах петь, Описывать удачи, раны, беды, Их прославлять, считать и повторять И Гектора великие победы Победами другими умножать. Успеха в том заключено искусство. И все же я сдержать не в силах чувство, Меня толкающее рассказать, Что довелось Агнесе испытать, Пока наносит Карл врагам удары.

Дорогою на берегах Луары Она вела с аббатом разговор, А тот, отеческий склоняя взор, Ей о лукавом говорил, умея Нравоученья спрятать острие Под вымыслом, приятным для нее. Невдалеке Тримуиль и Доротея Вели беседу о любви своей, Мечтая о прекраснейшем из дней, Когда вполне они займутся ей. На их пути природой благодатной Разостлан был ковер травы приятной, Как бархат, гладкий, равный тем лугам, Где Аталанту представляют нам.

Вольтер Орлеанская девственница filosoffoff.org

Пленившись им, поблизости от леса,
К любовникам подъехала Агнеса.
Ее нагнал аббат. Все вчетвером
Держали путь, беседуя о том,
Как бог всемогущ, как любовь прекрасна,
Как козни дьявола узнать опасно.
И вдруг все точно обернулись сном,
И каждый, зыбкой застилаясь мглой,
Скрываться начал тихо под землю, –
Конь, всадник, ноги, тело, голова, –
И все покрыла мягкая трава;

Парижский оперный театр в то время размещался во дворце Пале-Рояль, построенном в 1629 г. архитектором Лемерсье для Ришелье, всемогущего кардинала и посредственного поэта.],

Которая в неделю раза два
Иль даже три нам уши раздражала,
Героев, претерпевших много мук,
Глодает ад или, вернее, люк.

Монроз, случайно выходя из лесу,
Увидел проезжавшую Агнесу
И побежал навстречу, чтоб скорей
Почтенье засвидетельствовать ей,
Но вдруг остановился, столбенея:
Агнесы нет, пропала Доротея;
Как мрамор бледен, неподвижен, прям,
Раскрывши рот, он исчезает сам.
Поль Тирконель, заметив издалека
Все происшедшее, спешит туда,
Но, прискакав на место, волей рока
Он тоже тихо тает без следа.

Они летят всё вглубь, и напоследок
Пред ними возникает сад, каким
Не наслаждался сам Людовик, предок
Того, кто презираем и любим [80 – ... Кто презираем и любим – намек
на Людовика XV, которого народ ненавидел, а придворные называли «любимым».]

А сад вел к замку. Изукрашен чудно,
Он сада пышного достоин был.
В нем жил... (мне даже выговорить трудно)
Гермафродит безжалостный в нем жил.
Агнеса, Бонифаций, Доротея!
Что с вами станется в гнезде злодея?

Конец песни пятнадцатой

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Как святой Петр успокоил святого Георгия и святого Дениса как он обещал великую награду тому из них, кто явится с лучшею одою. Смерть прекрасной Розамор

Разверзните, небесные чертоги!
Пернатые, сияющие боги,
Вы, охранительной рукой своей
Ведущие народы и царей,
Вы, что за радугою крыл таите
Небесных сфер таинственный предел,
Посторониться соблаговолите,
Чтобы и я одно из странных дел,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Происходящих в небе, разглядел,
И любопытство мне мое простите.

Молитву эту сочинил аббат Тритем, не я.
Мой многогрешный взгляд
Подняться не дерзает так высоко
Под самое всевидящее око.

Георгий и Денис, мрачнее туч,
Сидели в небе, заперты на ключ;
Помочь своим, хотя бы те их звали,
Уже не в силах, находясь горе,
Они отчаянно интриговали,
Как все, кто обитает при дворе,
И беспокоить не переставали
По очереди старого Петра.

Великий вратарь, – чей наместник в Риме,
Объемля судьбы мрежами своими,
Хранит ключи от зла и от добра, –
Петр им сказал: «Вы знаете, наверно,
Друзья мои, как дело было скверно,
Когда я Малху ухо отрубил.
Был господин в ужасном раздраженье;
Он отнял меч мой и меня лишил
Навеки прав участвовать в сраженье.
Я много осторожнее с тех пор,
Но я придумал, как решить ваш спор.
Святой Денис, ищите в рощах рая
Святых-французов, время не теряя;
Георгий соберет со всех сторон
Святых, чьей родиной был Альбион.
Сочувствующий каждому народу
Отряд святых пусть сочиняет оду,
Но – чур! – в стихах. Гудара жалок труд.
Язык богов один приличен тут.
Пусть пиндарическую оду сложат,
Где первенство мое, права, дела
Превознесла бы должная хвала;
Пусть сочинив, на музыку положат:
У смертных медленно идут дела
С рифмовкою стихов довольно гадких;
По части рифм богаче небосвод.
Идите, упражняйтесь в звуках сладких;
Кто лучше всех стихи напишет, тот
Победой увенчает свой народ».
Так с высоты сияющего трона
Соперникам обоим страж закона
Рек лаконично среди райских кущ:
Ведь лаконизм лишь избранным присущ.
Услышав это, мига не теряя,
Георгий и Денис по кущам рая
Идут собирать товарищей своих,
Из тех, что образованней других.

Святитель, почитаемый в Париже,
Немедля усадил меня поближе
Святого Фортуната, гимны чьи
Монашки распевают голосисто,
И пившего кастальские струи
Проспера, гордеца и янсениста.
Святой Григорий в список был включен,
Епископ, славившийся даром барда,
Из тех краев, где был Бонно рожден;
Не позабыли мудрого Бернарда,
Чья сила в антитезе; лучший цвет
Был приглашен Денисом на совет,
Как повелось с тех пор, что создан свет.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Георгий на его приготовленья
Глядел с улыбкой злого сожаленья,
Однако разыскал и он в раю
Британского святого, Августина,
И так сказал: «Неважно я пою;
Мне с детства нравится одна картина –
Летать с мечом в руках в лихом бою:
Не рифмы слушать, а сраженья звуки,
Пронзая груди и ломая руки.
Ты ж стихотворец, честь родной страны
В твоих руках. Так обратись же к музам.
Один британец на полях войны
Не уступает четырем французам.
В Бретани, в Пикардии – всюду страх
Мы поселяли в этих господах;
Всегда мы были первые в боях,
И если в славных воинских науках
Никто из бриттов не был превзойден,
То и в словесности, и в сладких звуках
Не осрамится гордый Альбион.
Старайся, Августин. Греми на лире.
Искусством песен, силою мечей
Пусть будет Лондон первый город в мире.
Со всех приходов Франции своей
Денис собрал бездарных рифмачей;
Тебе ль страшиться этакого сброда?
Берись за дело, выступай смелей,
Яви талант британского народа!»

Святитель, опуская очи вниз,
Благодарит патрона за доверье.
В укромном уголке он и Денис
Садятся сочинять. Скрипят их перья.
Но вот окончен труд. Как веера,
Над тронном разукрашенным Петра
Архангельские крылья золотые
Затмили небо. Ангелы, святые,
Все, кто попроще, чтоб услышать суд,
Расположившись на ступеньках, ждут.
И начал Августин; он воспевае
Жестокие преданья старины
И славу Моисея; вспоминает,
Какие чудеса им свершены:
Как пена жаркой крови обагрила
Спокойно плещущие волны Нила;
Как был ужасен зной пустых полей;
Как лозы превращались в страшных змей;
Он говорит о днях, ночами ставших,
О тучах мошек, на землю упавших,
О вопиющих к небесам костях,
О детях, у отцовского порога
Задушенных с соизволенья бога;
О горести египтян; о путях
Евреев, выкравших у них посуду
И воровству обязанных, как чуду;
О странствованье сорок лет повсюду:
О тысячах убитых за тельца,
А также и за то, что их сердца
Пленялись чарой женского лица;
И об Аоде, что во время оно
Кровь господина пролил в честь закона;
О Самуиле, что был сердцем благ
И кухонным ножом, во имя блага,
На части искромсал царя Агага
За то, что не обрезан был Агаг;
И о красавице, что шутку злую
Сыграла, защищая Ветилую;
О том, как Васой был убит Надад,

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
И об Ахаве, шедшем в тень гробницы
За то, что пощажен им Венадад;
О том, как сверг царя Иегозавад,
Сын Атровада; о делах царицы,
Которую так зло казнил Иоад.

Рассказ его, быть может, длинноватый,
Воспоминаньями был перевит
О древности роскошной и богатой,
Где солнце плавится, где вспять бежит
Морская хлябь и где огонь блестящий
Еще владеет сушею дрожащей;
Где мор и разрушенья каждый раз,
Когда проснется бог нетерпеливый;
И тут же шелестящие оливы,
И реки молока, отрада глаз,
И горы, где танцует каждый атом,
Подобно веселящимся телятам.
Почтенный автор пел творцам миров,
Который угрожал царю халдеев
И цепи рабства не снимал с евреев,
Но вечно зубы сокрушал у львов,
Ужасных змей топтал ногой титана
И с Нилом вел беседу, не страшась
Ни василиска, ни левиафана.
Здесь ода Августина прервалась.
Он кончил. Легкий шум неодобренья
Пронесся по толпе блаженных. Знак,
Не очень лестный для стихотворенья.
Тут поднялся его смиренный враг,
Всем видом выразив свое смущенье
Перед небесным сонмом, восхищенье
И трепет перед ним. Потом добряк
С улыбкою любезной и приятной
Поклон отвесил низкий, троекратно,
Судье, советникам и прочим всем
И нежным, слабым голосом затем
Свое стихотворенье начал внятно:

«О Петр, о Петр! Ты, именем Христа
Корабль господень по волнам ведущий,
Первосвященник мудрый, стерегущий
Обители небесной ворота,
Царей владыка, пастырь и хранитель,
Наставник, кормчий и руководитель,
Тебя, о Петр, поют мои уста.
Монархов христианнейших опора,
Твоей десницей сила их жива;
Обереги венцы их от позора:
Чисты права их, то – твои права.
Наместник твой владычествует в Риме,
Распоряжаясь царствами земными,
Но и венец, и королевский сан
Тобой одним, твоею властью дан.
Увы! Парламент наш, сказать обидно,
Монарха доброго прогнал бесстыдно,
Законного наследства сын лишен,
И чужеземец занимает трон.
Спаси же Францию, восставь закон,
Ключарь господень, возмести урон
И Карла утверди на отчем троне».

Святой Денис, начав в подобном тоне,
Остановился. Он одним глазком
Взглянул на слушателей и потом
На самого Петра, чтоб догадаться,
Годятся похвалы иль не годятся,
И скромно опускает очи вниз,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Прочтя во взоре: «Продолжай, Денис».
И старец продолжает осторожно:
«Возлюбленная братия, возможно,
что мой соперник вас очаровал;
Он бога мести звонко воспевал,
Но бога милосердия пою я:
Любовь сильнее злобы. Аллилуйя».

Затем Денис, уверенно рифмуя,
Приятно рассказал, как пастырь стад
Заблудшую овцу привел назад;
Как добрый фермер заплатил ленивцу,
Негодному работнику, сонливцу,
Рабу, не исполнявшему работу,
И тем его к раскаянью привлек,
И тот наутро, не жалея поту,
С усердием исполнил свой урок;
Как накормил божественный пророк
Пять тысяч человек пятью хлебами;
Как, тронутый горячими мольбами,
Он, к многогрешной снисходя рабе,
Позволил нога отереть себе
Косою грешницы, познавшей веру.
Он думал об Агнесиной судьбе,
Которая к библейскому примеру
Прекрасно подходила. В глаз, не в бровь
Намек был пущен. Ловкий ход удался,
Растроган суд, и прощена любовь.
Гул одобренья по рядам раздался,
Ко всем сердцам ключ подобрал Денис
И получил единогласно приз.
Был англичанин в проигрыше чистом;
Осмеянный, он скрыться поспешил,
Сопровождая криками и свистом.
Так некогда в стенах Парижа был
Уничужден педант с лицом Терсита,
Чья речь была насмешками покрыта,
За то, что он, презренный враг добра,
Бесчестил Муз и рыцарей пера.
Два agnus'a приняв из рук Петра,
Денис на землю спешно шлет с посланцем
Судилищем подписанный приказ,
Гласящий, чтобы в тот же день и час
Француз приял победу над британцем.

Гарцующая гордо на коне
Иоанна увидала в вышине
Обличив осла ее патрона.
Так облака в лазури небосклона
Порой знакомый очерк создают.
Она вскричала радостно и гордо:
«Господь за нас! Насильники падут».
Смутило чудо грозного Бедфорда.
Уже не всемогущ, уже смущен,
Растерянно глядит на небо он,
Пытаясь прочесть, за что во мраке
Георгием покинут Альбион.
Британские войска, страшась атаки,
Торопятся оставить Орлеан,
Теснимые толпою горожан,
Крикливой, кое-как вооруженной.
Прекрасный Карл, резнёю окруженный,
Прокладывает путь сквозь этот сброд,
И осаждающие, в свой черед,
Осаждены и сжаты отовсюду;
Убитых гряда падает на груды
Во рвах, на бастионах, у ворот.
В хаосе ужаса и беспорядка

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Тотчас нашли себе но вкусу цель
Бесстрашие, надменная повадка,
Отвага Христофора д'Арондель.
Не произнес отважный бритт ни слова;
Он на свирепый бой глядел сурово
И равнодушно, будто перед ним
Кровь не лилась, не расстился дым.
Шла молодая Розамор с ним рядом,
В руке лилейной острый меч держа,
Забралом, каской, воинским нарядом
Напоминая стройного пажа;
На солнце искрилась броня стальная,
Вились на каске перья попугая;
Она бесстрашно шла вперед. С тех пор,
Как маленькая ручка Розамор
Однажды Мартингеру отрубила
В кровати голову, – она любила
Сраженья, ей наскучила игла.
Палладой смелой иль самой Иоанной
Она бок о бок с д'Аронделем шла,
Шепча ему чуть слышно: «Мой желанный»
Но демон, что на всех влюбленных зол,
Немедленно на их дорого свел
Ла Гира молодого, и Потона,
И бессердечного, как сталь, Ришмона.
Невозмутимый д'Аронделя вид
Потона дразнит. Он к нему летит,
И вот, с ужасным брошено размахом,
Копье, пронзая бок, выходит пахом.
Кровь льет рекой. Проклятье, слабый сгон,
Последний вздох – и умирает он.
Ни вопля, ни мольбы в тот миг ужасный
Не сорвалось с уст Розамор прекрасной.
Над дорогим возлюбленным своим
В слезах отчаянья она не билась,
Коса ее покровом золотым
Над трупом храбреца не распустилась.
Она вскричала: «Мечь!» – и вот, пока
Потон стоял, склонившись перед нею
И поднимал копье, ее рука,
Та, что седую голову злодею
Снесла в кровати, в яростной тоске
Потона хватать с размаху по руке,
Такой могучей и такой виновной.
Она глядит с усмешкой хладнокровной,
Как пальцы вздрагивают на песке,
Как нервы, что под кожей таятся,
В последней судороге шевелятся.
С тех пор писать уже не мог Потон.
Но тут Ла Гир услышал друга стон,
И роковой удар наносит он
Прекрасной Розамор. Она упала,
Открылась грудь, два нежные цветка,
Высокий лоб блеснул из-под забрала,
Рассыпались ее кудрей шелка,
И взор, синеющий ясней сапфира,
Свидетельствует ясно, что она
Была для наслажденья создана.
Тяжелый вздох слетает с уст Ла Гира,
Он слезы льет и жалобно твердит:
«О, небо, я убийца, срам и стыд!
Теперь не рыцарь я – разбойник прямо!
Увы, навеки чести я лишен!
Подумать только – мной убита дама».
Но, как Есегда, насмешливый Ригамон
И грубый, как всегда, сказал: «Мне странно
Глядеть на твой сентиментальный пыл;
Ведь англичанка та, что ты убил,

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
И вряд ли девственница, как Иоанна».

Пока он эту грубость говорил,
Он чувствует, что ранен. Обозленный,
Дрожа от гнева, он летит вперед;
Британскими войсками окруженный,
Он и направо и налево бьет.
Ла Гир и он, рубя с ожесточеньем,
Как бы уносятся вперед теченьем;
Сраженных горы каждый миг растут,
Британцы делают из них редут;
К нему бросаются герои наши.

В кровавой и ужасной этой каше
Король сказал: «Мой милый Дюнуа,
Скажите мне, скажите, где она?»
«Кто?» – Дюнуа спросил. «Она ушла, –
Твердил король, – увы, что с нею стало?»
«С кем?» – «Нет ее! У замкового вала,
Когда мы с вами встретились... Бог мой...
Ее сегодня не было со мной...»
«Ее найдем мы», – молвила Иоанна.
«О боже, сохрани, – король просил, –
Агнесу верной мне!» – и наносил
Удары англичанам неустанно.

Но вскоре ночь, своюю пеленой
Таинственно окутав шар земной,
Остановила гордую забаву
Монарха, пожинаящего славу.

Воинственную прекратив игру,
Король узнал, что нынче поутру
Видали несколько особ прекрасных,
Что выделялась между них одна
Улыбкой, белизною рук атласных,
Божественной осанкою. Она
Легко скакала на седле богатом,
Ведя беседу с толстяком аббатом.
Оруженосцы с копьями в руках,
Сеньоры на арабских скакунах,
Которые то прядали, то ржали,
Прекрасных амазонок окружали.
Отряд великолепный проскакал
К дворцу, которого никто не знал,
Который оставался неизвестным
До той поры всем жителям окрестным,
Но роскошью причудливой блистал.

«Кто верен мне, тот следует за мною, –
При этой вести Карл сказал Бонио. –
На поиски поедем мы с зарею.
Пусть мне грозит опасность, все равно.
Я иль умру, иль отыщу Агнесу».
Он спал недолго. И едва в завесу
Небесных туч просунул фосфор нос,
Предшественник Авроры нежных роз,
Едва еще на небе запрягали
Коней для Солнца, как заведено, –
Король, Иоанна, Дюнуа, Бонно,
Вскочив в седло, немедля поскакали
Отыскивать таинственный дворец.
Карл молвил: «Только б мы ее сыскали!
А англичане подождут, ей-ей:
Всего важней соединиться с ней».

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Карл VII, Агнеса, Иоанна, Дюнуа, Ла Тримуйль и другие сошли с ума; и как заклинания преподобного отца Бонифация, королевского духовника, вернули им разум

Как много колдунов на этом свете!
Я о колдуньях уж не говорю.
Хоть юности я миновал зарю,
желаний цепи, увлечений сети,
Но иногда к обману, точно дети,
Склоняются и зрелые умы,
Особенно, когда наш совратитель –
В одеждах пышных мощный повелитель.
Он, вознеся, свергает в бездну тьмы,
Где горечь пьем и смерть находим мы.
Остерегайтесь сталкиваться с силой,
Какой владеют эти ведуны.
Читатель-друг! Коль чары вам нужны,
Пусть это будут чары вашей милой.

Гермафродит соорудил дворец,
Чтоб, задержав Агнесу в этом месте,
Подвергнуть страшной, небывалой мести
Дам, рыцарей, ослов, святых, всех вместе,
За то, что опозорился вконец
Благодаря их святости и чести.
Кто в замок очарованный вступал,
Своих друзей, тотчас позабывал,
Ум, память, чувства, все, чем жизнь прекрасна.
Вода, которой поят мертвецов
У гибельных летейских берегов,
В сравненье с этим – менее опасна.

Под портиком величественным здесь,
Различных стилей представлявшим смесь,
Разгуливал жеманно призраком пышный,
С горящим взором, поступью неслышной,
Стремительный, порывистый, живой,
Украшенный блестящей мишурой.
Он весь непостоянство, весь движенье
И называется – Воображенье.
Не та богиня чудной красоты,
Которая с волшебной высоты
Рим и Элладу озаряла светом,
Свои алмазы и свои цветы
Дарившая торжественным поэтам, –
Гомеру, вдохновенному слепцу,
Вергилию, поэту-мудрецу,
Овидию, изгнаннику-певцу, –
Но божество, чей здравый смысл хромает
И чей девиз: как можно больше ври;
К нему немало авторов взывает,
Оно напутствует и вдохновляет
Сорлена, Лемуана, Скюдери
И челуху струит из полной чаши
На оперы и на романы наши;
Театр, и суд, и университет –
Вымаливают у него совет.
Воображенье на руках качало

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org

Уродца-болтуна Галиматью;
«Глубокий», «серафический», бывало,
Он богословов поучал семью,
Толкуя томы непонятных бредней;
Нам всем известен труд его последний –

«История Марии Алакок»[81 – «История Марии Алакок» – Вольтер поясняет, что это «сочинение, редкое по количеству глупостей, принадлежит Лангэ, епископу Суассона».]

Жужжащим роем вокруг Воображенья
Вились Обман, Двусмысленность,
Намек, Навет, и Кривотолк, и Заблужденье,
Нелепая игра дурацких слов,
И Вымысел, и Толкованье снов.
Так вокруг совы под нежилою крышей
Летучие бесшумно вьются мыши.
Как бы там ни было, ужасный дом
Был сделан так, что, очутившись в нем,
Теряет разум человек, покуда
Судьба не выведет его оттуда.

Агнеса в глубь таинственных палат
Едва вошла на радость адским силам,
Как тотчас показался ей аббат
Не Бонифацием, а Карлом милым,
Любимым ею страстно, всей душой.
Она твердит: «Мой милый, мой герой,
Я счастлива, что вы опять со мной!
Не ранены ли вы? Где ваша свита?
Что армия британская – разбита?
Ах, дайте я кольчугу с вас сниму»
Она, в приливе нежности, желает
Снять рясу с Бонифация, вздыхает
И падает в объятия к нему.
С огнем в крови, со взором, полным света,
Агнеса ждет на поцелуй ответа.
Бедняжка, ты огорчена была,
Когда, ища надушенных фиалкой
Ланит, столкнулась с рыжею мочалкой,
Похожею на бороду козла?
Аббат боится, что сейчас погубит
Священный целомудрия обет,
И убегает. «Он меня не любит!» –
Кричит она, спеша ему вослед.

Пока они бежали друг за другом,
Аббат – крестясь, она – крича: «Постой!» –
Был поражен отчаянной мольбой
Их слух: то женщина, склонясь с испугом
Пред грозным рыцарем, одетым в сталь,
Молила о спасенье. Труд бесцельный:
Он меч схватил, ему ее не жаль,
Сейчас он нанесет удар смертельный,
В злодее этом можно ли узнать
Тримуйля, рыцаря, столь благородно
Готового везде, когда угодно
За Доротею жизнь свою отдать?
Он хочет Тирконеля наказать,
Заклятого врага воображая
В своей возлюбленной. Не узнавая
Тримуйля, Доротея, в свой черед,
На помощь друга верного зовет,
Потом твердит в заботе и печали:
«Ответьте, умоляю, не встречали
Вы господина сердца моего?
Он только что был здесь, и нет его.
О ла Тримуйль, о дорогой любовник,
Кто нашего несчастья виновник?»
Она напрасно это говорит,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Тримуйль не понимает слов подруги;
Ему мерещится, что гордый бритт
Пред ним – с мечом в руках, в стальной кольчуге
Вступить в борьбу с врагом стремится он,
Меч обнажив, идет на Доротею,
Так говоря: «Британец, я сумею
Заставить вас понизить дерзкий тон.
Наверное, перепились вы пива,
Грубьян, – он восклицает горделиво, –
Но меч мой вас научит на лету
Почтенью к рыцарю из Пуату,
Чьи предки славные во время оно
Без счета отправляли в мир теней
Таких же наглецов из Альбиона,
Но только похрабрей и познатней.
Что ж вы стоите, не берясь за шпагу,
Что ж потеряли вы свою отвагу,
Речь гордую и мужественный вид,
Британский заяц, английский Терсит?
Я знаю вас: в парламенте горланят,
А в битве трусят! Обнажай же меч,
Иль двести пятьдесят плетей изранят
Тебя от жирной задницы до плеч,
И медный лоб твой, заяц злополучный,
Я меткой заклею собственноручной».
Растерянна, едва дыша, бледна;
Внимает дева гордому герою.
«Не англичанин я, – твердит она, –
За что вы так обходитесь со мною?
Я ненавистна вам не потому ль,
Что мой любовник – славный Ла Тримуйль?
О, сжальтесь! Женщина в слезах и муке
Целует ваши доблестные руки!»
Она напрасно молит: глух и нем,
Тримуйль, рассвирепев уже совсем,
Схватить за горло хочет Доротею.
Но, дамой нагоняемый своею,
О них споткнувшись, бедный духовник
Вдруг падает и испускает крик;
Тримуйль его хватает в диком раже
За волосы и падает туда же;
С разбега кубарем – печальный вид –
Агнеса нежная на них летит;
И между ними бьется Доротея,
Зовя Тримуйля и кляня злодея.
С зарей, как это было решено,
Король, сопровождаемый Бонно
И Дюнуа с отважною Иоанной,
Поспешно направлялись в замок странный,
О, чудеса! О, сила волшебства!
Чтоб отыскать скорее след желанный.
Едва сошли они с коней, едва
За ними двери замка затворились,
Все четверо тотчас ума лишились.
Так и у нас в Париже доктора
Бывают и способны и учены,
Пока не настает для них пора
Торжественно вступить под сень Сорбонны,
Где Путаница и нелепый Спор
Устроились удобно с давних пор
И мысль разумная звучит как шутка;
Толпа ученых входит в этот храм;
На вид они не лишены рассудка,
Почтение они внушают вам,
Все смотрят сановито и прилично,
Все по-латыни говорят отлично,
Толкуют обо всех и обо всем,
И все же – это сумасшедший дом.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org

Карл, опьянен от нежности и счастья,
С блестящим взором, в неге сладострастья,
С сердцебиением и огнем в крови,
Твердит на нежном языке любви:
«Мой друг, моя Агнеса дорогая,
Моя красавица, мой рай земной,
Как часто я страдал, тебя теряя,
Как счастлив я, что ты опять со мной,
Опять в моих объятиях тесно, тесно!
О, если б знала ты, как ты прелестна!
Но будто пополнела ты слегка,
Тебя не может обхватить рука,
Не узнаю твой стан: он был так тонок.
Какой живот, и бедра, и бока!
Агнеса! Это будет наш ребенок,
Наш милый сын, любви бесценный плод,
Который Францию превознесет.
Пусти меня скорее к милой детке,
Дай поглядеть, удобно ли ему,
Пусть милый плод к родной приникнет ветке,
Пусти меня к ребенку моему».
Кому, пусть сам читатель отгадает,
Прекрасный Карл восторги расточает?
Кого в объятиях сжимает он?
То был Бонно, пыхтящий, потный, жирный,
То был Бонно, который поражен
Был, как никто на всей земле обширной.
Все в Карле страстью воспламенено;
Он шепчет: «Этот миг я не забуду!»
И вмиг на человеческую грудь
Бросает неповинного Бонно.
Какие вопли раздались, о Муза,
Под тяжестью нечаянного груза!
Аббат, слегка опомнившись, вперед
Старается просунуть свой живот,
Агнесу топчет, давит Доротею;
Бонно, вскочив, за ним бежит в аллею.
Но Ла Тримуйлю кажется, что ту,
Но ком его душа всегда пылает,
Его красавицу, его мечту
Толстяк бегущий дерзко похищает.
Он за Бонно бежит, крича ему:
«Отдай ее, иль силой отниму!
Стой, подожди!» и бедного детину
Со страшной силой ударяет в спину.
Бонно прекрасную броню носил,
С ней расставаясь лишь в опочивальне;
Удар по ней подобен грому был
Иль стуку молота по наковальне;
Его торопит страх, в глазах темно.
Иоанна, видя бедствие Бонно,
Бегущего в отчаянном испуге,
Иоанна, в шлеме и в стальной кольчуге,
Летит к Тримуйлю, и ее рука
Выплачивает долг за толстяка.
Бастард, прославленный по всей отчизне,
Зрит, что опасность угрожает жизни
Тримуйля дорогого. Не ему ль
В любви и верности клялся Тримуйль?
Бастард прекрасный принимает Деву
За англичанина, несется к ней
И, справедливому отдавшись гневу,
Все, что досталось дружеской спине,
Спешит Иоанне возвратить вдвойне.

Карл благородный, созерцавший это,
Своих желаний не терял предмета
И, видя, что Агнесу бьют, за меч

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Хватается, не в силах удержаться.
Он хочет за нее костями лечь,
Он с целой армией готов сражаться.
И кажется ему, что заодно
Все, находящиеся вору Бонно.
Он колет Дюнуа куда попало,
А тот с размаху бьет его в забрало,
Несноснейшую причиняя боль.
Когда б он знал, что это был король,
Наш рыцарь ужаснулся бы, наверно.
И устыдился бы себя безмерно!
Бастард и Деву ранит; та его
Разит мечом в неистовстве и гневе;
Но рыцарь, не страшась ничего,
Бросает вызов королю и Деве;
Направо и налево, здесь и там,
Он их с размаху бьет по головам.
Иоанна, Дюнуа, остановитесь!
Как будет горько вашему уму
Понять впоследствии, с кем бился витязь,
Удары Девы сыпала кому!
Тримуйль с неостывающей отвагой
Дерется с кем попало и порой
Иоанны прелести щекочет шпагой.
Бонно не занят этою игрой,
Гул битвы меньше всех его смущает.
Он получает, но не возвращает
И со слезами бегаёт кругом,
Опережаемый духовником.
Круговоротом бешеная злоба
Бурлит широко по всему дворцу,
И верные друзья, лицом к лицу,
Сражаются, любя друг друга оба,
Агнеса стонет, Доротея льет
Потоки слез и милого зовет.
Тут Бонифаций, полный сокрушенья,
Уже уставший призывать творца,
Заметил, что на битву с возвышеньем
Хозяин грозный этого дворца,
Гермафродит, обыкновенно хмурый,
Глядит, держась от смеха за бока.
Мгновенно голова духовника,
Где под защиту святой тонзуры
Еще остался смысл, озарена
Была догадкою, что, без сомненья,
Винючник и зачинщик Сатана
Неслыханного самоизбиенья.
Он вспомнил, что Бонно носил с собой
Мускат, гвоздику, перец, соль, левкой,
При помощи которых наши деда
Различные предотвращали беды.
Духовнику был кстати груз такой.
Молитвенник при нем был. В тяжелой доле
Набрел он на спасительную нить,
При помощи молитв и горсти соли
Лукавого задумав изловить.
Над таинством трудясь, подобно магам,
Бормочет он: «Sanctam, Catholicam,
Papat, Romam, aquam benedictam»;
И, чашу взяв, спешит проворным шагом
Врасплох святою окропить водой
Отродие Алисы молодой.
Едва ли Стикса огненная влага
Для грешников губительней была.
Волшебник загорелся, как бумага,
И вместе с замком, сим жилищем зла,
Его заволокла густая мгла.
Еще не исцелившись от недуга,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Искали рыцари во тьме друг друга.
Мгновение спустя обман исчез;
Нет больше битв, ошибок, злых чудес,
Любовь опять сменила раздраженье,
Ничто не затемняло больше глаз,
Вернулся, бывший в их распоряженье,
Рассудка незначительный запас;
Увы, к стыду людей, на нашем свете
Нетрудно исчерпать запасы эти.
Совсем как напроказившие дети,
Смотрели паладины в этот час;
Полны смиренья и господня страха,
Они поют псалмы у ног монаха.
О благородный Карл! О Л а Тримуйль!
я восхищенье ваше опишу ль?
Повсюду слышалось: «Моя Агнеса!
Мой ангел! Мой король! Моя любовь!
Счастливы день! Счастливы миг! Завеса
Упала с глаз! Тебя я вижу вновь!»
На сто вопросов с этих уст счастливых
Слетает сто ответов торопливых,
Но чувств не может выразить язык.
Отеческие взоры духовник
На них бросая, в стороне молился.
Бастард к Иоанне нежно наклонился
Со скромным выраженьем чувств своих.
Тут постоянный спутник страсти их,
Осел священный, Франции на славу,
Издав громopodobную октаву
Всей силой легких. Небо потрясла
Октава благородного осла.
Качнулись стены замка. Задрожала
Земля, и Девственница увидала,
Как падают при звуках громовых
Сто башен медных, сто дверей стальных.
Так было раз уже во время оно,
Когда, презрев кровопролитный бой,
Евреи укрепленья Иерихона
В единый миг разрушили трубой.
Теперь чудес подобных не бывает.
Мгновенно замок вид переменяет
И, созданный неверием и злом,
Становится святым монастырем.
Салон Гермафродита стал часовней.
Опочивальня, прочих мест греховней,
Где буйствовал хозяин по ночам,
Преобразилась в величавый храм.
По мудрому творца определенью,
Не изменила местоназначенью
Лишь зала пиршеств, и в стенах ее
Благословляют пищу и питье.
Душою в Реймсе, в стенах Орлеана,
Так говорила Дюнуа Иоанна:
«Все нам благоприятствует.
Заря Любви и славы светит нам отныне;
И дьявол посрамлен в своей гордыне,
Беспомощною злобою горя».
Она ошиблась, это говоря.

Конец песни семнадцатой

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Злоключения Карла и его золотой свиты

Нет в летописях ни одной страны!
Такого мудреца или пророка,
Который бы не потерпел жестоко,
По прихоти завистливого рока,
От происков врагов иль Сатаны.

Французского монарха от рожденья
Испытывала воля провиденья;
Его воспитывали кое-как;
Его преследовал Бургундский враг[82 – Бургундский враг – Жан
Бесстрашный, герцог Бургундский (1371 – 1419), убивший брата Карла VII Людовика
Орлеанского.];

Отец лишил законного владенья;
К суду юнец несчастный призван был
Парламентом Парижа близ Гонессы;
Британец лилии его носил;
Ему порой не удавалось мессы
Прослушать; он скитаться и блуждать
Привык. Любовница, друг, дядя, мать –
Все предали его и все забыли.
Агнесою воспользовался бритт;
Благодаря нечистой адской силе
Искусным волшебством Гермафродит
Ему к любимой преградил дорогу.
Он в жизни много испытал обид,
Но он их вынес, – так угодно богу.

Покинув замок, где не так давно
Агнеса, паладины и Бонно
Коварство Вельзевула испытали,
Любовники, беседея, скакали;
По краю леса ехали они,
Что назван Орлеанским в наши дни.
Еще супруга сонная Тифона
Едва мешала краски небосклона,
Как вдруг суровой Девственницы взгляд
Заметил за деревьями солдат
В коротких юбках; на их куртках были
Три леопарда средь французских лилий.
Король остановил коня. Ему
Неясна даль была сквозь полутьму.

Сам Дюнуа считал, что дело странно.
Агнеса же, едва тая испуг,
Шепнула королю: «Бежим, мой друг».
Приблизившись, увидела Иоанна
Каких-то пленных, по двое, в цепях;
Их лица выражали скорбь и страх.
«Увы! – она отважно восклицает. –
Ведь это рыцари. Священный долг
Освободить их нам повелевает.
Покажем бриттам, будь их целый полк,
Что может Дюнуа, что может Дева!»
И, копьа наклонив, дрожа от гнева,
Они бросаются на часовых.
Заметив вид их грозный и надменный,
Услышав, как ревет осел священный,
Трусливые воители тотчас,
Как стая гончих, исчезают с глаз.
Иоанна, гордая удачной схваткой,
Приветствовала пленных речью краткой:
«О рыцари, добыча злых оков,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org

Пред королем-защитником склонитесь,
Ему служить достойно поклянитесь,
И бросимся совместно на врагов». Но рыцари на это предложенье
Не отвечали вовсе. Их смущенье
Еще усилилось. Читатель мой,
Ты хочешь знать, кто эти люди были,
Стоявшие безмолвною толпой? То были жулики.

Их присудили, и, право же, заслуженно вполне,
Грести на Амфитритиной спине[83 – Грести на амфитритиной спине –
то есть на галерах, куда ссылали каторжников. Амфитрита – в греческой мифологии
морская богиня, жена бога Посейдона.];

Узнать легко их по нарядам было.
Взглянув на них, король вздохнул уныло,
«Увы, – он молвил, – суждено опять
Горчайшую печаль мне испытать.
Державой нашей англичане правят,
Чинят расправу и творят свой суд!
Их величают, их в соборах славят,
Их властью подданных моих ведут
На каторжные страшные работы!..»

И государь, исполненный заботы,
К молодчику приблизиться решил,
Который во главе отряда был.
Мерзавец тот смотрел ужасно скверно:
Он рыжей бороды давно не брил;
Улыбкой рот кривился; лицемерно
Двоился взгляд трусливый и косой;
Казалось, что всклокоченные брови
Какой-то замысел скрывают злой;
На лбу его – бесчинство, жажда крови,
Презренье правил, свой на все закон;
К тому же скрежетал зубами он.
Обманщик гнусный, видя властелина,
Улыбкой, выражением лица
Походит на почтительного сына,
(Который видит доброго отца.
Таков и пес, свирепый и громадный,
Охрипнувший от лая, к драке жадный:
Хозяина заметив, он юлит,
Он самый льстивый принимает вид
И кротче агнца ради корки хлеба.
Иль так еще противник дерзкий неба,
Из ада вырвавшись и спрятав хвост,
Является меж нас, любезен, прост,
И, как отшельник, соблюдает пост,
Чтоб лишь верней смутить ночные грезы
Святой сестры Агаты или Розы.
Прекрасный Карл, обманутый плутом,
Его ободрил ласково. Потом
Спросил его, исполненный заботы:
«Скажи мне, друг, откуда ты и кто ты,
Где родился, как жил, чем промышлял,
И кто, сводя с тобой былые счеты,
Тебя так беспощадно наказал?»
Печально отвечает осужденный:
«О мой король, чрезмерно благосклонный!
Из Нанта я, зовут меня Фрелон.
Я к Иисусу сердцем устремлен;
Живал в монастырях, живал и в свете,
И в жизни у меня один закон:
Чтоб были счастливы и сыты дети.
Я отдал добродетели себя.
В Париже с пользой работал я,
Насмешки едкой в ход пуская плети.
Моим издателем был сам Ламбер;
Известен я на площади Мобер;

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Там равный мне нашелся бы едва ли.
Безбожники, конечно, обвиняли
Меня в различных слабостях; порой
Не прочь бывали счеты свести со мной;
Но для меня судья – одна лишь совесть».

Растрогала монарха эта повесть.
«Утешься и не бойся ничего, –
Он говорит ему. – Ответь мне, все ли
Из тех, кого в Марсель угнать хотели,
Добро, как ты, чтут более всего?»
«Любой мое занять достоин место,
Бог мне порукой, – отвечал Фрелон. –
Из одного мы и того же теста.
Сосед мой, например, аббат койон,
Что б там ни говорили, добрый малый,
Благоразумный, сдержанный, не шалый,
Не забияка и не клеветник.
Вот господин Шоме, невзрачный, серый,
Но сердцем – благочестия родник;
Он рад быть высеченным ради веры.
Вон там Гоша. Он в текстах, видит бог,
Равинов лучших посрамить бы мог.
Вот тот, в сторонке, – адвокат без дела:
Он бросил суд, он божий раб всецело.
То Саботье. О, мудрых торжество!
О, ум тончайший! О, святой священник!
Он предал господина своего,
Но ведь немного взял за это денег.
Он продан, но это не беда.
Он занимался, как и я, писаньем,
Печати послужил он с дарованьем,
Полезен будет он и вам всегда.
В наш век ведь отданы успех и слава
Лишь тем из авторов, кто грязен, право!
Нас, бескорыстных, зависть оплела.
Таков удел всего святого. Эти ль
Презренные нас удивят дела?
Всегда, везде гонима добродетель,
Король! Кто знает это лучше вас?»
Внимая звуку слов его столь лестных,
Карл увидал еще двух неизвестных,
Скрывавших лица, словно бы стыдясь.
«Кто это?» – молвил он, с огнем во взоре.

Газетчик отвечал: «Сказать не грех,
Что это доблестнейшие из всех,
Кто собирается пуститься в море.
Один из них фантен, святой аббат.
Он любит знатных, он незнатным рад.
Он пастырь душ живых. Но все ж толкала
Его порой и к умиравшим страсть,
Чтоб исповедать их и обокрасть,
Другой – Бризе, монахинь попечитель;
Он прелестей их тайных не любитель,
Предпочитая мудро их казну.
Не ставлю это я ему в вину:
Он не любил металла, но боялся,
Чтоб тот безбожным людям не достался.
Последний из ссылаемых в Марсель –
Моя опора, добрый Ла Бомель.
Из всей моей ватаги лицемерной
Он самый подлый, но и самый верный.
Рассеян он немного, грех тот есть;
Ему порою, меж трудов, случалось
В карман чужой, как будто в свой, залезть,
Но чье перо с его пером сравнялось!
Он знает, сколь для немощных умов

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Тлетворна истина; он понимает,
что свет ее опасен для глупцов,
что им тупица злоупотребляет,
и дал обет сей мудрый человек
ни слова правды не сказать вовек.
Я, мой король, ее вещаю смело;
мне дороги и вы, и ваше дело,
и я потомкам говорю о том.
Но я молю вас: не воздайте злом
нам, клеветой униженным жестоко;
спасите добрых из сетей порока;
освободите, оплатите нас;
клянусь, писать мы будем лишь для вас».

Он тут же речь составил; в ней со страстью
к единству звал он под законной властью,
клял англичан и утверждал, что в нем
нашел опору королевский дом.
Карл, слушая, вздыхал посередине,
глядел на всех, исполненный забот,
и тут же объявил, что их отныне
под покровительство свое берет.

Прекрасная Агнеса, стоя рядом,
растроганным на всех сияла взглядом.
Она была добра: известно нам,
что женщины, служащие Киприде,
чувствительней других к чужой обиде.
Она сказала: «Этим молодцам
день выдался сегодня очень славный:
они впервые в жизни видят вас
и празднуют освобожденья час.
Улыбка ваша – счастья признак явный.
О, как могли судейские чины
не признавать хозяина страны,
с законным государем не считаться!
им судьями не должно называться!
я видела, как эти господа,
блюстители престола и свободы,
тупые и надменные всегда,
забрали королевские доходы,
в суд вызвали монарха своего
и отняли корону от него.
несчастные, стоящие пред вами,
преследуемы теми же властями;
они вам ближе сыновей родных;
изгнанник вы, – отмстите же за них».

Ее слова монарха умилили:
в нем чувства добрые всеильны были.
Иоанна же, чей дух был не таков,
повесить предложила молодцов,
считая, что давно бы всем Фрелонам
пора болтаться по ветвям зеленым;
но Дюнуа не согласился с ней:
он был благоразумней и умней.
«У нас порой в солдатах недостаток,
нам не хватает рук во время схваток;
используем же этих молодцов.
для приступов, осады и боев
нам не нужны писаки и поэты;
их ремесло я изменить готов,
им в руки дав не весла, а мушкеты.
они бумагу пачкали; пускай
теперь идут спасать родимый край!»
король французов был того же мненья.
тут обуял несчастных пленных страх,
все бросились к его ногам, в слезах.

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Их поместили около строения.
Где Карл, в сопровождении двора,
Решил остаться на ночь до утра.
Агнеса так была душой добра,
Что пир решила им устроить редкий:
Бонно им снес монаршие объедки.

Карл весело поужинал, потом
Лег отдохнуть с Агнесою вдвоем.
Проснувшись, оба раскрывают вежды
И видят, что исчезли их одежды.
Агнеса тщетно ищет их кругом, –
Их нет, как и жемчужного браслета,
А также королевского портрета.
У толстого Бонно из кошелька
Похитила какая-то рука
Все деньги христианнейшей короны.
Ни ложек нет, ни платьев, ни куска
Говядины. Койоны и Фрелоны,
Минуты лишней не теряя зря,
Заботою и рвением горя,
Немедля короля освободили
Ото всего, чем был он окружен.
Им думалось, что мужеству и силе
Противна роскошь, как учил Платон.
Они ушли, храня монарха сон,
И в кабаке добычу поделили;
Там ими был написан и трактат
Высокохристианский о презренье
К земным благам и суете услад.
Доказывалось в этом сочиненье,
Что все на свете – братья, что должно
Наследье божье быть поделено
И каждому принадлежать равно.
Впоследствии святую книгу эту,
По праву полюбившуюся свету,
Дополнила ученых справок тьма,
Для руководства сердца и ума.

Всю свиту королевскую в смущенье
Повергло дерзостное похищенье,
Но не найти нигде уже вещей.
Так некогда приветливый Финей,
Фракийский царь, и набожный Эней
Чуть было не утратили дыханья
От изумленья и негодованья,
Заметив, что у них ни крошки нет,
Что гарпии пожрали их обед.
Агнеса плачет, плачет Доротея,
Ничем прикрыться даже не имея,
Но вид Бонно, в поту, почти без сил,
Их все-таки слегка развеселил.
«Ах, боже мой, – кричал он, – неужели
У нас украли все, что мы имели!
Ах, я не выдержу: нет ни гроша!
У короля добрейшая душа,
Но вот развязка – посудите сами,
Вот плата за беседу с мудрецами».
Агнеса, незлобивая душой
И скорая всегда на примиренье,
Ему в ответ: «Бонно мой дорогой,
Не дай господь, чтоб это приключенье
Внушило вам отныне отвращенье
К науке и словесности родной:
Писателей я очень многих знала,
Не подлецов и не воров нимало,
Любивших бескорыстно короля,
Проживших, о подачках не моля,
Страница 120

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
И говоривших прозой и стихами
О доблестях, но доблестных делами;
Общественное благо – лучший дар
За их труды: их наставленья строго,
Но полно сладких и отрадных чар;
Их любят все, их голос – голос бога;
Есть и плуты, но ведь и честных много!»
Бонно ей возразил: «Увы! Увы!
Пустое дело говорите вы!
Пора обедать, а кошель потерян».
Его все утешают: всяк уверен,
Что в скором времени и без труда
Забудется случайная беда.
Решили двинуться сию минуту
Все в город, к замку, к верному приюту,
Где и король, и каждый паладин
Найдут постель, еду и много вин.
Оделись рыцари во что попало,
На дамах тоже платья было мало,
И добрались до города гуськом,
Одни в чулках, другие босиком.

Конец песни восемнадцатой

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Смерть храброго и нежного Ла Тримуйля и прелестной Доротеи. Суровый Тирконель делается картезианцем

Из чрева Атропос ты рождена,
Дочь смерти, беспощадная война,
Разбой, который мы зовем геройством!
Благодаря твоим ужасным свойствам
Земля в слезах, в крови, разорена.
Когда на смертного идут согласно
Марс и Амур и рыцаря рука,
Что в тайные минуты неги страстной
Была так ласкова, нежна, легка,
Пронзает грудь уверенно и грубо,
Которой для него дороже нет,
Грудь, где его пылающие губы
Столь трогательный оставляли след;
Когда он видит, как тускнеет свет
В дышавших преданной любовью взорах, –
Такая участь более мрачна,
Чем гибель ста солдат, за жизнь которых
Монетой звонкой уплатить сполна
Успела королевская казна.

Вновь получив рассудка дар убогий,
Который нам в насмешку дали боги,
Король, отрядом окружен своим,
Скакал вперед, желаньем битв томим.
Они спешили к стенам городским
И к замку, чьи хранили укрепленья
Доспехов Марсовых обширный склад,
Мечей, и пушек, и всего, что ад
Нам дал для страшного употребления.
Завидев башни гордые вдали,

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Они поспешно крупной рысью шли,
Горды, самоуверенны, упрямы.

Но Ла Тримуйль, который, возле дамы
Своей гарцуя, о любви шептал,
От спутников нечаянно отстал
И сбился тотчас же с пути. В долине,
Где звонко плещется источник синий
И, возвышаясь вроде пирамид,
Строй кипарисов сладостно шумит,
Где все полно покоя и прохлады,
Есть грот заманчивый, куда Наяды
С Сильванами уходят в летний зной.
Там ручеек капризною волной
Красивые образовал каскады;
Повсюду травы пышно разрослись,
Желтофиоль, и кашка, и мелис,
Жасмин пахучий с ландышем прелестным,
Шепча как будто пастухам окрестным
Привет и приглашение прилечь.
Всем сердцем славный Ла Тримуйль их речь
Почувствовал. Зефиры, нежно вея,
Любовь, природа, утро, Доротея –
Все чаровало душу, слух и взгляд.
Любовники сойти с коней спешат,
Располагаются на травке рядом
И предаются ласкам и усладам.
Марс и Венера с высоты небес
Достойнее б картины не сыскали;
Из чаши нимфы им рукоплескали,
И птицы, наполняющие лес,
Защебетали слаще и любовней.
Но тут же рядом был погост с часовней,
Обитель смерти, мертвецов приют;
Останки смертные Шандоса тут
Погребены лишь накануне были.
Над прахом два священника твердили
Уныло «De Profundis»[84 – «Из бездны» (лат.). – заупокойная

молитва.]. Тирконель

Присутствовал во время этой службы
Не из-за благочестья, а из дружбы.
Одна у них была с Шандосом цель:
Распутство, бесшабашная отвага
И жалости не ведавшая шпага.
Привязанность к Шандосу он питал,
Насколько мог быть Тирконель привязан,
И, что убийца будет им наказан,
Он клятву злобную у гроба дал.

В окошко он увидел меж ветвей
Пасущихся у грота двух коней.
Он направляется туда; со ржаньем
Бегут к пещере кони от него,
Где, отданные сладостным желаньям,
Любовники не видят ничего.
Поль Тирконель, чей бессердечный разум
Чужого счастья был вечный враг,
Окинул их высокомерным глазом
И, подойдя к ним, закричал: «Вот как!
Так вот какой срамной разгул устрою,
Вы память оскорбляете героя!
Отбросы жалкого двора, так вот
Что делаете вы, когда умрет
Британец, полный доблести и силы!
Целуетесь вы у его могилы,
Пастушеский разыгрывая рай!
Ты ль это, гнусный рыцарь, отвечай,
Твоею ли рукой британский воин.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Которому ты даже недостойн
Служить оруженосцем, срам и стыд,
Каким-то странным образом убит?
Что ж на свою любовницу глядишь ты
И ничего в ответ не говоришь ты?»

На эту речь Тримуйль сказал в ответ:
«Средь подвигов моих – такого нет.
Великий Марс всегда распоряжался
Судьбою рыцарей и их побед, –
Он так судил. С Шандосом я сражался,
Но более счастливою рукой
Британский рыцарь был смертельно ранен;
Хотя сегодня, может быть, и мной
Наказан будет дерзкий англичанин».

Как ветер крепнувший сперва чуть-чуть
Рябит волны серебряную грудь,
Растет, бурлит, срывает мачты в воду,
Распространяя страх на всю природу, –
Так Ла Тримуйль и Тирконель сперва,
Готовясь к поединку, говорили
Обидные и колкие слова.
Без панцирей и шлемов оба были:
Тримуйль в пещере бросил кое-как
Копье, перчатки, панцирь и шишак –
Все, что необходимо для сраженья;
Себя удобней чувствовал он так:
Помеха в час любви вооруженье!
Был Тирконель всегда вооружен,
Но шлем свой золотой оставил он
В часовне вместе со стальной кольчугой –
В сражениях испытанной подругой.
Лишь рукояти верного клинка
Не выпускает рыцаря рука.
Он обнажает меч. Тримуйль мгновенно
Бросается к оружию своему;
Противника, смотрящего надменно,
Готовый наказать, кричит ему,
Пылая гневом: «Погоди, дружище,
Сейчас отведаешь ты славной пищи,
Разбойник, притворившийся ханжой,
Чтобы смущать любовников покой!»
Вскричал – и устремляется на бритта.
Так на фригийских некогда полях
В бой с Менелаем Гектор шел открыто
У плачущей Елены на глазах.
Пещеру, небо, воздух Доротея,
Скрывать свои печали не умея,
Стенаньем огласила. Как она,
Несчастливая, была потрясена!
Она твердила: «Пламя поцелуя
Последнего на мне еще горит!
О боже, потерять все, что люблю я!
Ах, милый Ла Тримуйль! О гнусный бритт,
Пусть грудь мою ваш острый меч пронзит!»
Так говоря, со взором, полным муки,
Бросается, протягивая руки,
Между сражающимися она.
Уж грудь Тримуйля, что с такой любовью
Она ласкала, вся обагрена
Горячею струящею кровью
(Удара сокрушительного след);
Француз отважный на удар в ответ
Коварного британца поражает,
Но Доротея между них, увы!
О небо, о Амур, где были вы!
Какой любовник это прочитает,

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org

Не оросив слезами грустных строк!
Ужель достойнейший любовник мог,
Такой любимый и такой влюбленный
Убить подругу, гневом ослепленный!
Сталь закаленная, орудье зла,
Вонзилась в сердце, где любовь жила...
То сердце, что всегда открыто было
Тримуйлю, пронзено его рукой.
Она шатается... Зовет с тоской
Тримуйля своего... В ней гаснет сила...
Она пытается глаза открыть,
Чтоб милый образ дольше сохранить,
И, лежа на земле, уже во власти
Ужасной смерти, с холодом в крови,
Она ему клянется в вечной страсти;
Последние слова, слова любви,
С коснеющего языка слетели,
И кровь застыла в бездыханном теле.
Ее несчастный Ла Тримуйль увы,
Не слышал ничего. Вкруг головы
Его витала смерть. Облитый кровью,
Упал он рядом со своей любовью,
Своей избранницей, и утопал
В ее крови, и этого не знал.
Оцепенев, британец беспощадный
Стоял в молчании. Он не владел
Своими чувствами. Так Атлас хладный,
Бесчувственный, суровый и громадный,
Скалою стал, навек окаменел.
Но жалость, в чьей благословенной власти
Смягчать суровые людские страсти,
Ему свою явила благодать:
Его душа сочувствием согрета;
Он начал Доротее помогать,
И на ее груди он два портрета
Находит: Доротея их везде
И в радости хранила и в беде.
Изображен великолепный воин
Был на одном портрете. Как гроза,
Был Ла Тримуйль красив. Его глаза
Сияли ясно, словно бирюза.
Сказал британец: «Он любви достоин».
Но что, о Тирконель, промолвил ты,
Увидя на другом свои черты?
Глядит он в изумленье и тревоге.
Какая неожиданность, о боги!
И тотчас вспомнил он, как по дороге
В Милан он с юной Карминеттой свел
Знакомство и подругу в ней нашел,
И как потом, в печальный час разлуки,
Прощаясь с ней три месяца спустя,
Когда она уже ждала дитя,
Ее целуя, положил ей в руки,
Написанный Беллини, свой портрет.
Искусное произведение это
Узнал он. Мать убитой – Карминетта,
А Тирконель – отец, сомненья нет.

Он был суровым холодом отмечен.
Но не бездушен, не бесчеловечен.
Когда таких людей печаль язвит,
Когда их постигает боль иль стыд,
Они сильнее их отдаются власти,
Чем человек, что быть рабом привык
Любого ощущения иль страсти:
Легко сгорает на ветру тростник,
Но в горне медь пылает большим жаром.
Британец, страшным потрясен ударом,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Глядел на дочь, лежавшую у ног,
И зарыдал впервые, видит бог,
Воспользовавшись тем священным даром,
который в скорби облегчает нас.
Он с трупа дочери не сводит глаз,
Ее целует он и обнимает,
Окрестность жалобами наполняет
И, проклиная этот день и час,
Без чувства падает. Тримуйль прекрасный
Сквозь забытие услышал крик ужасный!
Он взор полуоткрыл и в тот же миг
Он понял, что навек лишился ласки;
Из милой груди он спешит изъять
Свой меч и прямо на клинок дамасский
Бросается. Булат по рукоять
Вошел в него, и кровию своею
Несчастный рыцарь залил Доротею.

На крик британца собрался народ.
Священники, оруженосцы, слуги
На это зрелище глядят в испуге;
В сердцах бесчувственных растаял лед.
О, если бы они не подоспели,
Наверно б жизнь угасла в Тирконеле!

Немного успокоившийся бритт,
Смирив свое волнение и стыд,
Тела влюбленных положить велит
На копья, связанные, как носилки;
И в лагерь королевский скорбный прах
Солдаты хмурые несут в слезах.

Поль Тирконель, в своих порывах пылкий,
Немедля принимал решенья. Вдруг
Возненавидел он любовь, природу,
И дев, и женщин, и свою свободу;
Он на коня садится и без слуг,
С потухшим взглядом, мрачный и безмолвный,
Спешит уехать, размышлений полный.
Спустя немного дней, прибыв в Кале,
Плывет он в Англию на корабле;
Там облачается суровой схпмой
Святого Бруно и, тоской томимый,
Над жизнью мирскою ставит крест;
Всегда молчит, скоромного не ест;
Казалось, смерть одна ему желанна.
Однако набожность в нем не жила.

Когда король, Агнеса и Иоанна
Увидели любовников тела,
Недавно столь прекрасных и счастливых,
Покрытых кровью и землей сейчас,
То слезы градом полились из глаз
У нежных жен и мужей горделивых.
Троянцев меньший ужас поразил,
Когда добычей смерти бледнолицей
Стал Гектор и помчал за колесницей
Его в знак скромной радости Ахилл,
Главу героя волоча средь праха,
Топча сраженные тела без страха,
В живых рождая трепет и испуг;
Тогда, по крайней мере, Андромаха
Осталась жить, хотя погиб супруг.
Агнеса, горьким плачем заливаясь
И к плачущему Карлу прижимаясь,
Шептала так: «Быть может, и для нас
Когда-нибудь такой наступит час;
О, если б жить, вовек не разлучаясь,

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Душой и телом вечно возле вас!»

Заметив, что не умолкают стоны
И без конца готовы слезы течь,
Иоанна голос грозно-непреклонный
Возвысила и начинает речь:
«Не слезы здесь нужны, а добрый меч;
За них отмстим мы поздно или рано
Британской кровью на полях войны.
Король, взгляните: стены Орлеана
Еще британцами окружены.
Взгляните: взрытые недавним боем,
Еще дымятся кровию поля,
Где полегли французы гордым строем
Во имя Франции и короля.
Так отдадим скорее долг героям
И, нанеся удар британцам злым,
За рыцаря и деву отмстим!
Король не плакать должен, а сражаться.
Агнеса, полно грусти предаваться;
Отвагу вы и ненависть к врагу
Должны внушать любовнику, который
Рожден быть милой родине опорой».
Агнеса отвечала: «Не могу».

Конец песни девятнадцатой

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Как Иоанна впала в странное искушение; нежная дерзость ее осла; доблестное сопротивление Девы

Весьма нестойки дамы и мужчины;
Людские добродетели хрупки:
Они сосуды дивные из глины,
Чуть тронь – и треснут. Склеить черепки?
Но склеенные не прочны кувшины.
Заботливо оберегать сосуд,
Хранить его от порчи – тщетный труд.
Порукой этому – пример Адама,
И Лот почтенный, и слепец Самсон,
Святой Давид и мудрый Соломон,
Любая обольстительная дама –
Великолепный перечень имен
Из Старого и Нового завета.
Я нежный пол не осужу за это.
К чему лукавить: сладостны для нас
Капризы, выдумки, игра, отказ;
Но все-таки иные положенья,
Иные вкусы стоят осужденья.
Я видел как-то обезьянку, дрянь,
Рябую, волосатую.. И что же:
Красавицы ее ласкала длань,
Как будто это купидон пригожий!
Осел крылатый, может быть, в сто раз
Красивей фата в щегольском мундире,
Но все-таки.. Красавицы, для вас,
Для вас одних, бряцаю я на лире;
Послушайте правдивый сей рассказ

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
О том, как обманул осел красивый
На миг Иоаннин разум горделивый;
Не я, а мудрый и красноречивый
Аббат Тритем вам это говорит.

В аду, где пламя вечное горит,
Ужасный Грибурдон, исполнен гнева
На героиню, не забыл того,
Как голову пробитую его
Однажды палашом срубила Дева.
Он мести, богохульствуя, искал.
«Великий Вельзевул! – он умолял. –
Нельзя ли сделать, чтобы грех неожиданный
Бесчувственную овладел Иоанной?
Ведь это чести для тебя вопрос».
Когда он это говорил, принес
Внезапный вихорь в ад Гермафродита.
На роже мерзостной его следы
Еще виднелись от святой воды.
Он тоже к мщению взывал открыто.
Монах, кудесник и отец всех бед,
Сойдясь втроем, устроили совет.
Увы, обильны и разнообразны
Для женщин выдуманные соблазны!
Известно было этой шайке грязной,
Что ключ хранит под юбкою своей
От осаждаемого Орлеана
И от судеб всей Франции Иоанна,
Доверенный святым Денисом ей.
Что во вселенной дьявола хитрей?
Спешит на землю он без промедленья
К своим друзьям британцам, чтоб узнать,
Сильна ли в Девственнице благодать.
В то время, ожидая подкрепленья,
Карл с милой, Дева, духовник, Бонно,
Бастард, осел, лишь сделалось темно,
Вернулись в форт. А городские стены
Чинились день и ночь в четыре смены,
Чтоб в брешь враги проникнуть не могли.
Британцы же пока что отошли.
Карл и Бедфорд, британцы и французы
Пужинали и ложатся спать.
Дрожите, целомудренные Музы,
Узнав, о чем хочу я рассказать.
И вы, друзья, к повествованью барда
Прислушайтесь, полезному для всех,
Благодаря Дениса и бастарда
За то, что не свершился страшный грех.

Вы помните, что обещал я с вами
Рассказом поделиться об осле,
Святом Пегасе с длинными ушами,
Который бился с разными врагами
С бастардом иль Иоанною в седле.
Вы видели, как в синеве небесной
В Ломбардию летел осел чудесный.
Вернулся он, но с ревностью в крови.
Нося Иоанну, он общеизвестный
Почувствовал закон, закон любви,
Живительный огонь, дух и пружину
Всего живущего, первопричину,
Которая в пространстве и волнах
Бездушный одухотворяет прах.
Для мира скудного во мраке ночи
Последние лучи его блестят,
Он в небесах был для Пандоры взят,
Но с той поры светильник стал короче,
Он гаснет. Он не разгорится вновь,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
И производит в наши дни Природа
Одну несовершенную любовь.
Вы не найдете на земле народа,
Где б сохранился этот чудный свет
В великолепии минувших лет.
Его искать в подлунной – труд напрасный;
Быть может, он в Аркадии прекрасной.

Вы, Селадоны в рясе и броне,
Все, кто в цветочные запутан сети,
Гуляки и степенные вполне
Полковники, аббаты, старцы, дети,
Во избежание ужасных зол,
Ослу не верьте никогда. Осел
Был у латинян, золотой, чудесный,
Своими превращеньями известный,
Но он был человек, и потому
За нашим не угнаться и ему.

Аббат Тритем, ум сильный и свободный,
Ученей вдвое, чем педант Ларше,
Историк Девственницы благородной,
Испуг сильнейший ощутил в душе,
Когда, векам грядущим в назиданье,
Излишеств этих начал описание.
Едва пером он действовал. Оно
Дрожало, ужасом напоено,
И выпало из рук. Успокоенье
Нашел он, погрузившись в размышленье
О Сатане и о его делах.

Всех смертных злобный и преступный враг
Понаторелый соблазнитель этот,
Один и тот же применяет метод
Для уловления людских сердец.
Коварный преступления отец,
Соперник бога и всего, что свято,
Мою праматерь соблазнил когда-то
В ее саду. Лукавый этот змей
Дал яблоко отравленное ей
И даже, уверяют, много хуже
С ней поступил по подлости своей,
И вечно ловит на приманку ту же
Он наших жен и наших дочерей.
Тритем достопочтенный понимает,
Как слабы мы и как наш враг хитер.
Послушайте, как он изображает
Осла святого дерзость и позор.

Иоанна, вся горя румянцем алым,
Здоровым отдыхом освежена,
Спокойно нежилась под одеялом,
И вспоминала жизнь свою она.
Казалось ей: возвысилась так чудно
Она своими силами. (Нетрудно
В душе тщеславья прорасти зерну.)
Денис тотчас же, в справедливом гневе,
Решил оставить, в наказанье Деве,
Ее с своими чувствами одну:
Таким путем гордячка поняла бы,
Как женщины в борьбе с природой слабы,
Коль силам предоставлены своим,
И как необходим, как нужен им
Наставник опытный и покровитель.
И вот уже к нечистому во власть
Она готова навсегда попасть.
Принялся тотчас за свои дела.
Он вездесущ. Вселился он в осла,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Смягчил его ужасную октаву,
Его рассудок темный изощрил
И в тонкости искусства посвятил,
Исследованием коего по праву
Овидий и Бернар стяжали славу.
Святой осел забыл тотчас же стыд:
Из стойла прямо в спальню он спешит,
К постели, где, пленившись сладкой ложью,
Иоанна сердце слушала свое,
И здесь, смиренно опустясь к подножью,
Прекрасным стилем стал хвалить ее,
Твердя, как героиня горделива,
Умна, сильна, а главное – красива.
Так в оно время соблазнитель-змея
Смутил Праматерь сладостью речей.
Известно, что всегда гуляют вместе
С искусством нравиться искусство лести.

«Что это? – вскрикнула Иоанна д'Арк. –
Святой Иоанн, Матвей, Лука и Марк!
Ужели это мой осел? Вот чудо!
Он говорит, и говорит не худо!»
Осел ответил на ее слова:
«Но в этом нет чудес и колдовства;
Я тот осел, что, волей божества,
Воскормлен у седого Валаама, –
Он был жрецом языческого храма,
А я еврей, и если бы не я,
Израиль был бы проклят Валаамом,
Что угрожало бы бедой и срамом.
Заслуга не забылася моя,
И я Еноху отдан был в подарок.
Енох бессмертной жизнью обладал.
Я стал как он; хозяин приказал,
Чтоб злые ножницы жестоких Нарок
Моих судеб не пресекали нить,
И припеваючи я мог бы жить,
Когда бы целомудрие хранить
Не приказал мне мой хозяин честный, –
Вещь, неприятнейшая для осла.
Помимо этого во всем была
Дана свобода мне. В стране чудесной
Я жил, и жизнь моя была легка.
Сперва меня томило вожделенье,
Но был я осторожней дурака,
Героя первого грехопаденья.
Умолкла плоть. Я слабостей не знал,
Свой темперамент бурный обуздал.
Мне в воздержанье помогло немало
То, что ослиц там вовсе не бывало.
И так я прожил в радостях простых
Лет тысячу, приятно холостых.
Когда румяный Вакх из роц Эллады
Принес свой тирс и резвые услады
В долины Ганга, я носился вскачь
И был героя этого трубач;
До сей поры индусы вспомнить рады
Победы наши, поражение их.
Из всех, кем славны Вакховы отряды,
Силен и я – известней остальных.
Впоследствии – о чем и не жалею –
Я создал знаменитость Апулею.

И, наконец, в небесной вышине,
Когда Георгий, вечный друг войне,
Желая смять французскую лилею,
На английском стал ездить скакуне,
Когда Мартин, своим плащом известный,

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org

Стал на коне красивом гарцевать,
Тогда и Франции патрон чудесный
Не захотел от прочих отставать.
Он счел за лучшее меня избрать;
Он подарил мне пару легких крылий,
И в небеса вспарил я без усилий.

Любим был псом святого Роха я,
Дружна со мной Антоньева свинья[85 - ... Псы святого Роха...
Антоньева свинья – по церковной легенде святого Роха (1295 – 1327) – всегда
сопровождала собака, а святого Антония (251 – 356) – свинья.],

Монашества эмблема. Я вращался
В прекрасном обществе и, как святой,
Нектаром и амброзией питался.
Но ах, Иоанна! Эта жизнь ничто
В сравненье с вами. Ни на что на свете
Я прелести не променяю эти.
Все райские святые и скоты
Не стоят вашей чудной красоты.
Носить вас, ваши созерцать черты –
Из всех моих обязанностей эта
Особенно приятна и мила.
Улыбкой вашею душа согрета,
Ваш взор ее пронзает, как стрела.
С тех пор, как я расстался с небесами,
Моя судьба была прекрасна вами.
Нет, не покинул райских я лучей:
Они из ваших светят мне очей».

При речи этой дерзкой и нежданной
Гнев справедливый овладел Иоанной.
Отдать невинность, полюбив осла,
Невинность, что родной страны защита,
Которую господня власть спасла
От Дюнуа и от Гермафродита,
При помощи которой сам Шандос
Такое посрамление понес?
Но как, однако же, разнообразны
Достоинства осла! Как он умен,
Как много жил, как много видел он!
«Нет... Ни за что... Прочь адские соблазны!»
Такие размышленья, точно шквал,
Летят в ее душе, друг с другом споря.
Так иногда в просторе бурном моря
Сшибается со встречным валом вал:
Несется бешеный порыв циклона
К Венгалу, к Яве, к берегам Цейлона,
Другой же мчится к северу, туда,
Где море сковано горами льда;
Гонимый волнами, корабль усталый
То, к небу вознесен, летит на скалы,
То вдруг исчезнет в мрачной бездне вод
И снова, как из ада, восстает.

Проказник, людям и богам желанный,
Которому противиться нельзя,
Уже парил с улыбкой над Иоанной,
Отравленной стрелой ей грозя.
Иоанна д'Арк, терзаема сомнением,
Конечно, втайне польщена была
Таинственным и сильным впечатленьем,
Произведенным ею на осла.
Иоанна протянула руку даже
К нему, не размышляя. Но сейчас же
Отдергивает, покраснев, как мак;
Потом, подумав, начинает так:
«О мой осел, ведь я стою на страже
Прекрасной Франции: повсюду – враг;
Вам строгость нрава моего известна.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Оставьте! Ваша нежность неуместна!
Я не хочу вас слушать! Это грех!»

Осел ответил ей: «Равняет всех
любовь. Пусть – Франция, война, победа;
Однако лебеда любила Леда,
Однако дочь Миноса-старика
Всем паладинам предпочла быка,
Орел унес, лаская, Ганимеда,
И бог морей, во образе коня
Филиру пышнокудрую пленя,
Был вряд ли обольстительней меня».

Он продолжает речь свою. И демон
Примеры новые исподтишка
Ему внушает; ведь известен всем он
Как автор многих выдумок. Пока
Лилась пропитанная сладким ядом
Речь, славный Дюнуа, дремавший рядом,
Прислушивается. И, поражен
Таким отменным красноречьем, он
Узнать желает, что за Селадон
Пробрался в спальню, запертую худо.
Он входит и (о волшебство, о чудо!)
С ушами поразительной длины
Неистового видит кавалера.

Так некогда поражена Венера
Была в объятьях божества войны,
Когда, по приглашению Вулкана,
Бессмертные на них глядеть сошлись.
Но не была покорена Иоанна,
Не отступился от нее Денис,
Дьявольское он разрушил дело:
Собою девственница овладела.
Так задремавший на посту солдат,
Услышав выстрелы или набат,
Мгновенно просыпается и смело
Бросается наперерез врагу,
Кафтан застегивая на бегу.
Копье Деборы, смоченное кровью,
Испытанное на полях войны,
Стояло прислоненным к изголовью.
Она берет его. Мощь Сатаны
Оружием божественным заране
Посрамлена. Спасаясь, бес бежит.
От яростного рева все дрожит
И в Нанте, и в Блуа, и в Орлеане,
И вскормленные в Пуату ослы
Свой голос тоже подадут из мглы.
Нечистый убегает, злобы полон;
Но на бегу план мести изобрел он.
Он в Орлеан, быстрее, чем мышь в траве,
Бежит к жилищу самого Луве,
И там он входит в тело к президентше.
У Сатаны был правильный расчет:
Она любила бритта, и не меньше
Был в госпожу Луве влюблен Тальбот.
И бес за дело принялся. Короче,
Внушил он даме с наступленьем ночи
Впустить Тальбота и его друзей
В ограду Орлеана. Хитрый змей
Прекрасно знал, что, ворожа Тальботу,
Себе на пользу делает работу.

Конец песни двадцатой

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Явленное целомудрие Иоанны. Хитрость Дьявола. Свидание, назначенное президентшей Луве великому Тальботу. Услуги, оказанные братом Лурди. Примерное поведение скромной Агнесы. Раскаяние осла. Подвиги Девы. Торжество великого короля Карла VII

Мои дорогой читатель, верно, знает,
Что бог-дитя, который наш покой
Совсем не по-ребячески смущает,
Имеет два колчана за спиной.
Когда стрелу из первого колчана
Направит он, то сладостная рана
Не ноет, не болит, но, что ни час,
Становится опаснее для нас.
В другом колчане стрелы – пламень жгучий,
Который нас испепелить грозит:
Все чувства наши крутит вихрь могучий,
Забыто все; лицо огнем горит,
Какой-то новой жизнью сердце бьется,
Кровь новая по жилам буйно льется,
Не слышишь ничего, блуждает взгляд.
Кипящей несколько часов подряд
Воды в котле нестройное волнение
Есть только слабое изображенье
Тех бурных чувств, что нас тогда томят.

О, недостойнейших лгунов орава,
Которых мучила Иоанны слава,
О, бывшие всегда во власти зла
И истину скрывавшие лукаво,
По-вашему, краса всех дев могла
Такой любовью полюбить осла?
Вы честь ее берете под сомненье,
Наносите ей дерзко оскорбленье
И, умножая собственный свой срам,
Не уважаете прекрасных дам.
Не говорите, что Иоанна пала,
То повторять одним глупцам пристало,
Бессмыслица такая всем ясна.
Вы путаете числа, времена,
Бесстыдно лжете, не смутясь нимало.
Почтительнее к памяти осла!
Вам всем не по плечу его дела,
Хоть уши вам судьба длинной дала.
Ведь если Девственница без смущенья
И даже с чувством удовлетворенья
Внимала столь неслыханным речам,
То это извинительно для дам:
Тщеславия безгрешны наслажденья.

И чтоб навек прославить наконец
Иоанны д'Арк немеркнувший венец,
Чтоб доказать, что, овладев собою,
Она отбила натиск темных сил,
Не поддавалась ослу, – я вам открою:
Другой любовник у Иоанны был.
То Дюнуа; уже давно она
Ему душой возвышенной верна.
Пускай ослиной речью, столь блестящей,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Она была немного польщена,
Но случай этот, многих веселящий,
Нельзя считать изменой настоящей.

История расскажет нам,
Что Дюнуа, безжалостный к врагам,
Златой стрелой из первого колчана
Был поражен Амуром в сердце. Рана
Была глубокой, но владел собой
И слабостей не ведал наш герой.
Он предан был монарху и отчизне;
Их честь была ему законом в жизни.

Иоанна! Знал он, что тебя своей
Он назовет с исходом бранных дней,
И срока ждал, уверен, тверд и молод;
Так верный пес, одолевая голод,
До устали набегавшись окрест,
Дичь держит в пасти, но ее не ест.
Однако, видя, что осел небесный
О страсти Деве говорит прелестной,
Решил открыть свою любовь и он.
Мудрец порой бывает помрачен.
Конечно, было слишком безрассудно
Отчизну бросить на алтарь любви.
Есть грань страстям. Иоанне было трудно,
Еще не потушив огня в крови,
Сопротивляться своему герою.
Любовь над нею власть брала, не скрою;
И лишь в последний миг святой Денис
С заоблачных селений грянул вниз
И, свет вокруг себя распространяя,
На золотом луче слетел из рая,
Как в оный день, когда из горних стран
Он в первый раз спустился в Орлеан.
Ударил в грудь Иоанны луч небесный,
Она очнулась, и, что было сил,
Кричит: «Остановитесь, друг прелестный.
Еще не время, час не наступил,
Умерьте ваш неудержимый пыл!
Вам одному я верность обещаю,
Вам девства своего отдам я цвет,
Но вы должны еще родному краю
Помочь стереть позор последних лет,
Изгнать врага, исполнить дело чести;
И мы на лаврах ляжем с вами вместе».

Сдержал свои желанья Дюнуа,
Услышав столь разумные слова,
И обещал им подчиниться свято.
Она спешит его поцеловать
Подряд раз двадцать или двадцать пять,
Как добрая сестра целует брата.
Овладевают вновь они собой,
И в их сердцах опять царит покой.
Денис их видит и, довольный ими,
Спешит с предположеньями своими.
Был у надменного Тальбота план
Тайком проникнуть ночью в Орлеан;
Хотел помочь он англичанам бравым,
Скорее мужественным, чем лукавым.

Ты торжествуешь, бог любви!
О, срам! О злой, Амур, ведь ты предать собрался
Оплот и славу Франции врагам!
То, перед чем британец колебался,
То, что Бедфорд и опытность его,
То, что рука Тальбота самого

Вольтер Орлеанская девственница filosofff.org
Не сделали, ты совершить берешься.
Ты губишь нас, дитя, а сам смеешься!

И если этот маленький пострел
Иоанну ранил с соблюдением правил,
То, острия других, ужасных стрел
В грудь нашей президентши он направил.
Их мощный и стремительный удар
В душе, в крови ее зажег пожар.
Вообразите страшную осаду,
Кровавый приступ, ужас, равный аду,
Усилья эти, этот страшный бой
В глубоких рвах, на башнях, под стеной,
Когда Тальбот с британскими полками
Стоял пред взорванными воротами
И, мнилось, на него бросала твердь
Огонь, свинец, железо, сталь и смерть.
Уже Тальбот, и дерзостный и рьяный,
Успел войти в ограду Орлеана
И возвышал; свой голос громовой:
«Сдавайтесь все! Соратники, за мной!»
Покрытый кровью, в этот миг, поверьте,
Он был похож на бога битв и смерти,
Которому сопутствуют всегда
Раздор, Судьба, Беллона и Беда.

Как бы случайно в президентском доме
Отверстия не забили одного,
И госпожа Луве могла в истоме
Глядеть на паладина своего,
На яркий шлем, султаном осененный,
Могла заметить взор его влюбленный
И гордый вид, с которым бы не мог
Соперничать и древний полубог.
По жилам президентши пламя лилось,
Она забыла стыд, в ней сердце билось.
Так иногда, вся в сладостном чаду,
Из темной ложи госпожа Оду
Глядела на бессмертного Барона,
Не отрывалась от его лица,
Ждала его улыбки и поклона
И страстью наслаждалась без конца.

Черт, президентшей овладев всецело,
К развязке вел без затруднений дело;
Амур и черт, вы знаете, – одно.
Архангел черный, злом неуголимый,
Принять Сюжетты вид решил умно,
Служанки верной, доброй и любимой.
То девушка полезная была: Она причесывала, завивала,
Любовные записки доставляла,
Вела хозяйки нежные дела,
А кстати и своих не забывала.
Лукавый бес, приняв Сюжеттин вид,
Красавице влюбленной говорит:
«Известны вам мой ум и дарованья;
Я исполненью вашего желанья
От всей души хотела бы помочь.
Мой брат двоюродный сегодня в ночь
Как раз назначен часовым к воротам.
Когда наш город погрузится в сон,
Вы там могли бы встретиться с Тальботом.
Записку дайте мне; мой брат смышлен,
И передать ее сумеет он».
Президентша, не предвидя риску,
Поторопилась написать записку,
Где страсть дышала в каждой запятой:
Недаром черт у ней был за спиной.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Тальбот великий, получив признание,
Решил пойти на позднее свиданье;
Но в эту ночь поклялся он вкусить
Не только негу, но и славу кстати;
И он решился, соскочив с кровати,
Другим скачком победу захватить.

Монах Лурди, вы помните, быть может,
Денисом к англичанам послан был
В надежде, что он там ему поможет.
Он был свободен, пел псалмы, служил
И даже исповедовал порою.
Тальбот не мог предполагать никак,
Что явится помехою герою
Какой-то жалкий выродок, дурак,
Которого на днях он самолично
Распорядился выпороть публично.
Но иначе судил всесильный рок.
В своих решеньях он, как всякий знает,
Возносит часто тех, кто недалек,
И в дураках разумных оставляет.
Небесный луч зажегся вдруг в груди
Тяжелодумного отца Лурди,
И мозг монаха, просветленный раем,
Для мыслей стал отчасти пронцаем;
Он понял сам, что в нем рассудок есть.
Ах, что такое наша мысль, бог весть!
Известна ли нам тайная пружина,
Безумия и мудрости причина?
Известно ли нам, атомом каким
Философ от тупицы отличим,
Каких непостижимых клеток сила
Питала дух Гомера и Эхила
Или какой отравой был вспоен
Какой-нибудь Терсит, Зоил, Фрерон?
Взлелеет иногда царица Флора
Близ лилии прекрасной мухомора;
Так сотворил их бог, так хочет он.
А воля бога скрыта от науки:
Ученый лепет – лишь пустые звуки.

Лурди тотчас же любопытен стал
Все замечал, повсюду нос совал.
Приметил он, что к городу рядами
Тянулись повара за поварами,
Что были к вечеру отнесены
Туда куски отличной ветчины,
И редкостная дичь, и трюфлей груды,
И тонкие граненые сосуды
Во льду, в которых было налито
Вино священных погребов Сито.
Притом все шли поспешно и в молчанье.
Тогда Лурди вдруг осенило знание,
Но не латынь пустая, а как раз
То, что поступкам нужным учит нас.
Он овладел искусством речи сладким,
Стал нежным, вкрадчивым, на слухи падким,
Подглядывал, умело притаясь,
Молчал, болтал, не ощущая страха,
Собой являя образец монаха.
Их братия, лукава и хитра,
Влезает ловко с заднего двора;
Проныры и лгуны, пример смутьянам,
Войдя сперва в доверие к мещанам,
Ползут затем к носителям порфир
И, наконец, заполоняют мир;
Одни ханжи, другие понаглее,
Лисицы, волки, обезьяны, змеи;

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org

Недаром же британцы в старину

Очистили страну – в 1534 г. английский король Генрих VIII (1491 – 1547) из династии Тюдоров порвал с католическим Римом, объявив себя главой англиканской церкви, а в 1536 и 1539 гг. провел секуляризацию монастырей.].

Лурди тропинкой, вдоль лесной полянки,
До королевской добежал стоянки
И отыскал, волнением объят,
Где Бонифаций жил, его собрат.
Тот важно в эти миги роковые
Обдумывал вопросы мировые;
Он размышлял о тягостных цепях,
Которые связуют человека,
О судьбах, нам назначенных от века,
Об этом мире, об иных мирах.
Нет областей, закрытых для познания,
Нетрудно разгадать событий нить.
Он понял все: он знает, что свиданье
Способно государство погубить.
Припоминает, что видал недавно
Он на заду британского пажа
Трех лилий золотых рисунок славный,
И в памяти его еще свежа
Картина гибели Гермафродита.
Он взвесил все. Всцело ж убежден
Стал духувник, что Карлу бог – защита,
Когда в беседе обнаружил он,
Что брат Лурди стал тонок и умен.

Лурди просил, чтобы его представил
Монаршей фаворитке духовник;
Он поклонился ей согласно правил
И рассказал все то, во что проник:
Как, неспособный побороть желанье,
Тальбот назначил вечером свиданье
И близ ворот, где взорвана стена,
С ним президентша встретиться должна.
«Могла бы хитростью, когда не силой, –
Он молвил ей, – быть кончена война.
Ведь так Самсон был побежден Далилой.
Агнеса, предложите королю
За дело взяться». – «Мой отец, молю, –
Она в ответ, – скажите, неужели
Навек мне верен Карл на самом деле?»
«Не знаю, – молвил он. – Любовь ему
Я ставлю в грех по сану своему,
Но сердцем с ним. Не мука, а отрада
Стать из-за ваших глаз добычей ада»,
Агнеса улыбнулась: «Ваш ответ
Любезен и находчив, спору нет, –
И еле слышно, избегая взгляда,
Добавила: – Еще один вопрос:
Встречался вам у англичан Монроз?»
Ответ Лурди был тонок и уместен:
«Его не раз я видел, он прелестен».
Агнеса вся зарделась и рукой
Лицо закрыла. Овладев собой
И улыбнувшись сдержанно и мило,
Она монаха к Карлу проводила.

Лурди достойно там себя держал,
И добрый Карл, не дав ему ответа.
Всех членов королевского совета
И всех военачальников собрал.
На это сборище героев славных
Пришла Иоанна, равная среди равных.
Явилась, незаметна и скромна,

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
Агнеса с неизменным вышиваньем,
И, что б сказать ни вздумала она,
Карл следовал ее предначертаньям.

Решили, не жалея ничего,
Схватить Тальбота с дамою его;
Так в дни былые Марса с Афродитой
В плен захватили Солнце и Вулкан.
Был тонко разработан этот план,
Лишь небольшому кругу лиц открытый.
Сначала вышел Дюнуа. Тяжел
Был дальний путь, которым он пошел,
И славится в истории доньне.
За ним войска тянулись по равнине,
По направленью к городской стене.
С своей возлюбленной наедине
Герой Тальбот вкушал уж наслажденье,
Себе дав мысленно одно мгновенье
На переход от нежных ласк к войне.
Шести полкам велел идти он следом.
Исход сраженья был заране ведом,
Но после поучения Лурди
Его оцепенелые солдаты
Какой-то были тяжестью объаты
И спали друг у друга на груди.
О, чудо! О, Денис! О, случай странный!

Уже могучий Дюнуа с Иоанной
И ослепительная свита их
Вблизи от укреплений городских
Вдоль цепи осаждающих скакали.
Арабский конь, из самых дорогих,
Которому соперник был едва ли,
Шел под Иоанною. В руке ее
Деборы было древнее копье,
Меч на боку сверкал, тот самый, верно,
Который обезглавил Олоферна.
И вот, благоговения полна,
Молить Дениса начала она:

«О ты, который в Домреми когда-то
Мне поручил исполнить труд солдата
И чудные доспехи вверил мне.
Прости меня, что я наедине
С твоим ослом, лукавым и неверным,
Его речам внимать дерзнула скверным.
Тебе напомнить, покровитель мой,
Позволь, что некогда моей рукой
Ты предал казни англичан бесчинных,
Бесчестивших монашенок невинных.
Предстал еще славнее случай нам.
Подай же ныне мощь моим рукам.
Я без тебя бессильна и убога.
Отчизну охраняй во имя бога,
На короля пролей лучи любви
И президента честь восстанови.
Молю, пусть нам удастся это дело.
Я полагаюсь на тебя всецело!»

Денис к ее молитве снизошел,
А в лагере ей внял ее осел:
Ее почуял он; что было силы
Летит он второпях на голос милый
И, со смиреньем на колени став,
Ей признается в том, что был не прав.
«Владел мной дьявол, знаете вы сами.
Раскаиваюсь я». И со слезами
Он умоляет оседлать его

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
И слушать не желает ничего.
Иоанне ясно, что благая сила
Крылатого осла ей возвратила.
Его слегка побив, ему она
Внушила на другие времена
Быть осмотрительнее и скромнее.
Осел клянется в том и, гордо рея,
Несет ее сквозь тучи и туман.
"Я вдруг он падает на англичан,
Как молния. На нем летя, Иоанна,
Неукротимым гневом обуянна,
Льет кровь рекой, пронзает сталь щитов
И отрубает тысячи голов.

Над ней ночное тусклое светило
Сияло безразлично и уныло.
Британцы, смущены, изумлены,
Не сводят глаз с туманной вышины,
Но длань разящая укрыта тучей.
Войска бегут растерянною кучей
И попадают в руки Дюнуа.
У Карла закружилась голова
От счастья. Несметными рядами
Его враги на смерть несутся сами
И падают на землю без числа,
Как беззащитные перепела.
Ослиный голос ужас всем внушает;
Иоанна руку сверху простирает,
Преследует, пронзает, рубит, мстит;
Бастард разит; а добрый Карл стреляет
На выбор, в тех, кто в трепете бежит.
Тальбот, любовной негой опьяненный
И без ума от госпожи Луве,
С ней лежа головою к голове,
Услышал боя грохот заглушённый.
Он, торжествуя, молвил про себя:
«Ура! Владею Орлеаном я!
Амур, – он шепчет в радостной гордыне, –
Перед тобою падают твердыни!»
Надежды преисполненный Тальбот
Целует госпожу Луве, встает,
Торопится одеться и, надменный,
Выходит, чтоб взглянуть на город пленный.

Тальбот всегда, на случай спешных дел,
Оруженосца при себе имел;
Тот верный, храбрый и любезный воин,
Хранивший плащ, копье и самострел,
Был господина своего достоин.
«Соратники! Победа! Город пал!» –
Вскричал Тальбот. Но сразу замолчал:
К нему не бритты верные, а Дева
Несется на осле, дрожа от гнева;
Французы ломаются чрез тайный ход;
Был потрясен и задрожал Тальбот.
Французы восклицают: «Карлу слава!
Вперед! Руби налево и направо!
Гасконцы, пикардийцы, где вы там?
Бей, режь, стреляй! Пощады нет врагам!»

Тальбот, как только поборол смущенье
И первое осилил впечатленье,
Сопrotивляться до конца решил:
Так, в луже крови, из последних сил,
Эней отстаивал родную Трою.
Тальбот был равен этому герою –
Тальбот своей страны не посрамил,
Готовый драться хоть со всей вселенной.

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
С ним был оруженосец неизменный.
Они французов отразить хотят,
Но те идут за рядом новый ряд,
И им Тальбот победу уступает.
Сдается он, но чести не теряет.
Иоанна и бастард героя чтят
И, рыцарю сказав по комплименту,
Отводят президентшу к президенту.
Тот простодушно счастлив тем, что с ней:
Не ведать ничего – удел мужей.
Луве не знал до окончания жизни,
Чем госпожа Луве была отчизне.
Рукоплескал вверху Денис святой;
Святой Георгий был объят тоской;
Осел ревел пронзительно и гордо,
Вселяя трепет в воинов Бедфорда;
Героем Карл Седьмой себя считал
И в городе Агнесе ужин дал,
И в ту же ночь стыдливая Иоанна,
Осла спровадив в райские хлева,
В положенном обете постоянна,
Сдержала слово перед Дюнуа.
А брат Лурди направо и налево
Еще кричал: «Она всем девам дева!»

Конец песни двадцать первой и последней

Примечания

1

речь идет о прусском короле Фридрихе II (1712 – 1786), построившем в 1745 г. дворец Сан-Суси около Потсдама. В 1750 г. вышел трехтомник его произведений на французском языке, в который вошли оды, послания, поэмы и письма. В одном из писем Фридрих II упрекает Вольтера за то, что тот дал переписывать «Орлеанскую девственницу» не ему, а герцогине Вюртембергской.

2

Возница Вертамона – Этьен (ум. в 1724), автор и певец популярных народных песенок.

3

В последних изданиях этой поэмы, сделанных невеждами, читатель с возмущением видит множество стихов, вроде:

И пальцем проверяет тут Шандос:
Иоганна все по-прежнему ль девица?
«Черт поberi тесьму!» – хрипя, бранится.
Но вот тесьму и вправду черт унес.
Шандос встряхнуть свою тряпицу тщится,
.....
На свой манер у каждого повадка.

О Людовике Святом там говорится:

Уж лучше бы бедняга развлекался
В постели со своею Марготон...
Он ракового супа не едал, и т. д.

Кальвин там современник Карла VII; все искажено, все испорчено бесчисленными нелепостями; автор этой мерзости, годной единственно для всякого сброда, расстрига-капуцин, принявший имя Мобера.

4

«Ночное бдение в честь Венеры» (лат.)

5

Петроний Гай (неизв. – 66 н. э.) – римский писатель, автор романа «Сатирикон», в котором высмеивается окружение императора Нерона.

6

В самом деле (лат.).

7

Лоренцо Медичи Великолепный (1448 – 1492) – правитель флоренции с 1469 г., поэт, покровитель наук и искусства.

8

«Здравствуй царица» (лат.).

9

Крешимбени (1663 – 1728) – итальянский писатель, основатель академии «Аркадия».

10

Боярдо Маттео Мария ди Скандиано (1441 – 1494) – итальянский поэт эпохи Возрождения, автор героико-фантастической поэмы «Влюбленный Роланд».

11

Роланды, Рено, Оливье и Дюдоны – герои поэм Боярдо и Ариосто.

12

С разрешения властей (ит.).

13

Социнианство – протестантское учение, основанное итальянцем Лелио Социном (или Социни, 1525 – 1562), отрицавшее свякую троицу и божественность Христа, проповедовавшее веротерпимость.

14

«Ланселот с озера» – роман XIII в. из цикла Артуровских романов или романов Круглого стола о рыцаре Ланселоте, который отправился на поиски чаши святого Грааля.

15

Что сказать (лат.).

16

Карл VII (1403 – 1461) – французский король с 1422 г. К моменту его прихода к власти, почти вся Франция была оккупирована Англией. Согласно подписанному французской королевой Изабеллой Баварской (1371 – 1435) договору (1420) французский престол переходил к англичанам. Карл VII не признал этот договор и начал длительную войну с англичанами, но терпел поражения. Лишь после появления в 1429 г. Жанны д'Арк английские войска были разбиты под Орлеаном, был взят Реймс, где официально короновался Карл VII. После перехода на его сторону герцога Бургундского к 1435 г. вся Франция, кроме г. Кале, была освобождена от английских войск.

17

Агнеса Сорель (1422 – 1450) – фаворитка Карла VII, имевшая от него несколько дочерей.

18

Флора – в римской мифологии богиня весеннего цветения и юности.

19

Анадиомена – букв, выныривающая; имеется в виду богиня любви и красоты Афродита, которая, по одному древнегреческому мифу родилась из морской пены.

20

Арахна, или Арахнея – в древнегреческом мифе – искусная ткачиха, вступившая в состязание с богиней Афиной и победившая ее. Разгневанной богиней была превращена в паука.

21

Ален Шартье (1385 – 1433) – французский придворный поэт Карла VII, «отец французского красноречия».

22

Британский вождь – герцог Бедфорд, Джон Ланкастер (1389 –1435), младший брат английского короля Генриха V, коронованного королем Франции; после его смерти короновал юного Генриха VI на престол и стал регентом.

23

Потон, Ла Гир и смелый Дюнуа – французские полководцы, защищавшие Орлеан во время его осады англичанами. Потон де Сент-райль (умер в 1461 г.), гасконский дворянин, командир партизанского отряда. Ла Гир (ок. 1390 – 1443) – полководец, добился победы над англичанами под Орлеаном в 1429 г. Жан де Дюнуа (1403 – 1468) – победил англичан под Монтаржи, в 1436 г. взял Париж. Считался верным рыцарем Жанны д'Арк.

24

Ришмон Артюс де Бретань (1393 – 1458) – герцог, командующий французскими войсками, в 1435 г. заключил Аррасский мир Франции с Англией.

25

Ла Тримуйль Жорж (ок. 1385 – 1446) – полководец, фаворит французского короля Карла VII.

26

то есть Грибурдон знал каббалу – древнееврейское тайное учение, предсказывавшее будущее при помощи Библии, которая расшифровывалась особым способом.

27

Василиск – согласно средневековой легенде так называлось чудище с петушиной головой, жабым туловищем и змеиным хвостом. Святой Франциск – Франциск Ассизский (1182 – 1226), основавший орден францисканцев.

28

Морфей – в греческой мифологии – бог сновидений, сын бога сна Гипноса, изображался обычно крылатым.

29

Массильон Жан-Батист (1663 – 1742) – французский проповедник, член Французской академии времен Людовика XIV, славившийся своим красноречием.

30

Дебора (Девора) – в библейской мифологии – пророчица, судья, возглавившая

31

Сисара – Вольтер указывает, что этот предводитель враждебных Иудее племен был убит библейской героиней Иаиль при помощи гвоздя.

32

... И Гиппогриф... Астольфа мчал... – герой поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» Астольф, желая помочь своему обезумевшему другу Роланду, несется на сказочном крылатом коне – Гиппогрифе на луну, где находит разум Роланда.

33

... На званье девы... – Жанна д'Арк действительно подверглась медицинскому освидетельствованию.

34

Реймс – город в департаменте Марна; с XII в. по XIX в. в Рейм-ском соборе происходили коронации французских королей, в нем Жанна д'Арк короновала Карла VII.

35

Орифламма (фр.) – букв, золотое пламя – квадратно-красный стяг французских королей с XII по XV вв.

36

Какодемон (греч.) – злой дух.

37

«Вестник» – имеется в виду еженедельник «Меркюр де Франс», созданный в 1672 г. писателем Донно де Визе (1638 – 1710) и печатавший придворную хронику, небольшие пьесы, стихи, анекдоты, критические статьи.

38

Молина Луис (1535 – 1600) – испанский иезуит, создавший учение «молинизм» и пытавшийся примирить свободную волю человека и божественное провидение. Эскобар и Мендоза Антонио (1589 – 1669) – испанский иезуит-казуист, ученый; резко раскритикован французским ученым и философом Блезом Паскалем (1623 – 1662) в его знаменитых «Письмах к провинциалу» (1657).

39

Хитрец Дусен – аббат, советник иезуита Мишеля Теллье (1643 – 1719), последнего

Вольтер Орлеанская девственница filosoff.org
духовника Людовика XIV, автора «Буллы» (королевского акта), вызвавшей длительные религиозные волнения.

40

Веллерофонты новые... – по древнегреческому мифу, герой Беллерофонт с помощью крылатого коня Пегаса победил трехглавую огнедышащую Химеру и воинственных амазонок.

41

О летописец эллинских сражений... – очевидно, Вольтер имеет в виду Гомера, автора героической «Илиады», которому определенное время приписывалась и пародийная поэма «Батрахомомахия», или «Война мышей и лягушек» (она упоминается ниже).

42

Юрбен Грандье (1590 – 1634) – лудейский кюре, приговоренный агентом кардинала Ришелье, советником Жаном-Мартеном Любарденом (1590 – 1653) к сожжению на костре за то, что он якобы вселил в души монахинь дьявола. Фактически же это была месть Ришелье за направленные против него памфлеты Грандье.

43

Элеонора – Леонора Галигаи (1571 – 1617) – итальянка, фаворитка французской королевы Марии Медичи (1573 – 1642), жена Кончино Кончини.

44

Кибела – фригийская богиня, мать многих богов и всего живого на земле. Древние греки отождествляли ее с богиней земли Реей, матерью Зевса, Аида, Посейдона и Деметры.

45

Отец Бертье – Гийом-Франсуа Бертье (1704 – 1782) – аббат, постоянно преследовавший Вольтера и других просветителей.

46

Фонтевро – по объяснению Вольтера, в этом местечке старинной провинции Анжу в конце XI в. был основан женский монастырь и монашеский орден, во главе которого на протяжении многих столетий стояли игуменьи.

47

Жиго – окорок свиной, бараньей или телячьей туши.

48

Бастардов украшение, Дюнуа – Жак Дюнуа Орлеанский (1403 – 1468), был бастардом – незаконнорожденным сыном герцога Людовика I Орлеанского. Звание «бастарда» было почетным, т. к. свидетельствовало о знатности происхождения.

49

Мальплакэ... Зама... Фарсал – название мест в Северной Африке, где состоялись битвы, в которых: англичане победили французов (1709 г.); римские легионы Публия Сципиона разбили войска карфагенского полководца Ганнибала (202 г. до н. э.); Юлий Цезарь нанес поражение Гнею Помпею (106 – 48 до н. э.), в 48 г. до н. э.

50

О, Кенигсмарк – в примечании Вольтера сказано, что Мария-Аврора Кенигсмарк была возлюбленной польского короля Августа II (1670 – 1733).

51

Роберт д'Арбриссель (1055 – 1117) – монах, основатель женского монастыря и ордена Фонтевро. Вольтер поясняет, что он придумал себе новый вид мученичества: «спать каждую ночь между двумя молодыми монахинями, чтобы провести дьявола».

52

... У дочери Птолемея – то есть Клеопатры. Это имя носили семь египетских цариц из династии Птолемидов (305 – 30 до н. э.). Самая знаменитая – Клеопатра VII (69 – 30 до н. э.), пленившая своей красотой сначала Юлия Цезаря (102/100 – 44 до н. э.), а затем его полководца Марка Антония (83 – 30 до н. э.).

53

... Осужденный богом... – в примечании Вольтер рассказывает легенду о халдейском (вавилонском) царе Навуходоносоре, которого бог наказал и на семь лет лишил разума – тот вообразил себя быком, жил вместе со зверями и ел траву. Затем разум вернулся к нему, и он прожил еще год, совершив много добрых и мудрых дел.

54

Рассыльная Атропы, Стикса дочь – то есть смерть; по древнегреческому мифу, Атропа – одна из трех сестер-Мойр (в Риме они назывались Парками): Клото – прядет нить жизни, Лахесис – проводит ее через все испытания, Атрона – обрезает эту нить. Стикс – нимфа реки, семь раз обтекающей подземное царство Аида, по ней души умерших попадают в это царство.

55

... Блаженного Мартина... (ок. 316 – 397) – турецкий епископ с 371 г., основатель первого французского монастыря, католической церковью причислен к лику святых.

56

Все вышеприведенные выдающиеся греки помещены Вольтером в ад не случайно – этим

приемом он достигает едкой иронии по отношению к католической церкви, которая всех эллинов, независимо от их заслуг и добродетелей, помещала в ад как язычников.

57

Король Хлодвиг (466 – 511) – из рода Меровингов, завоевал почти всю Галлию и основал франкское государство. Совершил ряд преступлений, убив многих близких родственников. По преданию, был обращен в христианство в 496 г. реймским епископом Реми (437 – 533), которого церковь возвела в ранг святых.

58

Константин I Великий (285 – 337) – римский император с 306 г. первым из императоров принял христианство и сделал его государственной религией. Основал Константинополь на месте древнего города Византия.

59

Альбигойцы – участники еретического движения, возникшего на юге Франции в XII – XIII ст. ; основную массу составляли крестьяне и ремесленники. Осуждены Вселенским собором 1215 г. Разбиты во время двух крестовых походов (1209 и 1229 гг.), организованных папством.

60

Адонис – финикийское божество природы, олицетворение умирающей и воскресающей природы. Возлюбленный древнегреческой богини Афродиты, был убит разъяренным вепрем и превращен богиней в цветок анемон (др. версия – в розу).

61

Анхиз – по древнегреческому мифу внук троянского царя Ила (поэтому Троя также называли Илион), возлюбленный Афродиты; от этой связи родился троянский герой Эней, главный герой поэмы Вергилия «Энеида». За разглашение тайны их любви Зевс ослепил Анхиза.

62

Саватье, орудие подлога – Антуан Саватье (1742 – 1817) – литературный недруг Вольтера, часто высмеивавший его в памфлетах, один из которых назывался «Философское изобретение ума г-на Вольтера». Гийон, Фрерон, Вомель – также противники Вольтера, досаждавшие ему доносами, пасквилями и клеветой. Гийон Клод-Мари (1699 – 1771) – литератор и историк. Фрерон Эли (1719 – 1776) – литератор, идейный враг писателя. Лоран Ла Бомель (1726 – 1773) – после неудачной попытки сблизиться с Вольтером начал преследовать его своими пасквилями.

63

Эпитрахиль – облачение священника, одеваемое поверх рясы.

64

Бузирис (или Бусирис) – мифический царь Египта, приносивший в жертву всех попадавших ему в руки чужеземцев. Геракл, также обреченный им на смерть, разорвал путы и убил Бузириса вместе с его сыном.

65

Стернум – передняя часть грудной клетки.

66

Атлант – первый шейный позвонок.

67

Тритем Жан (1462 – 1516) – историк, аббат монастыря св. Иакова в Вюрцбурге, собиратель исторических рукописей и древних книг. Вольтер делает его вымышленным источником разных «достоверных» событий.

68

Алкид – прозвище Геракла, данное ему Дельфийским оракулом и означавшее «совершающий подвиги из-за гонений Геры». По другому варианту древнегреческого мифа Алкид – потомок Алкея, отца Амфитриона, мужа Алкмены (матери Геракла).

69

Тройной пес – то есть трехглавый пес Цербер, охраняющий вход в подземное царство Аида.

70

Тройная Эвменида – три сестры Эвмениды ранее назывались «Эринниями» («неистовыми», «яростными») и были греческими богинями родовой мести, охранительницами материнского права. После того, как богиня Афина уговорила их простить Ореста за убийство матери Клитемнестры, они начали называться Эвменидами («милостивыми»). Геракл побеждает Эринний (Тизифону, Алекто и Мегеру)

71

Его отца свела с ума причина – отец Карла VII, Карл VI (1380 – 1422), за несколько лет до конца своего правления заболел тяжким «ушесным недугом». Начавшаяся ожесточенная борьба за власть отрицательно сказалась на положении Франции.

72

... Остатки округов – перед снятием осады Орлеана в 1429 г. Карлу VII принадлежали лишь отдельные области Франции, остальная территория была захвачена англичанами.

73

Ультрамонтанец – французский католик, считавший власть папы римского высшей и единственной.

74

Полона с Флорой – Помона, по римской мифологии, богиня плодов; Флора – богиня цветов и садов, весны и молодости.

75

Переодетый девушкой Ахилл – по древнегреческому мифу богиня Фетида, мать Ахилла, чтобы спасти его от участия в Троянской войне, где его ожидала смерть, поместила сына среди дочерей скифского царя Ликомеда, переодев в девичье платье. Эту хитрость разгадал Одиссей, предложивший девушкам украшения. Ахилл же выбрал меч.

76

Мечтательный Рене – то есть Рене Декарт (1596 – 1650), французский философ и математик. До появления теории всемирного тяготения Ньютона идеи Декарта были наиболее популярны.

77

.. Историю осла... – имеется в виду Буриданов осел, издохший от голода, хотя он и находился между двумя стогами сена, не знал, с которого начать. Эту историю средневековый схоласт Жан Буридан (1300 – ок. 1360) приводит в качестве аргумента против свободной воли человека.

78

Медведица направилась к Надару – то есть к горизонту.

79

... В опере поэта-кардинала – Парижский оперный театр в то время размещался во дворце Пале-Рояль, построенном в 1629 г. архитектором Лемерсье для Ришелье, всемогущего кардинала и посредственного поэта.

80

... Кто презираем и любим – намек на Людовика XV, которого народ ненавидел, а придворные называли «любимым».

81

«История Марии Алакок» – Вольтер поясняет, что это «сочинение, редкое по количеству глупостей, принадлежит Лангэ, епископу Суассона».

82

Бургундский враг – Жан Бесстрашный, герцог Бургундский (1371 – 1419), убивший брата Карла VII Людовика Орлеанского.

83

Грести на амфитритиной спине – то есть на галерах, куда ссылали каторжников. Амфитрита – в греческой мифологии морская богиня, жена бога Посейдона.

84

«Из бездны» (лат.). – заупокойная молитва.

85

... Псы святого Роха... Антоньева свинья – по церковной легенде святого Роха (1295 – 1327) – всегда сопровождала собака, а святого Антония (251 – 356) – свинья.

86

... Британцы в старину от них очистили страну – в 1534 г. английский король Генрих VIII (1491 – 1547) из династии Тюдоров порвал с католическим Римом, объявив себя главой англиканской церкви, а в 1536 и 1539 гг. провел секуляризацию монастырей.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!